Н.А. БЕЛОВА

Повседневная жизнь учителей

Н.А. БЕЛОВА Повседневная жизнь учителей

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

Н.А. Белова

Повседневная жизнь учителей

Москва 2015

УДК 394
ББК 63.5
Б 435

Книга подготовлена
при поддержке Российского научного фонда
(проект №14-18-03090)

Рецензенты:

доктор исторических наук *Д.В. Громов*
кандидат исторических наук *С.С. Крюкова*

Белова Н.А. **Повседневная жизнь учителей** / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2015. – 228 с.

ISBN 978-5-4211-0122-2

Книга посвящена изменениям, происходившим в повседневной жизни учителя советской эпохи. На примере Костромского края рассматриваются особенности социальной мотивации и ценностной сферы учителей, их бытовые и семейные отношения, а также влияние идеологии на учительское сообщество. В монографии мы постарались проследить как менялся социальный статус педагогов на протяжении всей советской эпохи, каким образом трансформировался быт и повседневное восприятие этой крупнейшей части интеллигенции под влиянием государственных доктрин, общественных противоречий, исторических и региональных процессов.

Для этнологов, историков, педагогов и широкого круга читателей

ISBN 978-5-4211-0122-2

© Институт этнологии и антропологии РАН
© Н.А. Белова

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 7

ЧАСТЬ I

Количественная, этноконфессиональная и гендерная характеристика учителей как социально-профессиональной группы 37

Глава 1

Количественная, этническая и конфессиональная характеристика советских учителей 38

Глава 2

Гендерный состав советских учителей 49

ЧАСТЬ II

Воздействие идеологического фактора на мировоззрение и систему ценностей учительской интеллигенции 61

Глава 1

Власть и народное образование: меры идеологического воздействия на учителей 62

Глава 2

Общественная работа, как характерная черта повседневности советского учителя 81

ЧАСТЬ III

Социально-экономическое положение и быт советских учителей Костромского края 95

Глава 1

Характеристика номинальной и реальной заработной платы учителей 96

Глава 2

Условия жизни учителей 119

Глава 3

Производственные условия работы в советских школах 126

Глава 4
Бюджет времени, досуг, семья 134

ЧАСТЬ IV
Социально-психологический облик советского учительства Костромского края 143

Глава 1
Социальное происхождение и уровень образования советских учителей 144

Глава 2
Социально-психологический портрет российского учителя советского времени 150

Заключение 164

Список источников и литературы 172

Приложения 188

Переписи населения Костромского края 188

Анкета-опросник 193

Примеры учительских интервью 196

Фотографии советских учителей 206

Посвящается моим родителям

ВВЕДЕНИЕ

Профессия школьного учителя относится к числу востребованных и социально значимых, а сами учителя в нашей стране являются едва ли не самой многочисленной социальной группой работников интеллектуального труда. Несмотря на это, задача исследования повседневного быта педагогов, условий их работы и частной жизни – до сих пор не только не решена, но и не поставлена в российской социально-антропологической науке. При обилии публикаций, связанных с педагогикой, при многомиллионных тиражах учебников, книг и статей, посвященных образовательной и воспитательной деятельности в стране и мире, в своем большинстве они ориентированы на проблемы обучающихся. Педагоги, хотя и считающиеся носителями знаний, необходимых для передачи подрастающему поколению и проводниками государственной идеологии, остаются вне поля исследователей. Было мало попыток изучить быт, жизненные ориентиры и потребности этой группы российской интеллигенции, тем более, если речь идет об учителях российской провинции.

Обращение к истории повседневности большой социальной группы россиян в прошлом и настоящем – не только восполнение пробела в изучении образа жизни работников умственного труда и образовательной сферы, но и путь апробации возможностей микроисторического подхода к изучению общих процессов социально-культурной истории, эволюции быта разных слоев общества и этапов развития просвещения в России в XX в. Именно микроистория с ее интересом к отдельным социальным группам ставит перед исследователями методологическую проблему генерализации собранных сведений и наблюдений для получения общей картины. Этот конструктивный подход помогает включить учительскую интеллигенцию провинции в широкий социальный контекст.

Сложность подобных исследований в том, чтобы увидеть большое в малом, доказать типичность явлений и одновременно их уникальность, в нашем случае – показать общее и особенное в структуре повседневной жизни учителей. Важ-

ным методологическим подспорьем в этом отношении могут быть новые приемы и исследовательские методики изучения социальной истории и одной из ее составляющих - истории повседневности. Именно они являют собой пример аналитического изучения быта и обыденности социальной группы с учетом ее психологической, в том числе индивидуально-психологической составляющей. Такой подход актуален для современного междисциплинарного гуманитарного знания.

Гендерный ракурс исследования имеет, на наш взгляд, особую значимость, поскольку очевидно, что половозрастная структура школьного учительства несет в себе явную диспропорцию. Известно, что советское время считается периодом формального гражданского и политического равенства мужчин и женщин. Это нашло свое отражение и в одной из наиболее массовых профессий – профессии учителя. Учителями могли становиться и мужчины, и женщины, но в реальности – как мы знаем по опыту, согласно нашим общим повседневным наблюдениям – основное число российских учителей составляли и составляют женщины. Рассмотреть их жизненные стратегии в широком контексте перемен (в условиях эволюции и трансформаций советской системы, изменений в связи с нею содержания учительского труда) – значит понять, какие новые черты появлялись со временем в социально-психологическом облике и быту определенной российской социальной группы (советского учительства); выявить, как менялась его жизнь и какую роль в этих переменах сыграло то, что большинство его представителей были именно женщинами.

В своем исследовании мы попытались показать, что феминизация учительского труда (в течение семи десятилетий советской власти) имела следствием особые формы и приемы обучения (вероятно, более эмоционально окрашенные), порождала гендерные предпочтения, определяла своеобразный ритм домашней и семейной жизни – при стремлении женщин-учителей к улучшению материального положения, профессионального и карьерного роста, внешней привлекательности, что, с нашей точки зрения, может быть трактовано как тенденция движения от зави-

симости к самостоятельности, от давления коллектива – к индивидуальной свободе.

Методологическая база предопределена самим предметом исследования и лежит в зоне пересечения нескольких направлений современного гуманитарного знания – интеллектуальной, гендерной, персональной истории и истории повседневности (близкой к этнографическим исследованиям быта, но не сводимой к ним). Мы использовали персонализированный, биографический подход, который позволяет лучше увидеть, каким образом советская эпоха отразилась на судьбах конкретных людей. В то же время этот подход помог включить в исследование традиционные источники (делопроизводственные материалы, личные дела и т.д.), рассмотреть сквозь призму конкретного человека, его судьбу в определенных жизненных обстоятельствах. Проведенные полуструктурированные интервью с опросником (путеводителем), в котором обозначались проблемно-тематические блоки беседы с участниками исследования, позволили обратиться к сущностным сторонам повседневной обыденности, рельефно выявить структуры повседневности и их эволюцию на протяжении советской истории. Антропологический подход позволил увидеть советскую повседневность глазами самих учителей, выявить общее и особенное в их рассказах о себе. С помощью гендерного подхода появилась возможность детализировать автобиографический материал, увидеть в нем не просто людские, а именно женские судьбы, женский социальный опыт – менее изученный, менее «проговоренный», часто сводимый к общечеловеческому, но в реальности имеющий свою специфику. Гендерный анализ социально-исторических явлений позволил деконструировать господствующие в культуре представления о «мужском» и «женском», предписания и ожидания, связанные с полом как моделируемым социокультурным феноменом, раскрывать явные и завуалированные системы доминирования и иерархизации между полами и в среде представительниц женского пола, в зависимости от возраста и статуса.

Мы основывались также на принципе историзма, позволяющем рассматривать исторические явления и процессы в их становлении и развитии, а также на принципе научной

объективности, предполагающем анализ всей совокупности фактов в их взаимосвязи. Методы исследования включают сравнительно-исторические построения, на основании которых было прослежено функционирование советского учительства в хронологическом и региональном сопоставлении. Историко-генетический метод использовался при изучении становления и развития системы образования и профессиональной группы учительства в советскую эпоху. Проблемно-хронологический метод дал возможность обозначить основные проблемы в процессе становления советского учительства и проследить их в динамике. Статистический метод применялся для реконструкции и анализа статистических данных. Системный анализ был использован при формулировании выводов и оценок.

Территориальные рамки исследования преимущественно ограничены Цетральной Россией, а именно Костромским краем. Формулировка Костромской край нами выбрана не случайно, потому что с 1929–1944 гг. Костромской губернии и области не существовало, она была расформирована в 1929 году и отельные ее части входили в состав Ярославской, Ивановской, Владимирской областей. В 1944 году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1944 г.[1] была образована Костромская область.

Хронологический период исследования затрагивает весь советский период с 1917–1991 гг., это позволило проследить изменения повседневной жизни учителей в разные исторические периоды СССР, выделить общее и особенное в каждой исторической эпохе.

В работе ставится задача исследовать с разных сторон на основе широкого круга источников образ жизни и структуру повседневности провинциальной учительской интеллигенции (прежде всего женщин, поскольку они составляли большинство) на определенном историческом этапе – в годы советской власти, семидесятичетырехлетний период, который не прошел бесследно для российского

---

[1] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю.И. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 43–44.

учительства. Мы пытались, по возможности, реконструировать жизнь советских учителей сквозь призму основных общественных дискурсов – педагогический, юридический, исторический, культурологический и др. Целью исследования являлось выявление изменений (а также их причин) учительской обыденности в ее историко-культурном, политико-событийном, отчасти – этно-конфессиональном (поскольку абсолютное большинство учителей в исследуемом регионе были русскими, как и большинство населения в этой части страны в рассматриваемый период) контекстах.

Книга посвящена изменениям в повседневной жизни провинциального учительства, специфике его социального поведения, установочно-ценностной сфере, особенностям бытовых и семейных отношений в этой социальной среде, формам коммуникаций, влиянию на учительское сообщество идеологии (прежде всего официальной, коммунистической), характерной для советского общества разных этапов его развития. Изменения в повседневности учителей позволили поставить новые вопросы о том, как модифицировался быт людей под влиянием идеологии и исторических процессов.

Какие этапные (эволюционные) изменения претерпела школа за годы советской истории и как это отразилось на жизни провинциальных учителей? Оставалась ли неизменно значимой образовательная составляющая педагогической деятельности учителей? Как сочетание ее с воспитательной задачей отражалось на жизни самих педагогов того времени? В какой мере и когда возникла ценностность профессионального и личностного роста (вместо готовности жертвовать собой во имя общего блага)? Как это изменило образ жизни и обыденность педагогического состава региональных школ? Поскольку значительную, если не преобладающую часть учительства составляли женщины, как ценности их семейной жизни постепенно замещали те, что были связаны с карьерным ростом и профессиональной деятельностью? Как и насколько все эти изменения в семейно-бытовой жизни учителей были связаны с общеполитическим контекстом, сменами идеологических установок? Вот лишь часть вопросов, которые интересовали нас в ходе исследования.

К изучению истории российского учительства

Литература по проблеме учительства включает в себя работы по истории быта и истории повседневности, а также публикации по истории образования и истории складывания учительской интеллигенции. Хронологически историографию проблемы можно условно поделить на два этапа: советский (1917–1991 гг.) и постсоветский (начало 1990-х – по настоящее время). Распад СССР в 1991 г. повлек за собой освобождение исторической науки от идеологической заданности, породил новый взгляд даже на привычные стороны нашего прошлого, а исследовательской сфере дал возможность развиваться по новым направлениям и аспектам изучения. Именно в 1990-е годы описательная история быта сменилась новым направлением социальной истории (близким социально-культурной антропологии, обновленному краеведению и историко-этнологическим и историко-психологическим исследованиям) – историей повседневности (Пушкарева 2004: 124).

История изучения быта российских учителей советского времени берет начало в 1920-е годы, ведь именно тогда появились первые исследования по общим вопросам становления новой интеллигенции. В них обобщался опыт ее жизни и деятельности, определялись роль и задачи этой социальной прослойки (классом интеллигенция не считалась никогда) в обществе, предпринимались интересные попытки выделения различных ее типов в зависимости от роли, которую они играли в духовном производстве («изобретатели», «исполнители») (Ленин 1979; Крупская 1918, Бубнов 1959; Бухарин 1988, Луначарский, Ленин 1963–1967).

В эти же годы объектом анализа стали и политические взгляды педагогической интеллигенции, в первую очередь, такие как отношение учителей к революции, взаимоотношения школьных работников старой формации и новой власти, их переход в ряды советского учительства. Однако эти работы не содержали описаний быта и повседневной жизни учителей. В работах большевистских идеологов (В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, Г.Е. Зиновьева, Н.К. Крупской, А.В. Луначарского, М.Н. Покровского и др.) тема учительства поднималась – но главным образом в плане формулировки

требований к ним (Познанский 1925: 101): большинство «верных ленинцев» считало, что учителя старой закалки навсегда заражены «мелкобуржуазным народничеством» и критиковали их за идейный консерватизм.

В это же время появляются и первые статьи об учителях, и именно в них делались первые попытки оценить и сопоставить быт учителя до и после революции. Пример тому – публикация Н. Познанского, в которой приведены детали жизни рядового школьного учителя (Познанский 1925: 101). После XIII-го съезда РКП (б) в мае 1924 г. (Тринадцатый съезд партии 1963: 640) и 1-го Всесоюзного учительского съезда (январь 1925 г.) интерес к жизни учительства возрос (Ингулов 1924; Дробот 1925; Стуков 1925; Учительство на новых путях. 1925). Едва ли не первой попыткой осмыслить уровень жизни учительства в Центральной России стала тогда статья В. Крылова. Проведя два массовых обследования учителей в Иваново-Вознесенске, автор статьи описал, как мог, условия труда и быта всех иваново-вознесенских просвещенцев. Получив ответы в 82% анкет, он составил таблицы, содержащие в сравнении сведения о половозрастном составе учителей школ I и II ступени, их образовательном уровне, размере заработной платы и ее расходных статьях, распределении нагрузки педагогов, также он уделил особое внимание условиям жизни иваново-вознесенских учителей. Он очертил безрадостную картину жизни иваново-вознесенского учительства в 1924–1925 гг., сочетание непомерных нагрузок и низких зарплат, которых хватало лишь на питание. Автор отметил, что, несмотря на повышение заработной платы учителей по сравнению с 1923–1924 гг., она значительно отстала от зарплаты рабочих. При этом работники одинаковой с учительством квалификации, а зачастую и значительно ниже, получали в несколько раз больше (Крылов 1925). В другой публикации того же времени дана характеристика учительства по показателям (возраст, пол, уровень образования, производственный стаж, социальное происхождение, вовлечение в партийные и комсомольские организации). Интерес представляют приводимые автором данные о политических пристрастиях, материальном и правовом положении учительства, в том числе утверждение о том, что заработная

плата учителей в 1920-е годы составила лишь 50–60% дореволюционного жалования (Ефременко 1929: 106–109). В те же годы были опубликованы статьи, отражающие взгляды на жизнь самих учителей, их материальное, правовое и политическое бесправие (Лысяков 1927: 108).

Годы великого большевистского социального эксперимента были годами создания новой истории школы и педагогики. Не удивительно, что в публикациях по истории образования авторам нужно было подчеркнуть «тяжесть жизни» учителей до революции (статьи Г.Е. Журавского, Е.Н. Медынского), выделить низкий уровень тогдашних учительских зарплат и престижа самой работы (См.: Журавский 1926). В таких ситуациях авторы могли идти и на искажение картины, чтобы обозначить явственность положительных перемен.

На страницах изданий Верхнего Поволжья, особенно педагогических журналов, регулярно публиковались статьи, авторы которых освещали особенности взаимоотношений верхневолжского учительства и власти, количественные и качественные изменения учительского состава губерний, работу местных педагогических учебных заведений. Наряду с успехами в деле становления нового учительства, отмечались и негативные моменты данного процесса: нехватка педкадров, большая загруженность учителей и их низкий уровень жизни (Богданов 1923). При всей повторяемости тем, которых касались авторы, характеризуя быт и жизнь учительства в первые годы Советской власти, нельзя не заметить, что для этих публикаций была характерна относительная свобода выражения мнений, а также дискуссионность, критический взгляд на происходившие процессы. Авторами многих работ были тогда не профессиональные историки, а практические работники народного образования различных уровней. Они хорошо знали конкретные факты и события, использовали для своих статей материалы различных обследований учительства и педагогических учебных заведений, которые позже частично или полностью были утеряны. Все это свидетельствует не только об историографической, но и источниковедческой ценности этих работ. Действительно, в 1920-е годы не было создано

обобщающих трудов по проблеме повседневности педагогических работников школ, но были подняты важнейшие вопросы процесса становления нового учительства и определены основные направления исследования темы: досуг педагогов, бюджет времени, общественные обязанности и их сочетание с нехваткой времени на их выполнение.

Упрочение тоталитаризма, сталинская «культурная революция», массовые репрессии 1930-х годов негативно отразились на состоянии дел в исторической науке. В немногочисленных исследовательских работах 1930-х годов по проблемам интеллигенции рассматривались, в основном, общие вопросы (Ярославский 1938). Статистические выкладки в трудах, анализирующих состав специалистов, подготовленных за годы советской власти, в том числе и в области просвещения, служили доказательствами успехов правящей партии в деле подготовки новых кадров интеллигенции (Бейлин 1932). Специальных работ по истории учительства в 1930-е годы практически не было, за исключением кратких биографий отдельных учителей станы (Печерникова 1939; Голленгер, Тумаровская 1939; Дзюбинский 1939; Петров 1939; Бессонов 1937; Евдокимов 1937; Козлина 1937; Шкляр 1939; Яковлев 1939). В некоторых отрывочных статьях анализировалось педагогическое творчество и методы преподавания известных учителей и их взаимоотношения с учениками.

В те же самые годы зарубежная (эмигрантская) историческая мысль пыталась восполнить возникающий пробел в исторической науке, осмыслить перемены в жизни нового советского учительства. Так П.Н. Милюков полагал, что в области школы и воспитания советской властью были поставлены недостижимые результаты (внедрение новых методов обучения, самодеятельности учащихся, их профессионализация), что и послужило причиной того, что трудовая школа с Советской России потерпела неудачу. Со стороны же учительского персонала, по мнению историка, препятствий для создания новой школы не было, тем более, что в годы НЭПа население буквально «осаждало» школы. Говоря о численном составе, социальном происхождении, материальном положении учителей, он старался использовать доступные ему статистические и делопроизводственные материалы (Милюков 1993: 407–433)

Великая Отечественная война, трудности тех лет отодвинули исследование жизни и быта советского учительства на второй план. Но двадцатипятилетие советского педагогического образования не осталось незамеченным. К этой дате в 1942 г. на страницах «Советской педагогики» была, опубликовала статья И.Г. Клабуновского, не отличавшаяся глубиной анализа, пронизанная советской хвалебной риторикой. В статье не упоминалось о проблемах учителей и образования в целом, а лишь характеризовались достижения и успехи (Клабуновский 1942).

В послевоенный период продолжили свою работу по изучению школы и учительства Н.А. Константинов, Е.Н. Медынский и др., стараясь оценить, что же было достигнуто в процессе становления советской школьной системы с 1917–1954 гг. Все внимание авторов было отдано рассмотрению истории перехода учительства на сторону Советской власти (Константинов, Медынский 1948). Жизненный уровень просвещенцев в книге рассматривался косвенно. Исследование отражает лишь информацию о том, что повышения заработной платы учителей проводились редко, с каким запозданием происходило улучшение условий их жизни и от том, как медленно рос учительский социальный авторитет (Там же).

На рубеже 1940–1950-х годов окончательно сложились два направления в изучении истории советского учительства. В рамках первого – анализировались вопросы перехода педагогов старой школы в ряды советских учителей; в них тема быта и повседневности обычно почти не затрагивалась (труды Г.В. Витухновского, Б.С. Штейнбука, А.А. Кокарева и других).

Другое направление в изучении формирования советской учительской интеллигенции составили немногочисленные труды, освещающие историю становления новой системы педагогического образования, подготовку педагогических кадров. В этих работах иногда можно найти отрывочные размышления авторов о том, что же менялось в жизни учителей советской школы (Жевалков 1947). В исследованиях Верхнего Поволжья И.И. Емельянова, Н.И. Красовской, Н.Е. Магарика есть сведения о количестве школьных ра-

ботников по отдельным губерниям, статистические данные по учебным заведениям Костромского края (Емельянов 1954; Красовская 1953; Магарик 1945: 4–10; Иванов 1958). Но практически ни одним из авторов не был поставлен вопрос о жизни и быте учителей, и все, что можно получить из этой литературы – данные по заработной плате и общественной нагрузке учителей.

Интерес к частной жизни десятилетиями «придавливался» системой, которая воспитывала в каждом индивиде умение подчинять личное общественному. Лишь с началом политической «оттепели» можно заметить некоторые отступления от жестких догматических норм предшествующего периода, обращение к теме соотношения уровня заработной платы учителей и ее повышения [чаще всего вместе с изменениями в уровне жизни и других слоев населения] (Каганович 1957).

Лишь к началу 1960-х годов можно отнести первые эмпирические исследования быта учителей и собственно только к этому времени относится начало систематического научного изучения темы рождающейся как раз в эти годы социологией. Для того периода было характерно резкое увеличение количества учителей, и следствием этого и стал возросший интерес к проблемам учительства в ряде наук.

Исследовательскую литературу 1960-х второй половины 1980-х годов в которой освещены проблемы учительства, можно разделить на несколько групп. Первая – обобщающие работы по вопросам становления и развития советской культуры; в них школьная тема затрагивалась косвенно (Ермаков 1968; Кабанов 1971; КПСС во главе культурной революции в СССР 1972; Горбунов 1972; Зак 1967; Она же. История изучения советской культуры 1981 и др.), иногда – тема взаимоотношений новой интеллигенции и старых специалистов (Лутченко 1962; Он же 1967: 3). Изучение дореволюционного учительства, как особой профессиональной группы со сложившимся образом жизни, представлено в работах В.Р. Лейкиной-Свирской. Ею даны всесторонние характеристики преподавателей средней школы и народного учительства, но описаний быта учителей (как старых, так и новых) автор аккуратно избежала (Лейкина-Свирская 1971).

Ко второй группе можно отнести труды, затрагивающие общие вопросы истории советской интеллигенции в целом и учительства в частности (С.А. Федюкин, М.Е. Главацкий, В.Л. Соскин, В.С. Волков, В.И. Астахова и другие). Рассмотрение повседневных трудностей и быта учителей в монографиях упоминается лишь контексте борьбы за руководящее влияние большевиков среди учительской интеллигенции (Главацкий 1965; Он же 1974; Зак 1982; Советская интеллигенция: история формирования и роста 1968; Астахова 1970; Она же 1975; Волков 1975; Советская интеллигенция краткий очерк истории 1977; Федюкин 1983: 71 и др.).

К третьей группе относятся работы об учительстве как особой социально-профессиональной группе. В статьях, брошюрах, диссертационных исследованиях дается общая характеристика социальных функций этой профессиональной группы, раскрываются основные тенденции формирования учительских кадров (Глебочкин 1968. Кузьмина 1965; Щербаков 1967; Чернокозова, Чернокозов 1973; Спирин 1976 и др.). В работах М.П. Кима, В.А. Куманева, В.Т. Ермакова, П.И. Кабанова, В.Л. Соскина и др. по истории культурной революции уделено значительное внимание участию в ней учителей. В диссертации Л.Г. Борисовой «Учительство как социально-профессиональная группа» проанализированы особенности труда и рабочего времени учительства, выявлены факторы, от которых зависело повышение эффективности учительского труда, собраны основные профессиональные характеристики учителей – компетентность, психологическая устойчивость, рассмотрено материальное положение сельского и городского учительства (Борисова 1971). В один ряд с этой работой можно поставить и диссертационное исследование С.Н. Айрапетова (Айрапетов 1983), в котором автор анализирует социальный и половой состав учительства, происхождение и влияние его на образ жизни и выбор брачного партнера.

Развитие различных направлений социальной психологии в нашей стране отразилось и изучение выбранной нами темы: появились первые публикации о путях и способах психологической адаптации учителей. Так, А.П. Супрун изучила динамику утомляемости молодых учительниц в зависимости

от возраста и стажа работы, влияние режима и условий труда на процесс профессиональной адаптации, оценила степень напряженности труда учителей. Важной для нас особенностью исследования было избрание для изучения именно женской части учительского состава (Супрун 1983).

Но, как и в прежние времена, абсолютное число публикаций по истории школы, образования, учительства составляли статьи и книги, в которых изучалась деятельность партии и государства по реформированию системы получения знаний в разные годы становления Советской власти. При всей заданности выводов, субъективности подбора нужных цитат, они весьма часто точно передавали дух эпохи, содержали ценные фактические сведения (Герасимов 1958). Тем более нужными оказались и первые историографические обзоры, в том числе и по истории роста учительских кадров в нашей стране (Сысоев 1970; Голубева 1972; Зак 1981; Веселов 1983; Главацкий 1987 и др.). Это были первые попытки систематизации накопленного знания, подведения итогов в разработке проблемы, определения перспектив ее дальнейшего изучения, а это уже способствовало активизации интереса к истории образования, в том числе и к вопросам жизни и быта учительства. Так сформировалась большая группа публикаций по проблемам формирования, подготовки учительства в вузах и повышению квалификации педкадров. Их анализ выявляет заметную неравномерность в освещении подготовки учителей на различных этапах советского периода (Пачанин 1975; Он же 1977; Он же 1979).

Вторая половина 1980-х годов внесла большие перемены в изучение советской истории. Начался пересмотр старых методов анализа и прежних оценок. Уже в вышедших в 1985 г. сборниках опубликованы статьи, посвященные проблемам влияния революции на интеллигенцию, в том числе и учительскую (Интеллигенция и революция 1985; Педагогическое образование: опыт, проблемы, перспективы 1989). Наряду со старыми концепциями, которые продолжали жить в работах историков старшего поколения (Минц 1985 и др.), все же стали появляться и новые идеи. Так, С.А. Федюкин среди прочих факторов поворота интеллигенции к советской власти особо выделил факторы мораль-

ного порядка (Федюкин 1985) – для изучения нашей темы принципиально важное замечание, позволяющее глубже проникнуть в систему ежедневных помыслов тогдашнего учительства. С конца 1980-х годов начали предприниматься и первые попытки критического рассмотрения проблем и перспектив развития педагогического образования в СССР на протяжении всех этапов советской истории. В частности, В.И. Погребенский утверждал, что нехватка квалифицированных педагогических кадров в современной ему школе (1980-е годы) – есть результат «валового подхода» в решении проблемы подготовки учителей, заложенного еще в 1920-е годы (Погребенский 1989).

Во второй половине 1980-х годов активизировалась работа по историографии и источниковедению истории отечественной школы и педагогики. Она позволила выявить достоинства и недостатки исследований предшествующих лет, определить перспективные направления дальнейшего исследования (Паначин 1975; Он же 1977; Он же 1979; Худоминский 1986; Минц 1985; Погребенский 1989). К этому времени относится и рождение нового направления в отечественной исторической науке – исследование повседневной жизни различных групп общества, в том числе и обычных, рядовых людей. Поскольку предметом изучения истории повседневности стала сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, постольку в центре внимания историков все чаще стала появляться «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира» (Пушкарева 2007: 9–21), иными словами – жизненного мира людей разных социальных слоев (в том числе и учителей), их поведения и эмоциональных реакций на события (Российская повседневность в зеркале гендерных отношений 2013).

За прошедшую четверть века изучение истории повседневности превратилось в одно из ведущих направлений исторических, историко-антропологических и культурно-антропологических исследований, ей посвящаются особые научные конференции (Нужда и порядок 2005; Нормы

и ценности повседневной жизни 2000; Антропология советской школы 2010 и др.), она все чаще становится темой специальных исследований (Лебина 1999; Мазаев 1989; Козлова 1996 и др.). Повседневная жизнь всегда была маркером благополучия или неблагополучия в обществе, поэтому интерес к ней имеет практическую значимость. Некоторые историки полагают, что за эти годы сформировалась междисциплинарная область знания – «повседневноведение», – включающая в себя социологию, историю, этнографию быта, эстетику и семиотику обыденной жизни людей.

Новейшая историография истории учительской интеллигенции, ее участия в гигантском социальном эксперименте социалистического строительства в СССР отличается своей обширностью, содержательной, стилевой и методологической неоднородностью, дискуссионной направленностью в освещении многих актуальных аспектов рассматриваемой проблематики. Наряду с заметным продвижением в изучении отдельных сюжетов советской истории, новейшая литература подчас выглядит как тенденциозная публицистика, полная поверхностных оценочных замечаний, в которой прежние положительные характеристики заменены на односторонние критические высказывания. Но все же именно 1990-е годы отличает поворот к плюрализму оценок и научной объективности (Актуальные вопросы историографии 1986; Историографические и методологические проблемы изучения 1989; Вопросы истории и историографии 1987; Анисов 1986; Главацкий 1987 и др.). Однако в выбранной нами теме изучение проблем интеллигенции и учительства шло скорее вширь, набирая количественные параметры. При всем усилении интереса к повседневной стороне жизни общества (истории повседневности, микроистории), история жизни одной из самых массовых подгрупп лиц умственного труда (педкадров) мало кого интересовала.

Между тем, изучение истории российского образования продолжало считаться одной из важных исследовательских тем. Наряду с Москвой, Санкт-Петербургом, сформировались региональные центры изучения, где регулярно проводились научные конференции (Интеллигенция в системе социальной структуры и отношений советского

общества 1991, Интеллигенция и политика 1991.; Интеллигенция в политической истории XX века 1992; Культура и интеллигенция России 1993; Российская интеллигенция: XX век 1994 и др.), обсуждались и переосмыслялись многие проблемы истории отечественной интеллигенции: ее происхождение, истоки, характерные черты, роль в жизни общества, вопросы формирования кадров, взаимоотношения интеллигенции и власти, реже ставились вопросы материального и социального положения различных ее групп, в том числе учителей, в определенные периоды советской истории (Квакин 1991; Будник 2003). В этом плане стоит особо отметить результативность работы Межвузовского центра гуманитарного образования и проблемного Совета РФ «Интеллигенция. Культура. Власть», руководимого профессором В.С. Меметовым в Ивановском государственном университете. Ежегодно центр проводит научные конференции по проблемам интеллигенции, выпускает сборники научных трудов, посвященные ее истории, в которых иногда находится место и истории учительства (Поиски новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии 1993; Проблемы изучения истории российской интеллигенции 1994; Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии 1996; Интеллигенция. Провинция. Отечество1996; 1917 год в судьбах российских граждан 1997; Интеллигенты и интеллигентоведение 1999 и др.).

Свой вклад в разработку проблем истории образования, школы, учительства и интеллигенции вносят и костромские историки (В.Л. Миловидов, С.Б. Косарев и Д.А. Волков). В статье их коллег о положении школьного образования после Великой Отечественной войны на основе широкого круга источников, статистических материалов и литературы сделана попытка осмыслить процесс изменений в системе школьного общего образования, описать эксперименты, к которым прибегали на местах (Миловидов 1998; Волков, Миловидов 1998; Они же. 1998; Майн, Груздева 1997 и др.). Представители старшего поколения историков, как правило, выступают против огульной критики советского опыта формирования интеллигенции, отстаивая принцип преем-

ственности отечественной историографии, уважительного отношения к предшественникам (Веселов 1987; Он же 1991; Он же 1994 и др.).

Из работ последнего времени важными для нас являются работы Г.А. Будник (Будник 2003) и В.Л. Миловидова (Миловидов 2006). Работа первой важна тем, что это одно из первых комплексных исследований формирования и развития интеллигенции в высшей школе за период после Великой Отечественной войны, осуществленное на основе новых источников и методологических подходов. В.Л. Миловидов большое внимание уделил противоречивому опыту формирования новой советской интеллигенции, вопросам преемственности дореволюционной и постреволюционной ее части, роли в социокультурном развитии провинции. Отдельным параграфом в работе Миловидова представлена и педагогическая интеллигенция Верхнего Поволжья, правда, хронологически этот анализ относится к началу новой экономической политики.

В Костромской, Ярославской историографии ведется активная разработка проблем социокультурной жизни российской провинции, в том числе и в послевоенный период. В материалах научных конференций, в научных сборниках, монографических и других исследованиях с современных методологических позиций и с привлечением нового круга источников, анализируются различные сферы провинциальной жизни, в том числе в области образования, формирования кадров интеллигенции (Данилов, Меметов 1997; Методология исследования истории, экономики и культуры российской провинции 2001). Мы разделяем точку зрения А.А. Данилова, В.С. Меметова, В.Р. Веселова рассматривающих провинцию как историко-культурное понятие, обозначающее целостное социокультурное пространство, с характерной общностью национального самосознания, духовно-нравственных традиций, устойчивостью развития (Российская провинция и ее роль в истории государства 1984; Провинциальная культура и культура провинции 1995; Роль провинции в становлении и развитии русской государственности. 2003; История Ярославского края 2001; Методология исследования истории, экономики и культуры российской провинции 2001 и др.).

Растет число специальных работ, посвященных истории советского учительства. В их ряду диссертационные исследования Ю.Г. Саловой и Г.В. Петровой, в которых подробно освещены проблемы формирования учительской интеллигенции, создание системы педагогического образования в регионе. Ю.Г. Салова обращается к проблемам материального обеспечения учительства, профессионального уровня и вопросам безработицы учительства. Автор приходит к выводам о том, что положение учительства было сложным и материально затруднительным. Это и явилось следствием частых забастовок в начале 1920-х годов (Салова 1992). Однако исследование автора не затрагивает характеристику учительства с точки зрения этнического, гендерного и конфессионального состава. Кроме того, автор фрагментарно описывает некоторые моменты повседневной жизни учителей. Г.В. Петрова анализирует процесс формирования учительской интеллигенции Верхнего Поволжья, затрагивая вопросы повседневности лишь номинально, анализируя только материальное положение, состав и уровень образования учителей Верхнего Поволжья в 1920-е годы (Петрова 2001).

Определенную ценность для нашего исследования представляют ряд статей посвященные учительской интеллигенции периода НЭПа и 1960–1970 гг. (Василевская 1990; Рябинин; Лебедева 2000 и др.). Отдельные аспекты, исследуемые нами, нашли отражение в обобщающих работах, посвященных истории крупнейших вузов Верхнего Поволжья (Кузнецова 1994; Миловидов, Волков, Рябинин 1995; Миловидов, Волков 1998; Волков, Миловидов, Рябинин 2002 и др.). Однако вопросы специального анализа жизнедеятельности провинциального учительства в них не освещались.

Растет и количество исследований по проблемам повседневности советских людей. Общие подходы к этой теме определены во множестве работ Н.Л. Пушкаревой, которая понимает изучение повседневной жизни как попытку «вникнуть в человеческий опыт» (Пушкарева 2002; Она же 2004; Она же 2005; Она же 2005 и др.). Она считает, что предметом такого изучения являются и быт, и события, точнее – событийная область публичной повседневной жизни, мелкие частные факты и случайности, пути приспособления людей

к событиям внешнего мира, обстоятельства частной, личной домашней жизни. Разумеется, в предмет изучения включен ею и «быт в самом широком смысле, эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей». Другой исследователь – А.Ю. Рожков – в своей работе описывает повседневную жизнь советского молодого человека: сначала воспоминания ученика и школьной жизни, в которой он затрагивает, а затем повседневную жизнь советского учителя начала 1920-х годов. Автор в своем исследовании анализирует положение советского учительства в социальной структуре общества, его повседневные хлопоты и материальный уровень жизни. Рожков приходит к выводу о том, что учитель после революции 1917 года оказался на дне общества, уровень его доходов был одним из самых низких по стране, кроме того он находился в унизительном и бесправном положении (Рожков 2002).

С современных методологических позиций подходит к повседневной жизни советского города Н.Б. Лебина. Автор приходит к выводу о том, что вся история нового советского общества, создание которого началось в России после октябрьского переворота 1917 г., традиционно изображалась в советской историографии как успешно развивающийся поступательный процесс. Особенно это касалось переустройства повседневной жизни, семейного уклада, системы домашнего хозяйства, жилища, сферы досуга, – того, что оказывало непосредственное влияние на формирование облика «нового человека». В этот период происходит формирование новых установок мировоспиятия среди городского населения, и в первую очередь петербуржцев, которые формировались под влиянием, казалось бы, взаимоисключающих факторов: эстетики модерна, кризиса российского самодержавия, марксизма и нарождающейся «пролетарской культуры». Эти факторы во многом осложняли процесс переделки «человека русского» (патриархально-крестьянского) в «человека индустриального». Автор ключевое место в своем исследовании уделяет «аномии» – причинам увеличения в обществе количества девиантного поведения среди советских граждан (Лебина 1999).

Важными с точки зрения истории повседневной жизни учительства можно считать и работы тех авторов, которые брались за эту же тему, но работали с дореволюционным материалом. Так, И.В. Зубков в своем исследовании «Повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ 1870–1916 гг.» рассмотрел широкий круг проблем, связанных с жизнедеятельностью двух крупнейших групп российского учительства последней трети XIX – начала XX века – учителей и учительниц земских одноклассных школ и преподавателей реальных училищ. Автор провел обширное исследование повседневности учителей, проанализировал правовой, материальный, социальный статус учительства и пришел к выводу о том, что положение дореволюционного учительства было трудным, и учителя постоянно выражали острое недовольство уровнем своей заработной платы. Феминизация средней и земской школы в некоторых губерниях империи была завершена, с его точки зрения, как раз к 1917 году, и следствием ее была косвенная дискриминация – отсутствовали декретные отпуска и пособия. Наиболее существенной чертой повседневной жизни большинства учителей, как отмечает автор, было одиночество (Зубков 2010).

Исследование О.В. Бердовой и Е.А. Лушиной о костромском учительстве в XVIII – начале XX века посвящено истории становления профессии учителя в этом крае. Основная идея изданной ими обобщающей книги заключается в характеристике исторического опыта формирования педагогических кадров, представленного через описание учебных заведений, готовивших учителей для костромских школ. Авторы дали подробную характеристику костромского учительства, в том числе – предреволюционного времени, их материального положения, условий работы и повседневной жизни, общественной деятельности в эпоху становления российского образования (Бердова, Лушина 2006).

Интересным и новым исследованием учителей является работа Е.Г. Трубиной (Трубина 1995). В монографии жизненный путь (женской) личности, на примере жизни каждой отдельной респондентки – учительницы, понимается как осмысленное целое, существующее для нее самой

и для других в форме завершенной истории – автобиографического нарратива, который нацелен на реконструкцию биографий учителей.

Региональные исследования условий труда и жизни учителей в первые годы Советской власти – особенно в ракурсе истории повседневности – явление последнего десятилетия. Так, Е.Л. Ялозина пришла к выводу, что советская повседневность 1920–1930-х годов была индикатором социально-экономических проблем развития советского государства и его общественных институтов. Для такой социально-профессиональной группы, как учительство, считает она, это выражалось в постоянном ощущении замкнутого круга множества профессиональных и житейских проблем, неустроенности, постоянной продовольственной напряженности, отсутствия предметов первой необходимости, кризиса семейных отношений, разочарования в профессии. Эти проблемы учителю приходилось разрешать, вырабатывая индивидуальную стратегию и тактику (Ялозина 2009).

Ряд российских историков в поисках новых подходов к изучению повседневности обратились к микроанализу (См. напр.: Журавлев 2000; Лебина 2000). Он может быть полезен и для изучения нашей темы (Давыдов 2002). Кроме того, большой опыт изучения повседневных практик накопили этнологи и социологи. Так, в работе И.В. Утехина на основе семиотического анализа пространства квартиры, находящихся в ней предметов и мебели, а также бесед с ее жильцами предложена оригинальная реконструкция мировосприятия обитателей коммуналок конца советской эпохи, с их понятиями о социальной справедливости и поведенческими установками (Утехин 2001).

Среди работ, посвященных как вопросам интеллигенции, так и вопросам повседневности и женской истории большой интерес представляют труды зарубежных историков. Они дают возможность увидеть российскую историю со стороны. Косвенно в них затрагивается проблематика нашего исследования. Отчасти она исследуется в обобщающих трудах по истории СССР, рассчитанных на массового читателя. Такие работы отличает широкая источниковая база, использование документов западных архивов и обширной мемуарной

литературы, часто не изданной в СССР, а также иной, отличающийся от отечественного, подход к изучению проблем (Боффа 1990; Карр 1990; Верт 1992; Хосхинг 1995 и др.).

Подробный анализ проблем российской интеллигенции содержится в конкретных исследованиях, где рассматривается опыт взаимоотношений советской власти и интеллигенции, различные отношения к интеллигенции со стороны советско-партийных властей и простого народа (Фицпатрик 1990; Байроу 1994 и др.).

Новое направление приобретает зарубежная историческая антропология в 1970-е годы. Для нее было характерно, по определению Ж. Ле Гоффа, стремление охватить «все достижения новой исторической науки, объединяя изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антропология» (Жак Ле Гофф 1993).

Этнографы, говоря о повседневности, чаще всего подразумевают под ней категорию «быт». Однако принципиальное различие между исследованием быта и изучением повседневности заключается в том, что в центре внимания исследователя находится не просто быт, а жизненные проблемы и их осмысление современниками изучаемых событий. Другими словами, если этнограф реконструирует быт, то историк анализирует эмоциональные реакции людей в связи с тем, что их в быту окружает, концентрирует внимание на субъективном жизненном опыте людей. Он ищет ответ на вопрос, как случайное событие становится вначале «нормальным исключением», а затем – распространенным явлением. Кроме того, исследователи повседневности проблематизируют «этнографию быта» и «историю эмоций» не только основных классов и сословий, но и, прежде всего, малых и дискредитируемых социальных групп. В работах американского социолога Г. Гарфинкеля повседневность также понимается как процесс интерпретации повседневных взаимоотношений самими участниками этих отношений (См.: Филмер 1978). Повседневность можно определить как обычное ежедневное существование со всем, что окружает человека: его бытом, средой, культурным фоном и языковой лексикой. Но эта самоочевидность повседневности делает ее особенно неуловимой .

«Повседневное» это то, что происходит «каждый день», в силу чего не удивляет. Оно обнаруживается в форме рутины, привычки и многочисленных знакомых явлений. Так, реальный быт большинства советских людей складывался из барачно-коммунального жилья, бесконечных стояний в очередях, отоваривания карточек, получения талонов и т.п. Повседневными являются ситуации, которые часто повторяются в столь похожей форме, что уже не воспринимается их уникальность, которой они отчасти обладают. Важнейшим свойством повседневности является то, что она постоянно становится и не терпит перерыва. Как правило, она не прерывается полностью даже необычными событиями, она лишь настойчиво требует их рутиноообразного учета. И еще одно немаловажное обстоятельство. Как только мы фокусируем интерес на определенной сфере обыденности, тотчас обнаруживаем в ней достаточно тонкие дифференциации. В особенности это касается видов обыденной деятельности, требующих определенного искусства: кулинарии и садоводства, охоты и рыбалки, коллекционирования и преферанса, ремонт квартиры и т.п. (Орлов 2008).

Важным зарубежным исследованием в контексте советской повседневности являются работы американского историка Ш. Фицпатрик «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город». Книга представляет собой исследование повседневного и чрезвычайного в сталинской России в 1930-е годы и их взаимодействия между собой. В ней описываются пути и способы, с помощью которых советские граждане пытались вести обычную жизнь в необычных условиях, созданных сталинизмом, а также рисуется портрет нарождающегося социального типа homo soveticus, для которого сталинизм был естественной средой обитания (Фицпатрик 1990). В этой книге описан широкий круг повседневной практики граждан сталинской России: как они легальным и нелегальным путем «доставали» товары, использовали связи и покровителей, считали жилплощадь в квадратных метрах, ссорились в коммуналках, вступали в «свободный» брак, писали ходатайства и доносы, служили осведомителями, жаловались на начальство, жаловались на привилегии и пользовались привилегиями,

учились, проявляли общественную активность, продвигались наверх и скатывались вниз, смешивали будущее и настоящее, протежировали друг другу, выступали с самокритикой, искали «козлов отпущения», проводили чистки, терроризировали подчиненных и пресмыкались перед вышестоящими, скрывали свое социальное происхождение, разоблачали врагов, ловили шпионов и многое другое. Интересным является вывод автора относительно места и роли учителя в структуре советского общества: «Школа – закрытое учреждение с собственными обычаями и дисциплиной. В ней насаждается школьный дух – местная форма патриотизма. Социальная пропасть разделяет учителей и учеников; наушничество учителям процветает, но в ученическом сообществе одобрением не пользуется. Учителя часто читают нотации, пропагандируя такие добродетели, как опрятность, тихое поведение, вежливость, уважение к родителям и школьному имуществу. Ученики в душе могут с ними соглашаться или не соглашаться, но в любом случае считают подобные ценности пригодными только для общественной сферы, где властвуют учителя, а не для личного общения с одноклассниками. Многие действия в школе носят название добровольных, но на деле являются обязательными, и в целом ученики часто замечают и втайне высмеивают лицемерие официальных школьных проповедей и их несоответствие поведению учителей» (Там же).

В литературе разрабатываются и формируются основные критерии к пониманию термина повседневности. Например, Е.В. Ковалева, исследовавшая структуры повседневности России 1990-х годов, определяет повседневность – как «прагматическую сферу бытия человека, которая характеризуется особой формой восприятия и осмысления мира субъектом, возникающую на основе трудовой деятельности в процессе коммуникации», отмечая при этом устойчивость, стабильность, постоянность и типологическую организованность повседневности (Нормы и ценности повседневной жизни 2000) .

В исследованиях Л.В. Беловинского, повседневность – «есть практическая реализация в процессе общественного бытия существующих и выработки новых культурных

норм, стандартов и ценностей, формируемых жизненным опытом индивида и социума. Она выступает как сочетание различных видов специализированной и обыденной деятельности, детерминированных ценностными ориентациями человека, переживающего здесь и сейчас как настоящее, так и неотъемлемое от него прошлое, переживаемое как субъективно, в живом восприятии людей, так и объективно, как данность, налагающая отпечаток на настоящее» (Беловинский 2002). В понимании М.И. Козьяковой повседневность определяется как содержание совместной жизни и деятельности людей, за исключением специализированной деятельности, художественных и раритетных форм и исторически сложившихся форм общественного сознания, т. е как технология жизнедеятельности (Козьякова 1996).

М.М. Кром в своих исследованиях исходит из представления о глубоком внутреннем родстве истории ментальностей, исторической антропологии, микроистории и истории повседневности (Кромм 2000). Это объясняется особым вниманием данного научного направления к символике повседневной жизни, манере поведения, привычкам, жестам, ритуалам и церемониям (Кромм 2000). В свою очередь, историзация антропологии стимулировала микроисторию с ее специфическим интересом к символизму повседневной жизни. Более того, по мнению ряда исследователей, история повседневности выступает разновидностью микроистории, концентрирующейся на обыденности, но так или иначе сопряженной с изучением исторической антропологии и культурных локализмов, анализом бытовой рутинности и факторов отклоняющегося (девиантного) поведения. Труды по истории повседневности, основанные на микроанализе, стремятся к меньшей географической и временной локализации, но при этом предполагают углубление анализа за счет жизненных историй представителей разных когорт, «сетей» их взаимосвязей в частной, домашней и производственной жизни.

Историографический обзор проблемы показал, что такие аспекты как повседневная жизнь советского провинциального учительства, динамика изменения ее состава, вопросы их быта, повседневной жизни, взаимоотношений с властью

и социумом остаются малоизученными до сих пор. Анализу этих и других аспектов учителей Костромского края посвящена наша работа.

Источники исследования

Определяя возможности и информационное богатство фактического и эмпирического материала, способного помочь в раскрытии избранной нами темы, мы разделили источники на несколько групп.

В первую мы включили документы и материалы центральных и местных государственных и общественных организаций. Декреты, постановления, распоряжения советской власти и другие документы нормативного характера отражают общие принципы государственной политики по отношению к народному образованию, учительской интеллигенции и культуре. Отчеты, протоколы, информационные справки органов власти различного уровня позволяют проанализировать направления и итоги их деятельности в области школьного строительства и различных аспектов формирования советского учительства.

Весьма детальная информация о взаимоотношениях властных структур и старого учительства, подготовки новых педагогических кадров, составе школьных работников содержится в отчетах, протоколах, тезисах докладов и выступлений. В материалах многочисленных съездов работников просвещения, а также съездах по народному образованию по подготовке педагогических кадров, регулярно проходивших в исследуемый период Костромской и других губерниях Верхнего Поволжья. К этой же группе источников относятся и документы профессиональных организаций учительства: Всероссийского учительского союза, Союза учителей-интернационалистов, Союза работников просвещения и социалистической культуры.

Эти источники позволяют определить цели, требования к учительству как в профессиональной сфере, так и их взаимоотношений с властью в разные периоды, кроме того, они позволяют сделать заключения о количественном и социальном составе школьных работников, увидеть этапы и механизмы решения их материальных, а также кадровых проблем.

Немалую – и уже вторую группу источников – составляют документы и материалы центральных и местных органов РКП (б), ВКП (б) и КПСС, которые активно использовались исследователями в советское время для характеристики целей и содержания политики партии в области просвещения и культуры. Мы также не отказываемся от них, ведь при всей идеологической заданности и весьма характерной риторике документы местных партийных организаций позволяют проследить конкретные формы, методы и итоги работы по «обеспечению педагогических кадров новой школы». Мы отдаем себе отчет в том, что эти сильно идеологизированные материалы отражают процесс манипуляции общественным сознанием, спекуляций на идеалах и устремлениях людей, но косвенно эти же источники и позволяют понять, какими именно устремлениями и идеалами старались манипулировать идеологи.

К указанным первым двум весьма пропитанным идеологией документальным материалам примыкает такая, весьма своеобразная группа (третья группа) источников как труды деятелей партии и государства. Их сложно проигнорировать, ведь их авторы были современниками тех событий, которые наложили отпечаток на жизнь учителей, и не просто современниками – но, подчас, вершителями судеб. В этих публикациях отражены основные принципы государственной политики в сфере культуры и народного образования, в том числе и в регионе Верхнего Поволжья. Такие сведения есть в переписке А.В. Луначарского с В.И. Лениным, в трудах местных руководителей народного образования в Костроме. Подчас именно в этих статьях можно найти ценные сведения о составе учительского персонала Костромы в 1918 г., о действиях местных властей по отношению к педагогам: от организации курсов по переподготовке школьных работников и повышения им зарплаты до чисток учительских рядов.

Четвертая группа и очень значительная часть источниковой базы исследования – это документы личного происхождения. Они распадаются на несколько подгрупп, во-первых, это дневники, которые представляют собой воспоминания учителей о Великой Отечественной войне, фиксировавшие каждодневное событие, внешкольную работу учителей на

объектах народного хозяйства. Кроме того, записи о повседневном распорядке дня, каждодневные заботы о трудностях повседневной жизни в 1920–1970-е годы. Немалую часть воспоминаний составляют материалы неопубликованные. Учителям не хватало времени заниматься публикацией своих мемуаров, и большая часть их хранится в фондах Государственного архива Костромской области, фонде Костромского союза работников просвещения и Государственном архиве новейшей истории. Некоторые воспоминания изданы, авторы этих работ – учителя советских школ, которые донесли до нас, таким образом, уникальные факты подробностей событий, как школьной, так и общественной работы, достоверно передали колорит своей эпохи.

Пятая группа источников – анкетно-биографические обследования, проведенные автором в 2009–2011 годах в Костромском, Островском, Межевском, Поназыревском, Кадыйском, Нерехтском, Боговаровском, Солигаличском, Красносельском, Вохмском, Сусанинском, Шарьинском, Судиславском, Чухломском, Павинском, Макарьевском районах, г. Волгореченске Костромской области. Опросы проходили по определенной схеме-опроснику, составленному автором. Они включали в себя вопросы о распорядке дня, уровне заработной платы, ценах на товары народного потребления и продукты, описание производственных и жилищных условий, общественной нагрузки и взаимоотношений с учениками и родными и др. Всего в ходе исследования было опрошено более 100 учителей Костромской области, преподававших в советский период и имеющих стаж работы от 25 лет. Собранные данные позволили увидеть глазами учителей не только предвоенные и военные годы, но и будни учителей, работавших в первое послереволюционное десятилетие.

Шестую группу источников представляют собой материалы центральной и местной периодической печати. Их специфика как источников состоит в том, что пресса обычно является проводником и защитником определенной политики. Развитие большевистской политики в отношении школы и учительства достаточно ярко отражают материалы «Правды», «Известий», которые с осени 1922 года почти ежедневно публиковали статьи о школьном строительстве. Сообще-

ния корреспондентов местных газет отражают различные настроения общества, а также оценку деятельности властей. В 1920-е годы выходили в свет многочисленные педагогические издания: центральные журналы – «На путях к новой школе», «Народный учитель», «Народное просвещение»; с осени 1924 г. «Учительская газета» на их страницах нашла отражение специфика процесса создания нового учительства, его общих ход и итоги. Богатейший фактографический материал содержится в публикации местных педагогических изданий: сообщения о ходе различных кампаний среди учительства. Программы курсов, кружков, результаты обследования разных педагогических учебных заведений, общественной работе педагогов, а также личные свидетельства учителей об условиях жизни, работы, настроениях преподавателей. Они запечатлели характерные черты формирования и жизни провинциального учительства.

Еще одна (седьмая) группа источников – статистические материалы, издававшиеся в 1918–1991 гг. как в центре, так и местным статистическим управлением. Благодаря им отслежены количественные и качественные (пол, возраст, образование, стаж) характеристики школьных работников региона и выявлена динамика изменения соотношения старых и новых педагогов в составе советского учительства в исследуемый период.

Восьмую группу представляют визуальные источники, хранящиеся в личных архивах учителей. Данный тип источника, позволил воссоздать образ, одежду, а также передать характер запечатленного отрезка времени. Кроме того, фотографии позволяют увидеть изменения, происходившие с учителями в разные года, какие появлялись перемены в его внешнем образе, увидеть учителя не только в окружении коллег и учеников, но и на отдыхе, дома среди родных и близких. Автором изучены материалы трех центральных и местных архивов: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) фонды А 374 – Государственный комитет РСФСР по статистике 1927–1991 гг.; фонд А2306 Министерство просвещение РСФСР (1917–1988 гг.); фонд Р5462 Центральные комитеты профессиональных союзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений в архиве. В этих фондах

сохранились разнообразные документы: директивы, приказы, отчеты, справки, переписка по разнообразным проблемам: вопросам повышения квалификации, заработной платы, получение наград и званий, личные дела учителей, содержащие характеристику их учебной и общественной работы. В местных архивах ГАКО И ГАНИКО рассмотрены фонды Р-24 Отдел народного образования исполнительного комитета Костромского губернского Совета РК и КД: требования ведомостей на выдачу заработной платы, школьного партотдела, Р-88 – Отдел народного образования исполнительного комитета Галичского уездного Совета РК и КД. Фонд Р-551 Костромской городской комитет профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений и фонд Р-1451 – Отдел государственной статистики Костромского района. ГАНИКО фонды: Р-403 – Отдел народного образования Межевского района; 472 – Ореховский районный отдел народного образования; Р-246 Парфеньевская средняя школа Парфеньевского района Костромской области; 1006 Андроповской средней школы Андроповского района Костромской области; фонд Р-1204 Махровская средняя школа Буйского отдела народного образования; Р-564 – отдел народного образования Чухломского районного Совета депутатов трудящихся и др. В общей сложности в ходе исследования автором было использовано 18 фондов, 605 архивных дел. Таким ообразом, источники по проблеме повседневной жизни учительства Костромского края в исследуемый период богаты и разнообразны. Их комплексный анализ с учетом общественно-политической ситуации и человеческого фактора позволили выйти на решение основных задач исследования.

ЧАСТЬ I

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ, ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УЧИТЕЛЕЙ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ

Группа учителей на отдыхе в Прибалтике. СССР, 1970-е годы (Личный архив автора)

Глава 1

Количественная, этническая и конфессиональная характеристика советских учителей

В Советской России в 1922 году согласно статистическим данным насчитывалось 500 тыс. учителей. 15 декабря 1927 года основная масса просвещенцев проживала в сельской местности – 65,9% и имело среднее образование – 82,1% (Народное просвещение 1927; Всесоюзная школьная перепись 1930).

Отдел народного образования Костромской губернии в 1917 году насчитывал 1775 учителей. Из них в школах I ступени преподавало 1196 чел., школах семилетках – 368 чел., девятилетках – 211 чел. Однако постепенно преподавательский состав менялся и трансформировался (Просвещение в Костромской губернии 1927).

К 1923 году в Костромской губернии проживало и преподавало 1663 учителя, из них в городах – 580 (35%), а в сельской местности – 1083 (65%) (Отчет 1924: 120). В 1920-е годы в СССР существовала двух ступенная школьная система, школой I ступени назывались начальное звено, а II ступени – среднее звено, которые были объединены 1932 году (Золя 2014).

К 1927 году в Костромской губернии насчитывалось уже 1737 учителей: в школах I-й ступени работало 1340 чел., в школах II-й ступени, 9-ти годичных и школах крестьянской молодежи – 156 преподавателей, в семигодичных школах – 241 чел. (Отчет 1923: 120). Интересен тот факт, что в сельской местности были только школы I ступени, в которых преподавало 1111 учителей, а в городах преподавателей школ I ступени насчитывалось всего 229 чел., большинство школ в городе были II-ой ступени (Там же: 34–73).

Статистические данные показывают рост численности учителей в СССР с 1,2 млн. в 1940 году до 3,4 млн. в 1990 году, т.е. в 2,8 раза. В Костромской области эта дина-

мика была ниже и составила 1,25 раза. Таким образом, процессы модернизации хоть и затронули область, но в меньшей степени, чем другие регионы страны (см. табл. № 1).

Таблица 1

Динамика роста численности учителей в СССР и Костромской области

Численность учителей	1940/41	1960/61	1970/71	1980/81	1990/91
СССР (млн.)	1,2	2	2,6	2,6	3,4
Костромская обл. (тыс.)	6,8	9,9	9,4	7,1	8,5

Таблица 2

Размещение учителей в СССР и Костромской области

Годы	СССР (млн.)			Костромская область (тыс.)		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
1981/82	2,6	1,2 (46,2%)	1,4 (53,8%)	7,1	4,7 (66,2%)	2,4 (33,8%)
1990/91	3,4	1,7 (50%)	1,7 (50%)	8,5	6 (70,6%)	2,5 (29,4%)

Из таблицы № 2 (Народное хозяйство в СССР 1990; Народное хозяйство 1981: 244; Народное хозяйство 1991: 253) видно, что в целом в СССР уравнивается численное соотношение городских и сельских учителей. Процесс урбанизации привел к массовой миграции населения из села в город.

В Костромской области, несмотря на то, что в 1920-е годы 65% учителей проживало в сельской местности, к 1981 г. 65,7% учителей проживает уже в городах и городских поселениях, а к 1991 году этот процент вырастает до 70,1% (Народное хозяйство в СССР 1990; Народное хозяйство 1981: 244; Народное хозяйство 1991: 253).

Таким образом, за годы советской власти учительский корпус Костромской области вырос с 1891 до 8526 чел., из которых 70,1% учителей проживали в городах и городских поселениях (Там же).

Этнический состав учителей Костромской области

Костромской регион с этнической точки зрения с древнейших времен относился к исконно русской земле. На территории Костромского края издревле, проживало финно-угорское племя меря, которое было полностью ассимилировано славянами в XI–XII вв. Именно поэтому потомков финно-угорского племени в Костроме не сохранилось.

Географически город Кострома располагался на р. Волга, через которую проходила международная торговая связь. Этот фактор способствовал появлению в регионе иностранцев. В писцовых книгах 1627–1628 гг. в Костроме было 13 иноземных дворов: голландцев, гамбугцев, англичан и других народностей (Писцовая книга 2004: 14, 17–19).

В 1761 году из Ярославской губернии в Костромской район были выселены служилые татары, так называемые романовские татары, самоназвание которых нугай. Их поселили недалеко от города Кострома за Черной речкой. Данное поселение среди местных жителей было прозвано Подгорной татарской слободой Костромы. Численность костромских татар в 1762 году составляла 128 человек. В начале XX века их число доходило до 525 человек. До 1917 года они говорили на татарском языке, причем по-русски понимали плохо, по вероисповеданию были мусульманами суннитского толка. В слободе существовала мечеть, и мусульманская школа – медресе (Колгушкин). Поселок состоял из нескольких узких улиц, застроенных маленькими деревянными домами с двориками, отгороженными от соседей деревянными заборами. Улицы были очень грязные даже летом, но в домах постоянно поддерживалась чистота и опрятность. У входа всегда стоял высокий медный кувшин – кумган и таз для омовения. Этого мусульманского обычая все придерживались строго. У многих он дошел и до нашего времени. Все жители слободы имели коров, овец, коз, у большинства были лошади. Каждый хозяин

имел не одну крупную собаку – дворняжку. Татарское поселение сохранилось и до наших дней, однако основным языком сейчас стал русский, вероисповедание осталось мусульманским (Колкушкин; Шарифуллина 2009: 412–422).

Еще один немаловажным фактом является переселение в Костромской край финских красногвардейцев. Первоначально они были размещены в Петрограде и г. Буй, Костромской губернии. Оттуда их направляли в Вологду, Кострому, Муром, Москву, Нижний Новгород, Мурманск, Петрозаводск, на Урал и в Сибирь. В конце двадцатых годов начались выселения финских деревень под предлогом очистки пограничной полосы от «неблагонадежного» населения, часть финнов сумела поселиться в Костромском районе (Финны в России 2010).

Все вышеперечисленные обстоятельства способствовали формированию многонационального облика Костромского края, что подтверждает и официальная статистика. По переписи СССР 1926 года в Костроме проживали представители 33 разных национальностей и народностей, однако подавляющее большинство составляли русские. Из 811 486 чел., русских было 806 236 чел. или 99,3% от общего состава населения. Следующей по численности этнической общностью были татары – 1394 чел. (около 0,17%), евреи – 912 чел. (ок. 0,11%), белорусы – 740 чел. (ок. 0,09%), украинцы – 639 чел. (ок. 0,07%), остальные народности – 1565 чел. (ок. 0,26%). К иностранным лицам было отнесено 133 чел. (Всесоюзная перепись 1927). Это и привело к доминированию русских школ. К 1926 году из 779 школ первой ступени, которые позже были переименованы в начальные школы, русских было 778 и только одна татарская школа I ступени находилась по адресу улица Нариманова в Татарской слободе, и просуществовала до середины 1950-х годов (ГАРФ. Ф. А-137. Оп. 27: 47–49).

Для того, чтобы проследить меняющуюся этническую ситуацию в рассматриваемом нами регионе с 1929 по 1944 гг., когда Костромская губерния была расформирована и входила в состав Ивановской, а затем Ярославской областей, необходимо проанализировать этническую составляющую и в этих регионах.

К 1926 году в Иваново-Вознесенской губернии проживало 1 195 804 человека, подавляющее этническое большинство составляли русские. Их численность была 1 187 279 чел. (99,2%). Количество представителей других национальностей составляла менее 1%: татары – 2363 чел. (ок. 0,2%), белорусы – 1570 чел. (0,13%), евреи – 1377 чел. (0,12%), украинцы – 752 чел. (0,06%), другие национальности – 2463 чел. (0,21%). Остальные этнические общности были немногочисленными (Всесоюзная перепись 1926). Однако в Иваново-Вознесенской губернии количество татарских поселений было больше, чем в Костроме, это явилось итогом создания сети татарских школ. К 1926 году в Иваново-Вознесенской губернии из 1131 школы I ступени, 1128 школ были русскими, 2 школы были русско-татарскими и 1 школа только для татарских детей, причем учителей – татар было всего трое. Из материалов обследования видно, что, несмотря на то, что школы именовались русско-татарскими, преподавание велось на русском языке. Кроме того, школы семилетки и другие типы школ более углубленного обучения были исключительно русскими (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 27. Д. 1. Л. 23–24).

В Ярославской губернии наблюдалась подобная ситуация. Из 1 343 163 человек, русских было 1 327 651 чел. или 98% населения. Украинцы – 1117 чел. (0,1%), белорусы – 3503 чел. (0,3%), евреи – 3024 чел. (0,2%), татары – 1836 чел. (0,1%), эсты – 2686 чел. (0,2%) Немного иная ситуация наблюдалась в Ярославской губернии в сфере образования, из 1199 школ первой ступени, русских школ было 1197, одна школа была татарской и еще одна школа была эстонской. Это было связано с тем, что на территории Ярославской губернии проживало крупное поселение финно-угорского племени эстов, которые сохранили традиции и этническую связь с эстонцами (ГАРФ. Ф. А-374.Оп. 27. Д. 1. Л. 114–115).

Хотелось бы отметить, что национальные школы во всех трех губерниях сохраняются до середины 1950-х годов.

Следующая перепись 1939 года, которая проходила в СССР, свидетельствует о том, что этническая картина в регионе существенно не изменилась (см. приложение № 2, 3).

Среди учителей Костромской губернии также преобладали русские, наряду с ними были белорусы, украинцы, евреи, татары и финны, хотя удельный вес их был незначительным. Именно поэтому учительский состав в Костромском крае на протяжении всего советского периода был практически моноэтничным, что подтверждает таблица № 3.

Таблица № 3[2]

Этнический состав учительских кадров в Костромском крае (1940–1941 учебный год)

Национальность	**%**
Русские	99
Белорусы	0,2
Украинцы	0,3
Татары	0,1
Евреи	0,3
Финны	0,01
Другие народности	0,09

Таким образом, численное преобладание в этническом плане было за русским населением. Следует отметить, что многие учителя, у которых родители были представителями разных национальностей, предпочитали при опросах или переписях принадлежность к русским. Это было связано с боязнью больше на подсознательном уровне, дискриминации на бытовой почве, тем более связь с привычной этнической средой обитания была утрачена. Так многие учителя, которые были евреями или финнами, родным языком выбирали русский. Одна учительница вспоинала, что для поступления в педагогический ВУЗ ей пришлось скрыть свою национальность «иначе бы меня не приняли в ВУЗ» (ПМА 2008).

[2] ГАНИКО. Ф. 403. Оп. 12л. Д. 50. Ф. 403. Оп. 1. Д. 64. Ф. Р-403. Оп. 2л. Д. 2, 4, 10, 13, 15, 16; Ф. 472. Оп. 5. Д. 20. Подсчитано и составлено автором на основе списков учителей с указанием национальности.

Перепись 1959 года – первый послевоенный учет населения и первая перепись Костромской области, как самостоятельной административной единицы РСФСР. Именно поэтому мы сравним данные переписи с переписью 1926 года, для анализа изменившейся национальной структуры региона (см. табл. 4).

Таблица № 4[3]

Сравнительные данные этнического состава населения Костромской губернии 1926 г. и Костромской области в 1959 г.

Национальность	**Костромская губерния, 1926 год**	**Костромская область, 1959 год**
Русские	806 236	898 263
Белорусы	740	2365
Украинцы	639	7054
Татары	1394	3594
Евреи	912	1061
Финны	47	76
Немцы	141	1727
Др. народности	1518	7586
Всего	811 486	919 999

Исходя из данных источника, мы видим, что за тридцать лет население Костромской области выросло незначительно на 0,13%, что, скорее всего, явилось следствием Великой Отечественной войны, в которой погибло 1 150 000 жителей области (Миловидов 2006: 136).

Исходя из списков педагогического персонала школ районов Костромской области, подавляющий перевес среди

[3] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Костромская губерния. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=187; http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=36

этой социальной группы приходился на русских. Вместе с тем, учителями работали украинцы, белорусы, татары, евреи, встречались немцы, латыши, эстонцы, литовцы, финны, армяне (ГАНИКО. Ф. 472. Оп. 5. Д. 49, 50, 59, 69, 80, 81, 83, 86, 88. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 17, 18). Представители этих этнических общностей оказывались на территории Костромского края, как правило, в результате внутренних миграционных процессов в СССР. В советское время существовала система распределения молодых специалистов по всему Советскому Союзу, так студента, окончившего Костромской педагогический институт, могли направить работать в Якутию и в другие районы СССР, поэтому многие из специалистов обосновывались в Костромской области, не теряя связи со своими этносами. Ситуация была характерна до конца советской эпохи (См. табл. № 5).

Таблица № 5[4]

Этнический состав населения Костромской области 1989 г. (данные в чел.)

Национальность	Численность
Все национальности	804 296
Русские	774 620
Украинцы	9723
Белорусы	2891
Татары	2965
Молдаване	1606
Цыгане	1412
Чуваши	1171
Евреи	461
Другие национальности	9447

Таким образом, этническая ситуация в регионе за годы

[4] Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» / Интернет ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=17. Дата обращения: декабрь 2010.

советской власти кординально не изменилась, численный перевес в составе учителей оставался за русскими, удельный вес других нацианальностей был незначительным.

Конфессиональная состав учителей

Идеологическая политика СССР изначально была направлена на формирование преданных режиму представителей преподавательского состава, разумеется – атеистов (ГАКО. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 23, 25). Вместе с тем, Костромская губерния к 1917 году насчитывала 1139 действующих церквей и 19 мужских и женских монастырей, причем только в Костроме было 40 церквей и два монастыря. Православная вера имела прочные корни, подавляющее большинство, до 9/10 русских, белорусов и украинцев придерживались православия. В Костроме также прочные устои имела и другая ветвь православного христианства – старообрядческая община, этой веры придерживалось около 9% от общего числа местного населения. Кроме того, в регионе существовала секта евангельских христиан – баптистов и лютеранская община, численность которых не превышала 1%. В Костроме, как мы упоминали ранее, была мечеть в Татарской слободе, которая была закрыта в 1929 году. Все жители слободы были мусульманами суннитского толка, религиозные традиции и обычаи были сильными и сохранились у татар до современности. Кроме того, в Сенном переулке в 1907 году была построена двухэтажная синагога, которую посещали иудеи. Здание синагоги было закрыто в 1929 г., часть здания была возращена только в 1995 году костромской еврейской общине (Историческая энциклопедия 2002: 302).

В 1925 году вышла директивная установка об активизации работы учителей по «безрелигиозному воспитанию». Учителя должны были более активно распространять материалистические взгляды среди населения путем организации уголков безбожников и массовых чтений докладов на антирелигиозные темы. Так, в 1925 году на заседании Правления Дома работников просвещения обсуждался вопрос о создании Союза безбожников: «Было решено выделить тройку, которая должна была составлять и посылать

письма в местные комитеты профсоюзов работников просвещения с целью создания единого комитета по борьбе с религией» (ГАКО. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 23. Л. 23, 25).

II Всероссийский съезд Союза воинствующих безбожников в 1929 году призвал отказаться от примирения с религией и начать «поход на наглеющую поповщину». В этом же году началась спланированная кампания по закрытию церквей и в Костромском крае. Был закрыт древнейший Макарьево-Унженский монастырь. На антирелигиозном митинге, состоявшемся 15 октября 1929 г. в цирке, было принято «от имени рабочих» обращение к горсовету о закрытии в Костроме 8 церквей. После скорого удовлетворения «просьбы трудящихся» началась вакханалия закрытия и разрушения церквей. 4 января 1930 г. местный партийный орган в газете «Северная правда» объявил очередную антицерковную кампанию под лозунгом: «В штыки встретим рождественскую шарлатанскую атаку попов». Сообщалось, что только за год в Костроме было закрыто 14 церквей, снято и передано в Рудметаллторг 114 колоколов общим весом более 100 тонн[5]. В 1930-х годах осталось только три действовавших церкви. Помимо этого в городе было полностью разрушено 29 храмов, а 10 частично (Кострома 2002: 373). Остальные церковные учреждения, независимо от их вероисповедания, были закрыты (История 1998: 107–108).

Ввиду вышеперечисленных фактов, характеризовать учительскую группу по конфессиональному признаку практически невозможно, так как материалы архивов и других источников не классифицируют учителей по принадлежности к определенным конфессиям.

Прямых свидетельств о приверженности учителей к той или иной религии крайне мало. Однако в постановлениях местных РОНО или приговорах народного суда встречаются случаи посещения отдельными учителями церкви, особенно в годы Великой Отечественной войны, когда наблюдается заметный рост религиозного самосознания

[5] Так, Успенский кафедральный Собор Костромы был взорван в 1934 г., а оставшийся щебень пошел на нужды индустриализации: строительство льнокомбината им. И.Д Зварыкина (Историческая энциклопедия 2002: 258).

среди населения. Отдельные исследователи отмечают, что некоторые учителя даже водили детей в церковь на службу (Малхасян 2010: 295–297). Местные РОНО продолжали активно бороться с подобными настроениями учителей, сначала им делался строгий выговор, а при повторном нарушении, учителя могли уволить (ГАНИКО. Ф. 1006. Оп. 2. Д. 4. Л. 17–19).

Из проведенного нами эмпирического исследования и личных бесед с учителями можно сказать, что большинство учителей по своему мировоззрению были атеистами. Тем не менее, на вопрос о совершении религиозных обрядов («крещение» детей и др.) практически все респонденты ответили утвердительно. Причем крестили своих детей тайно, часто в соседних областях или на дому, чтобы местные органы власти не смогли проследить. Так, например, учительница русского языка и литературы вспоминает, что «Боясь гонений со стороны администрации школы, я сына и свою внучку крестила дома» (ПМА 2008). Подобная ситуация и напряженность в религиозном вопросе сохранялась до 1988 года, когда в СССР произошла политическая и идеологическая либерализация.

Таким образом, в качестве вывода хотелось бы отметить, что подавляющим большинством на протяжении всей советской эпохи, в составе учителей Костромского края были русские, однако подавляющее большинство учителей по своему мировоззрению были атеистами. Численность других этнических общностей была незначительной.

Глава 2

Гендерный состав советских учителей

Гендерная составляющая исследования такой большой социальной группы, как советская учительская интеллигенция является необходимой, особенно с учетом того, что гендерный подход к изучению общества является новым, но вместе с тем, становящимся все более популярным направлением развития гуманитарного знания. За основу при анализе мы возьмем понятие Н.Л. Пушкаревой: «Гендер – это система межличностных отношений, которая является основой общественной стратификации по признаку пола» (Пушкарева 2007: 170).

Октябрьская революция 1917 года явилась переломным этапом в истории России, характеризующимся кардинальными изменениями в социальной и политической структуре общества. В статьях 3, 7, 18 и 64 Конституции 1918 года (Конституция 1918) были законодательно закреплены положения о том, что женщина и мужчина имеют равные права и что одним из путей осуществления этих прав является предоставление женщинам равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки. Полноправное участие женщин в хозяйственном строительстве неизбежно должно было привести к повышению их социальной активности, развитию личности женщины и изменению ее положения в семье. В этом Советское государство и видело основную задачу.

Гендерный состав учителей Костромской губернии в 1920 году характеризовался, исходя из статистических данных, следующим образом: из 1775 чел. 1367 было женщинами, что от общего числа учителей составляло 77% (Костромская губерния в цифрах 1925: 24). Из приведенных данных видно, что к 1920 году численный перевес в Костромском крае наблюдался в пользу женщин. Тогда как официальные данные по стране за этот период называют удельный вес женщин в составе учительской интеллиген-

ции в 65% (Всесоюзная школьная перепись 1930: X–XII). Данное положение связано с демографической ситуацией в Костромской губернии, где женщины всегда численно преобладали над мужчинами.

Одной из главных задач советского правительства было увеличение количества учительниц из благонадежных социальных слоев населения, а ими новая власть признавала выходцев из семей рабочих и крестьян. Но данный процесс был усложнен рядом причин: «Бытовые условия, консерватизм родителей, а иногда и самих работниц, и крестьянок также немало влияли на темп вовлечения женщин в профшколы» (Народное просвещение 1929: 227). Целый ряд мероприятий исключительного порядка, предпринятых органами – Наркомпроса, женотделами, профсоюзами и комсомолом был вызван привлечением женского состава населения для обучения и подготовки новых специалистов. Эта работа проходила в 1920-е годы и тщательно отслеживалась партийными органами власти. В результате предпринятых мер, количество женщин на факультетах педагогических учебных заведений увеличилось на 13,2% (Там же). Но несмотря на принятные меры отношение местного населения к получению образования, особенно девочками, оставалось консервативным, о чем свидетельствуют воспоминания инспекторов: «А на счет девок. Так нам бы хоть мальцов выучить. Средств на всех не хватает[6]. Да и работы им дома полно: матери помочь или сестре. Прясть надо, ситцу теперь не купить» (Народное просвещение 1929: 228).

Для более полной характеристики ситуации, проанализируем изменение гендерной ситуации в рассматриваемом нами Костромском регионе. Проанализируем гендерный состав учителей в 1926 г. (см. табл 6).

---

[6] По всей видимости, в данном отрывке идет речь о средствах, которые родители затрачивали на обучение детей, в 1920-е годы. Это был натуральный платеж, за одного ребенка родители платили 1 пуд зерна в месяц.

Таблица № 6

Гендерный состав учителей по школам Костромской губернии в 1926 году[7]

Вид учебного заведения	Населенный пункт	Из них		
		М.п.	Ж.п	Оба пола
Школы рабочей молодежи	г. Кострома	34	11 (24,4%)	45
Школы I ступени	Всего	281	1068 (79%)	1349
	Город	249	909 (78,5%)	1158
	Село	32	159 (83,2%)	191
Школы II ступени	Всего	52	31 (37,3%)	83
	Город	51	29 (36,3%)	80
	Село	1	2 (66,6%)	3
Школы 7-летки	Всего	72	169 (70,2%)	241
	Город	49	132 (72,9%)	181
	Село	23	37(61,7%)	60
Итого	РСФСР	77437	138965 (64,2%)	216402
	СССР	125480	189668 (60,2%)	315148
	Костромская губерния	439	1279 (74,4%)	1718

Из приведенных в таблице № 6 данных видно, что ситуация в Костромской губернии того периода носила несколько отличительный характер от общей ситуации в РСФСР. Большинство учителей было сосредоточено в городе. Этот факт объясняется тем, что в сельской местности ввиду отсутствия средств на содержание, многие школы I ступени закрылись. Вместе с тем в этих школах численность женщин достигала 80%, тогда как в школах II ступени не доходила и до 37%. Данная ситуация объясняется тем, что заработная плата учителей-предметников в школах II ступени,

[7] ГАРФ Ф. А-374. Оп. 27. Д. 6. Л.56. Данные включают только обследованные школы Костромской губернии.

была значительно выше, чем у их коллег групповиков[8]. Так в 1926 году учителя школ I ступени получали 35 рублей в месяц, а во II ступени 50 рублей и в этих школах в основном работали мужчины (Отчет отдела Народного образования 1926: 134).

Однако в школы выше II ступени брали работников только из социально благонадежного слоя или из состава молодого советского учительства. По данным статистики, из пятидесяти двух преподавателей в Школах Рабочей и крестьянской молодежи 12 человек являлись членами РКП(б), 9 человек были членами ВЛКСМ, остальные 31 являлись членами Союза Работников Просвещения. Тогда как в школах II ступени 29 учителей не входили ни в одно государственное или партийное объединение.

Таким образом, хотелось бы отметить, что феминизация учительской группы в Костромской губернии началась еще на ранних этапах становления советского государства. Основная часть учительниц была сосредоточена в начальных школах, по возрасту – это были специалисты от 20 до 40 лет. Это объяснялось тяжелой материальной ситуацией в стране и тем, что мужчины, как кормильцы семьи, пытались искать другие источники заработка.

В 1927 году начинается резкий поворот в деле народного образования, который был направлен на чистку учителей и удаление из его состава неблагонадежной прослойки. К этой части населения относили выходцев из дворянства, духовенства, зажиточной части крестьянства (кулаков). В постановлении ЦК ВКП(б) от 12 апреля 1929 г. «Об укомплектовании педагогических вузов» перед партийными и советскими организациями ставилась задача добиться в предстоящую приемную кампанию повышения удельного веса рабоче-крестьянской группы в педвузах до 65%, а в педтехникумах – до 80%. Причем дети батраков и бедноты должны были составлять не менее 10% от общего числа принятых на первые курсы. Лица, связанные с кулацким хозяйством, не допускались в педагогические учебные заведения (Об укомплектовании педагогических вузов

[8] Групповиками называли учителей начальной или низшей школы (I ступени).

1974: 419). В результате предпринятых мер на должностях школьных работников оказались лица, которых «ранее и за порог школы не пустили бы. Школьные учреждения стали проходными дворами, куда приходят случайные люди» (Богданов 1921: 3).

Перед началом учебного 1928 года по всему СССР прокатилась волна массовых увольнений и перемещений учительства, главным образом сельского. В категорию «неблагонадежных» попадало много женщин. Подобные мероприятия были объяснены местными партийными организациями «желанием улучшить работу школ, обеспечить их работе классовую направленность» (Смирнов 1929). Но на практике это здоровое желание улучшить работу школы, привело к значительному росту правонарушений в отношении сельского и городского учительства, особенно среди женщин (Ефременко 1929: 103).

Центральный комитет профсоюзов в своем отчете за март 1929 г. создавшуся ситуацию объяснил следующим образом: «В большей степени этому <нарушениям> способствовало расширение прав райисполкомов и передача им права увольнения и перемещения учительства. Невнимание к школе и незнание ее районными организациями, бюрократизм и грубое администрирование в отношении к учителю со стороны целого ряда низовых советских органов, недооценка роли и трудностей работы учителя привели к тому, что наряду со сравнительно малым количеством обоснованных увольнений и перемещений в гораздо большей степени агрессивные меры вызывались личными счетами, кумовством, преследованием за критику, непроверенными слухами, недостаточным знакомством с работой учителя и т.д.» (Там же: 80).

Впрочем, далеко не всегда были идеологические и классовые причины увольнения учительниц. Особо следует отметить наличие нередких случаев преследований учительниц, как женщин: «... Под предлогом несоответствия, слабой квалификации, "риковские"[9] работники зачастую увольняют учительниц, отказавшихся отвечать на их

[9] Работники районных исполнительных комитетов.

домогательства», «... много случаев правовых нарушений было на почве отношений к учительнице, как к женщине. Во всех подобных случаях инициаторами правовых нарушений делались попытки смазать работу учительницы, показать ее плохой, не активной и подвести под увольнение» (Там же: 105).

По сведениям профсоюзов просвещения, этот размах характеризовался следующими цифрами по губерниям: Архангельская губерния – 30 человек; Иваново-Вознесенская – 193 человека; Ярославская губерния – массовые увольнения, достигающие 45% от общего числа учителей (Там же)[10].

Таким образом, мы видим, что несмотря на заявленное равноправие и предоставление женщинам прав и свобод, на деле ситуация приобрела иной характер.

Только благодаря решительным мерам, принятым Цекпросом, Наркомпросом, и другими центральными органами, волна массовых правонарушений в отношении учительства была ликвидирована в сентябре-октябре 1930 года. Потерпевшие были реабилитированы почти во всех случаях, но осадок от этих правонарушений у сельского учительства остался. Итогом явился рост количества учителей мужчин в изучаемом районе.

В последующие 1930-е годы в постановлениях ЦК ВКП(б) отмечается значительный рост активности учителей. Кроме того вводится ряд запретов: «на произвольное перемещение учительских кадров в школах местными властями <...> вводится запрет на использование учителей для выполнения технических поручений сельсоветов и рика» (Народное образование 1974: 163–164).

С началом войны число учителей значительно сократилось, прежде всего мужчин, в связи с их призывом и массовым добровольным вступлением в армию. Только в Москве с конца 1941 г по июль 1942 г. в РККА были призваны 1873 педагога, добровольно вступили в ряды народного ополчения 2300 представителя столичной учительской интелли-

---

[10] Костромская губерния была расформирована в 1929 году и вошла в состав Ивановской и Ярославской областей, именно поэтому мы можем судить только об общих данных этих двух губерний.

генции (ГАРФ. Ф. 5462. Оп. 1. Д. 121. Л. 62). В Ярославской области за 1941/42 уч.г. в ряды Красной Армии было мобилизовано свыше тысячи работников образования. Были и другие причины: отбытие в эвакуацию, переход на другую работу и т.д. (Малхасян 2010: 295–297). Часть учителей направлялась на укрепление детских домов и интернатов, число которых на начальном этапе войны стремительно возрастало (Культурное строительство 1958: 198). К началу 1945–1946 уч. года штат учителей в школах РСФСР сократился по сравнению с предвоенным 1940–1941 уч. года на 84,9 тыс.чел. (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2809. Л. 52)

Гендерная ситуация в школах вновь образованной Костромской области в 1945 году ярко характеризует нижеприведенная таблица:

Таблица № 7

Удельных вес женщин – учителей Ивановской и Костромской областей в 1945 г.

Область	Женщины		Мужчины		Всего
	Человек	%	Человек	%	
Ивановская	8004	83,1	1628	16,9	9632
Костромская	5825	80,1	1449	19,9	7274

Из таблицы видно, что процентная доля женского состава среди учителей в целом увеличилась на 5% по сравнению с 1926 годом (75,1%). Причем произошел рост количества женщин не только среди групповиков, как это было раньше, но и среди предметников, их удельный вес вырос с 37% в 1926 году до 60% в 1945 году. (Малхасян 2010: 295–297) Приведенные данные позволяют нам сделать вывод о том, что Великая Отечественная война явилась переломным моментом в феминизации профессии учителя.

С 1940 года по 1976 год численное превосходство женщин-учителей увеличилось на 11%, а к 1980/81 гг. удельный вес женщин в профессии учителей вырос до 72,1%.

Из этого можно сделать вывод, что степень феминизации профессии была одной из самых высоких в стране. Так в промышленности доля женщин составляла 39%, сельском хозяйстве 54%, здравоохранении 64% (Народное хозяйство 191: 141). А всего численность женщин-рабочих и служащих в народном хозяйстве к концу 1980-х годов составляла 50,9% (Там же: 154).

Одной из самых существенных характеристик педагогических кадров является тенденция к феминизации образования. Из таблицы № 8 (Народное образование: 1970: 221) видно, что полностью к женской профессии можно отнести учителей начальных классов, где доля женского состава к 1970-м годам выросла до 95%. Существенное изменение произошло и в учительском составе среднего звена, здесь процент женщин учителей с 53,8% вырос до 95%, т.е. на 42%. Мужчины в начальном и среднем звене работали, как правило, учителями физической культуры, военного дела, труда или черчения. Кроме того, мужчины занимали руководящие должности директоров, как видно из таблицы № 7 должность директора занимало всего около 30% женщин-учителей.

Таблица №8

Удельный вес женщин – учителей общеобразовательных школ (данные по СССР)

Учителя	**1938/39**	**1950/51**	**1968/69**	**1970/71**	**1975/76**
1-4 классы	72,2	91,1	95	95	96
5-7 классы	53,8	79,4	95	95	95
8-10	48,8	73,5	83	84	85
Директора нач. школ	39,5	70,6	84	83	83
Директора 7-8 лет. школ	11,9	25,3	33	33	33
Директора ср. школ	18,2	26	29	29	29

Таблица 8 (окончание)

Учителя	1938/39	1950/51	1968/69	1970/71	1975/76
Зам. директоров нач. школ	–	–	94	94	96
Зам. директоров 7-8 лет. шк.	24,5	5,84	73	61	65
Зам.сред. школ	37,4	60,9	76	65	70

Как мы видим из таблицы 8 растет и количество женщин-директоров. В 1938 году процент директоров начальных школ среди женщин не достигал и 40%, с учетом того, что в профессии численный перевес по гендерному признаку был более 77%, то в 1976 году этот процент увеличился до 83%. Приведенные данные говорят о практически полной феминизации профессии учителя начальной школы. Значительно меньше процент женщин директоров был среди учителей в школах 7-8 летнего образования. К 1976 году удельный вес женщин-директоров составлял всего 33%, но в данных учебных заведениях была высокой доля заместителей директоров среди женщин – 65%. Еще меньше женщин было в составе директоров средних школ, в 1938 году их было 18,2%, в 1976 году их стало – 29%.

Феминизация учительских кадров имела ряд объективных причин. Во-первых, заработная плата в начальных школах была значительно ниже, чем в средних школах. А доход директоров в совокупности с преподавательскими часами превышал уровень простого учительского жалования практически в два раза, что видно из ведомостей по заработной плате. Во-вторых, заниматься с маленькими детьми было исконно женским занятием, тогда как чисто мужскими профессиями оставались труд, физическая культура, военное воспитание и черчение. В данных предметах численный перевес мужчин доходил до 66%.

Феминизация оказала влияние и на другую существенную сторону жизни учителей – личную жизнь и авторитет.

Органы народного образования, школы и педагоги-

ческие учебные заведения, по мнению руководства, мало работали над привлечением выпускников школ юношей – в пединституты. Число юношей, поступивших на I курс пединститутов, возросло с 1971 по 1982 г. всего на 4% (с 22 до 26%) (Народное образование 19886: 97) . Причем увеличение произошло в основном за счет расширения планов приема на факультеты физического воспитания и трудового обучения.

Феминизация учительского состава привела к неблагоприятным последствиям в воспитании подрастающего поколения: к нежеланию учиться, к попыткам убежать из семьи, росту количества проблемных подростков и как следствие росту детской преступности (Сахаров 1967: 144, 147–149). Подростки и юноши нуждались в общении с учителем-мужчиной, нередко только он мог ответить на возникающие у мальчиков вопросы. Равномерное соотношение мужчин и женщин в структуре педагогических кадров имело большое значение, для улучшения качества учебно-воспитательной деятельности школы.

И еще одним неблагоприятным обстоятельствм роста феминизации профессии явилось растущее число одиноких педагогов. К началу 1980-х годов 12,5% сельских и 15,1% городских учительниц не вступали в брак, а с учетом разводов удельный вес одиноких учительниц вырастал до 17,1% на селе и 26,6% в городе. Удельный вес разводов в учительской среде по данным исследователя И.Я. Козаченко намного превышал средний показатель в СССР (Козаченко 1972: 62). Среди других социальных групп он колебался от 3–10%. Обращает на себя внимание и тот факт, что согласно проведенным исследованиям тех лет доля не вступивших в брак сельских учительниц постепенно возрастала. Исследователь С.Н. Айрапетов объясняет данное положение тем, что причина заключалась в невозможности найти брачного партнера, который бы соответствовал запросам учительниц (Арапетов 1983: 90). Исследование выявило также, что только 27,5% сельских учительниц состояли в браке с представителями интеллигенции. В остальных случаях учительницы заключали социально-гетерогенных брачные союзы. В сельской местности более 50% мужей имели не-

полное среднее образование и только 18,9% высшее, чисто учительские семьи составляли 30%. В городе этот показатель снижался до 15,1%, а число мужей с высшим образованием не доходило и до 23% (Там же: 92).

Демографы 1980-х годов утверждали, что причина распадов гетерогенных семей заключалась именно в уровне образования, который отражался в различных целях и интересах в жизни каждого из супругов. Анализ, проведенный С.Н. Айрапетовым, показывает, что уровень разводов у учительской группы был всегда выше, чем у других социальных групп. Среди учительской интеллигенции эти цифры достигали 26,6%, тогда как в целом по стране этот показатель не превышал и 10% (Там же).

В качестве вывода хотелось бы отметить, что гендерная ситуация, связанная доминированием женщин среди учителей наблюдалась еще на ранних этапах формирования советской учительской интеллигенции. К 1920 году в Костромской губернии женщин-учителей было 77% от общего состава, что в первую очередь было следствием демографической ситуации в регионе, Первой мировой и Гражданской войн. Переломным этапом в феминизации профессии явилась Великая Отечественная война, после которой численный перевес утвердился за женщинами. Последующее течение времени нисколько не увеличило количество мужчин среди учителей, так как уровень жизни и средняя заработная плата учительского персонала была значительно ниже, чем в других профессиях. Именно поэтому мужчины, как основные кормильцы семьи, даже при получении преподавательской специализации предпочитали находить другой вид работы (чаще они шли работать в государственые органы: партию, милицию и др.).

Подводя итоги главы, следует отметить, что преподавательский корпус Костромской области существенно вырос с 1891 до 8526 учителей, т.е. на 78%. В эти же годы урбанизация и внутренние миграционные процессы привели к увеличению числа городских учителей: в 1991 году их удельный вес стал составлять 77%, против 23% в 1923 году.

Костромская область на протяжении всего советского периода оставалась моноэтничной и во все года численный пе-

ревес сохранялся за русскими. Тем не менее, среди учителей были представители других национальностей: украинцы, белорусы, татары, евреи, армяне, латыши, финны и др..

Изучение конфессионального аспекта показало, что большинство учителей, особенно среди мужчин, относили себя к атеистам. Идеология требовала от учителей активного распространения материалистических знаний среди населения. Вместе с тем, личные беседы с ветеранами показали, что полностью искоренить из сознания учителей приверженность к той или иной религии не удалось. Они по-прежнему совершали определенные религиозные обряды (крещение у христиан, обрезание у мусульман и пр.) и всячески скрывали подобные поступки, ввиду преследований властями проявлений религиозности.

Исследование гендерной ситуации в рассматриваемом регионе показало, что большинство учителей были женщинами (77%) уже в 1920-е годы. Окончательная феминизация профессии происходит в Великую Отечественную войну и послевоенные годы. Данный процесс в конечном итоге привел к ряду серьезных проблем в сфере образования: росту количества одиноких или разведенных учителей, падения их авторитета среди учеников, проявление неадекватного отношения к подчиненным со стороны руководителей мужского пола.

ЧАСТЬ II

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА МИРОВОЗЗРЕНИЕ И СИСТЕМУ ЦЕННОСТЕЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Школьный класс, 1949 год (Личный архив автора)

Глава 1

Власть и народное образование: меры идеологического воздействия на учителей

Педагоги в советское время считались не просто носителями знаний, которые следовало передать подрастающему поколению, но и проводниками коммунистической идеологии, на которых возлагалась ответственность за воспитание нового общества.

Существовавшая до революции система педагогического образования не устраивала новую власть ни в плане количества, ни содержания подготовки учителей. Именно поэтому в 1918 г. была изменена система педагогического образования в духовных учебных заведениях, закрыты гимназии, где были специальные педагогические классы, и предприняты первые шаги по созданию новых педагогических учебных заведений.

Осенью 1918 г. в Верхневолжских губерниях был получен циркуляр, которым отдел подготовки учителей Наркомпроса предписывал «всем уездным и губернским отделам народного образования приступить на местах к организации педагогических курсов всюду, где только это возможно, использовав усиленно для этой цели все наличные педагогические силы высших учебных заведений, педагогических и учительских институтов, учительских семинарий. Кредиты на курсы будут открываться без промедления» (ГАНИКО. Ф. 3215. Оп. 2. Д. 963: 5). Одновременно было разработано «Положение о временных годичных курсах для подготовки учителей для Единой Трудовой Школы».

Одновременно с выбором типов педагогических учебных заведений, шло определение целей и приоритетов нового педагогического образования. Общие установки были даны отделом подготовки учителей Наркомпроса, который в 1918 г. обращал особое внимание на то, чтобы «подготовка нового учителя не ограничивалась только научно-педагогической стороной и школьной практикой. «Надо готовить гармонически развитую личность для трудовой школы.

Учителям-белоручкам в трудовой школе не место. Нужны лица с определенной классовой подготовкой или вполне сложившимся социалистическим мировоззрением» (Отчет о состоянии 1920: 135). Эти требования стали основой работы по подготовке учителей на местах. «Учитель должен быть разносторонне образованным человеком с определенным социалистическим миросозерцанием» (Отчет Костромского Губернского исполкома 1920: 135). Таким образом, в 1918–1919 гг. были заложены основные принципы подготовки учителей, такие как классовый отбор будущих учителей, революционная идеологизация их образования и воспитания.

Это нашло отражение и в учебных планах, программах. Наиболее известной инновацией стал «лабораторный план» или «Дальтон-план», по названию г. Далтон (Массачусетс, США). Этот метод не отменял, как комплексных, так и традиционных предметов, но преображал их преподавание в школе. Каждому ученику предоставлялось право самостоятельно выбирать тот или иной предмет обучения, определять индивидуальный темп изучения дисциплины. Изучение того или иного предмета состояло из ряда контрактов на определенную работу, причем каждый контракт длился около месяца. Все уроки посвящались одной теме. Собственно уроками это трудно было назвать, поскольку традиционного расписания занятий, как и звонков, не было. Ученики выполняли задания (контракты) не в закрепленных за классом аудиториях, а в кабинетах (лабораториях), закрепленных за предметами. Учитель не читал лекций, а отвечал на вопросы учеников; старшие и более подготовленные школьники помогали отстающим товарищам.

Нововведением было и комплексное построение программ, которое полностью разрушало по предметную структуру прежних планов, а вместе с ней и принцип целостности, системности знаний (Панфилов 1989).

Хотелось бы привести пример частушек, которые характеризуют учительское отношение к нововведениям:

Кому не лень, все нас ругают,
Мечут молнии на нас…

Чтоб вас судорогой свело,
ВИК, инспектор, УОНО…

ГУС сосем мы третий год,
Комплексы планируем –
Два назад, а шаг вперед,
Кое-как лавируем...

(Цит. по: Лысяков 1927: 67, 68)

К 1921 г. произошло значительное пополнение учительского корпуса Верхневолжских губерний новыми кадрами. В 1920–1921 учебном году стаж работы от 1 года до 4 лет имели 6650 учителей школ I-ой ступени (49,2%) и 879 педагогов школ II-ой ступени (49,5%) (Народное образование 1920: 20–25). Главным образом, они являлись выпускниками различных педкурсов, также на учительскую работу брали и выпускников школ, не имевших педагогического образования и других лиц, никогда прежде в школах не преподававших.

Уровень образования и подготовки новых педагогов был неудовлетворительным. Специалисты не отвечали предъявляемым местными отделами народного образования требованиям, что стало следствием нехватки в учительских кадров и невыполнением, в полном объеме, распоряжения правительства о ликвидации неграмотности и всеобщем обучении населения. Таким образом, несмотря на идеологические эксперименты первых лет советской власти, полностью изменить учительский состав у революционной власти не получилось.

По данным исследователя А.Ю. Рожкова более 40% учителей, работавших в советских школах в середине 1920-х годов начали свою карьеру еще до революции 1917 года. Стремясь овладеть школой как важнейшим каналом формирования «нового человека», большевики принимают меры воздействия на формирование педагогического состава учебных заведений. Как отмечалось в докладной записке, подготовленной в 1925 г. ОГПУ для Сталина, «в отношении учительства... органам ОГПУ, несомненно, предстоит еще много и упорно работать» (Рожков 2002: 99–101). Секретный

циркуляр по ряду регионов страны от 7 августа 1925 года фактически объявил чистку и предписывал немедленно приступить к замене нелояльных к советской власти учителей школ выдвиженцами, окончившими педагогические вузы и техникумы, а также безработными педагогами. «Замену» учителей предписывалось проводить через особые «тройки» в совершенно секретном порядке. На каждого учителя конфиденциально составлялась характеристика. Сохранились несколько протоколов заседаний комиссии по «проверке» учителей Шахтинского округа с сентября по декабрь 1925 г. В результате из 61 подвергнувшегося проверке учителя 46 (75%) были сняты с работы, 8 (13%) – переведены в другую местность. Остальных было рекомендовано заменить или не использовать на данной работе. Показательно, что некоторые учителя, признанные политически неблагонадежными и негодными для педагогической деятельности, рекомендовались к переводу из школы на рудник. Приведем наиболее типичные постановления этой комиссии: «Д. – бывший белогвардейский офицер, эмигрант, лишен права голоса. Снять»; «З. – дочь попа, и до сего времени не порвала связь с духовенством, преподает обществоведение. Снять с работы обществоведа, допустив на специальные предметы»; «Е. – ... политически неблагонадежен, как бывший участник следственной комиссии при белых... как учитель, работник хороший. Снять»; «Б. – антисоветски настроена. Издевается над детьми пролетарского происхождения. Со старыми взглядами на школу. Снять»; «Н. – активно враждебно настроен к советской власти и компартии. Происходит из потомственных дворян. Развращает учащихся, бьет их. Ведет травлю коммунистов. Снять»; «Г. – как учитель удовлетворителен, но часто манкирует своими обязанностями Желательно перевести на рудник» (Там же).

Подобные случаи были и в Костромской губернии. Зачастую, как отмечается в воспоминаниях, были случаи беспричинного увольнения, перевода в другой район или даже город. Так чуть было не пострадала учительница М.А. Добровольская, которую, несмотря на все ее заслуги в конце 1920-х годов хотели уволить, считая политически неблагонадежной, однако местное сельское население встало на

защиту учительницы, благодаря чему ей удалось избежать наказания (ПМА 2009).

П.С. Варенцов вспоминает: «На преподавание истории в 1933 году к нам был прислан Дмитрий Николаевич Воробей, который был в ссылке, как "троцкист". Работал он добросовестно, обладая глубокими знаниями, но был репрессирован второй раз за "антисоветские высказывания". Выступая на одной из учительских конференций, сказал, что не все дети у нас могут хорошо учиться, тем более деревенские, которые многого не видят и не знают, как городские дети. Иван Николаевич Адельфинский, от профсоюза дал ему очень хорошую характеристику и за это едва не "погорел сам". Его вызвали в НКВД города Иваново, однако все обошлось для Ивана Николаевича Адельфинского, а вот Д.Н. Воробей был репрессирован» (Там же).

В 1930-е годы очень жестко отбирали учителей и на руководство школы, как отмечает П.С. Варенцов, за деятельностью директоров следили различные организации, от РОНО до профсоюза. Так директора Островской средней школы Екатерину Ивановну Воронову уволили из школы и сняли с должности, за то, что ее муж был репрессирован (Там же).

Большое внимание уделялось тому, чтобы среди учителей увеличивалось число членов партии, ведь именно на них должен был опираться советский режим. В условиях жесткого классового принципа приема в ряды ВКП(б) партийное руководство предоставило льготы в этой кампании сельским учителям, в отличие от других категорий служащих. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О приеме в партию сельских учителей» (1924 г.). Вместе с тем, постановление подчеркивало, что «ЦК считает возможным некоторое, небольшое количество учителей (1000 человек) принять при наличие поручителей с 3-летним сроком членства в партии», т.е. в облегченном режиме (Народное образование 1974: 447). В феврале следующего года было принято еще одно постановление ЦК ВКП(б) «О порядке приема учителей в партию», в котором облегчался прием в ряды партии сельских учителей, «происходящих из крестьян и не потерявших связь с крестьянской средой» (Там же: 449). Но несмотря на принятые меры, удельный вес учителей

коммунистов был низким, особенно на селе. Так по общим данным проведенной школьной переписи 1927 года видно, что беспартийные составляли основную массу педагогов (см.: табл. № 9) [Ефременко 1929: 99–100].

Таблица № 9

Партийная принадлежность учителей на 1927 г. (в процентах)

Губернии	Члены ВКП (б)	Члены ВЛКСМ	Беспартийные
РСФСР групповики	5,8	12,2	82,0
РСФСР предметники	14,1	8,9	77,0
Ярославская губерния Учителя I и II ст.	6,0	7,0	87,0
Сред. Волга (данные за 1927–1928 гг.)	4,0	8,0	88,0
Северный Кавказ	3,2	6,6	90,2

Таблица № 10

Школы Костромской губернии по количеству партийных учителей (человек)

Тип школ	ВКП (б)	ВЛКСМ	Члены союза рабпроса	Всего учителей
Школы I ступени	36	119	1279	1939
Школы II ступени	2	1	54	683
Школы семилетки	12	5	214	396
Школы девятилетки	5	2	116	356

Таблица 10 (окончание)

Тип школ	ВКП (б)	ВЛКСМ	Члены союза рабпроса	Всего учителей
Школа для дефективных	–	–	–	18
ШКРМ	12	9	44	65
Итого	67	136	1707	3457

Данные местной статистики говорят о том, что большинство партийных учителей было представлено в школах I ступени, так как большинство учителей этих школ получили образование уже при советской власти. Материалы таблицы показывают, что в 1926 году количество партийных учителей губернии от общего состава было 67 человек, что составляло 1,9%, членов ВЛКСМ – 136 (3,9%), а членов союза Работников просвещения – 1707 (49,4%), остальные учителя – 1550 (44,8%) не входили ни в какие организации. Таким образом, беспартийных работников просвещения было подавляющее большинство – 94,2%, что не могло удовлетворить партию (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 27. Д. 6: 112, 255).

В 1929 году среди учителей начальной школы РСФСР было 4,6% коммунистов и 8,7% комсомольцев, 28% педагогов являлись выходцами из дворян, духовенства и торговцев. Данные ОГПУ показывают, что в сельских школах учителя были более лояльны к советской власти, чем в крупных городах (Рожков 2002) .

Материалы обследования показали, что среди учителей был страх перед партией и ее политикой. Обвинения в антисоветской направленности были не всегда беспочвенными. Учительство находилось в крайне затруднительном материальном положении, а заработная плата в районах по-прежнему была в натуральных продуктах. С одной стороны, следовали директивные указание партии об общественной работе и проведении коллективизации. С другой – борьба и искоренение «кулаческих элементов» означало для учите-

лей голод. Об этом свидетельствуют и воспоминания учителей: «Вследствие задержки заработной платы учительство вынуждено обращаться к зажиточной части деревни за покупкой продуктов в кредит» (Ефременко 1929: 106).

Источники местных органов власти, профсоюзных, комсомольских комитетов конца 1920-х годов содержат факты антисоветской пропаганды со стороны отдельных учителей, выступающих против колхозного строительства, разделяющих эсеровские лозунги о земле и др. (ГАНИКО. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 19. Л. 13).

В тоже время активная поддержка и агитация за вступление в колхоз оборачивалось для учителей враждебностью со стороны зажиточных крестьян. «Учителям-общественникам бросают камни в окна, жгут учительский корм для скота, сараи, травят, преследуют, добиваются перевода, увольнений, расклеивают анонимки с призывом к убийству, покушаются, а иногда и убивают учителей» (Ефременко 1929: 101). Требования к учительству выдвигались, таким образом, довольно жесткие и высокие. Их выполнение было связано с немалыми трудностями для учителей, а в ряде случаев и с риском для жизни. Положение учителя на рубеже 1920–1930-х годов было противоречивым на селе. С одной стороны, его контролировали партийные органы, как проводника новых социалистических идей, в том числе и коллективизации. С другой, реальная зависимость от зажиточной части деревни напоминала учителям о возможных последствиях явной поддержки начинаний большевиков. Вместе с тем в реальности учителя не были равнодушны к идеям коллективизации, за что и подвергались нападению. Только во Владимирском округе было зарегистрировано в 1929 г. 30 террористических актов против учителей-активистов на почве обострения классовой борьбы в деревне, кулацких выступлений против колхозов (Малкова 2004).

Таким образом, партийно-советская власть при переходе к политике массовой коллективизации столкнулась с непростой дилеммой: с необходимостью привлечения широкой учительской массы, главной культурной силы села, к реформированию деревни и, в тоже время, колебаниями и неготовностью значительной части учительства стать активным и надежным помощником партийно-государствен-

ных органов в реализации курса на социалистическое переустройство сельского мира. В этой ситуации руководство большевиков сумело оценить ситуацию и выработать достаточно выверенную программу действий. Анализ материалов центральных и местных органов власти дает основание для вывода о том, что выработка программы привлечения учительства к колхозному и культурному строительству осуществлялась последовательно и целенаправленно. Наряду с декларативными заявлениями о доверии к учительской интеллигенции, органы власти тщательно изучали состояние дела, анализировали настроения, тенденции в педагогической среде, процесс ее дифференциации.

По мнению исследователей рубежа 1920–1930-х годов учителя-партийцы и комсомольцы, несмотря на свою малочисленность, не имели возможности завоевать влияние в методических ячейках, кружках, на районных конференциях, так как они были перегруженны сверх нормы партийными и комсомольскими обязанностями и вообще общественной работой. Кроме того, вследствие своей общественной перегрузки они отставали в производственной квалификации и тем самым руководящую роль уступали беспартийным (Ефременко 1929: 103–104). Основной формой общественной работы учительства является участие в проведении хозяйственных, политических и культурных кампаний, организуемых партией и советской властью в деревне.

Обращение к источникам показывает, что административный контроль над учителями осуществляли местные исполнительные комитеты, которые направляли в школы инспекторов. Главная задача этих чиновников заключалась в анализе и составлении подробного отчета о деятельности школы в целом и составлении характеристики на каждого учителя в отдельности. Особенно критике и несправедливой оценке в своей деятельности подвергались сельские учителя. Зачастую оценка инспектором преподавательской деятельности заканчивалась апелляцией к социальному происхождению учителя – «дочь попа, кулака» (ГАНИКО. Ф. 403. Оп. 2. Д. 1. Л. 6, 9).

Местные исполнительные комитеты и сельсоветы стремились выслужиться перед вышестоящими органами, и

только критиковали деятельность учителей, не оценивая реальные условия в которых они оказались. Учителям негде и не на что было купить книгу и даже газету, однако, они всегда должны были использовать новые методические рекомендации и совершенствовать педагогический процесс. По воспоминаниям учителей, многим не хватало опыта, практики, совета и времени, для грамотной организации плана урока (ПМА 2008, Желтов 1950; Григорьев 1928; Виноградов 1949). В свою очередь, деятельность инспекторов, направленных отделами РОНО, оценивалась местным учительством критически: «Инспектор не то лицо, которое нужно школе, а наоборот лицо нежелательное, умеющее только распекать. В процессе работы инспектора сложился своеобразный тип администратора, молниеносного обследователя, но не методического вожатого. Приехавший инспектор, за какой-то час обследовал все группы, вечером он организовал совещание педагогического коллектива, приглашая представителей от местных организаций, и начинал крыть. А затем… рик <Районный исполнительный комитет>, доклад, инспектора на президиуме и приказы об увольнениях и переводах. Так, например инспектор Яшин обследовал школу 10 дней, после чего он подготовил доклад. В этом докладе он одну учительницу обозвал "торговкой", другую критиковал за "развращающий метод в преподавании", однако наставлений и рекомендаций учителя так и не получили» (Юнкин 1929: 224).

Образ инспекторов в костромском районе тоже сложился неоднозначный. С одной стороны – это мудрые наставники (часто из представителей старой интеллигенции), с другой – люди которые резко критиковали, чаще в грубой и жесткой форме, не указывая реальных способов изменения данного положения вещей. Учителей в ходе различных проверок обвиняли в безыдейности, безынициативности, халатном отношении к делу внедрения в крестьянское сознание идей кооперации и коллективизации. Таким образом, на пассивного члена партии смотрели строже, чем на беспартийного учителя (ПМА 2008).

Акты Межевского отдела РОНО свидетельствуют о том, что проверки инспекторов выявляли иногда грубые нару-

шения со стороны учителей. Например, в Палкинской неполной средней школе (НСШ) было выявлено применение физической силы по отношению к ученикам со стороны учительницы, инспектор сделал строгий выговор, объяснил права и обязанности учительнице, а соответствующий пример «зачитали» во всех школах района. Кроме того, учителям рекомендовали делать письменные конспекты уроков, при помощи которых инспектором разбирались и анализировались ошибки. Учителям рекомендовалось завести свой «дневник учителя», в который бы они заносили свои личные замечания, а ошибки учитывали в дальнейшей деятельности (ГАНИКО. Ф. Р-403. Оп. 2. Д. 1. Л. 3).

Другой тип инспектора – надзирателя вызывал неприятное отношение и порой непонимание учителями их неконструктивной критики. Так в журнале «Народное просвещение» приводится пример диалога инспектора и учителя. На вопрос учителя, как исправить огромнейшие недочеты, когда нет чернил и бумаги, а ребята пишут на лоскутках? Инспектор Варавко ответил:

«– Способов много, педагог – прежде всего творец. Готовых рецептов, конечно, нет. Запишитесь на заочные курсы, я всем это советую сделать.

– Но ведь нет таких курсов, которые бы научили доставать бумагу и чернила.

– Ах, у вас нездоровый уклон» (Юнкин 1929: 224–225).

В результате, учителя обвинили в антисоветских высказываниях и был поставлен вопрос о его увольнении. Постепенно идеологическое воздействие смещается в сторону все большего вовлечения школьников и учителей в сельскохозяйственное производство, что сказывалось на качестве знаний отдельных предметов. Но любое напоминание об ущербности знаний школьников, в результате отвлечении их от учебы на нужды сельского хозяйства, встречало со стороны инспекторов административный отпор. Подобные случаи деятельности инспекторов сохранились в последующие годы советской власти. Так учитель Островской средней школы П.С. Варенцов вспоминает: «Неприятный разговор в учительской произошел в начале 1960-х годов. Из Москвы и из Костромы приехали две женщины-инспек-

тора проверять состояние физико-химических кабинетов в новой школе. Учительница математики А.М. Ляпунова спросила инспектора из Москвы: «Долго мы будем отрывать старшеклассников на уборку урожая? Ведь мы столько лет не додаем им знания!?» Инспектор приняла грозный вид, повышая тон, сказала: «Учитель всегда должен находить выход из положения!» А.М. Ляпунова только и сказала: «Разве за счет выходных и отпуска» (ПМА 2008).

В 1930-е годы учителя должны были обязательно участвовать в общественной работе, многие из них были лекторами, агитаторами, в том числе в избирательных кампаниях. По вечерам ходили в деревни за 3-4 километра. В деревнях тогда не то, чтобы радиоточек, но и газет было мало. Совместно с жителями села Семеновского учителя провели целый ряд воскресников по очистке улиц от навоза и мусора, базар был перенесен на другое, более удобное место, сажали деревья. Молодых учителей РОНО приглашал на выезд в качестве общественных инспекторов. Зимой ездили на лошадях, а летом ходили пешком. Так, «совместно с инспектором РОНО В.М. Сакаровым я побывал в Юрьевской и Заборской школе крестьянской молодежи, а весной ходил один в Радоницкую и Вихаревскую начальные школы». По указанию райкома партии в конце 1930-х годов в школе проводились митинги, на которых «клеймились враги народа». Не зная истинного положения, мы и верили, и сомневались в душе, но, конечно, молчали. Митинги проводил директор школы В.Э. Крейдтнер (как потом он сам отмечал «скрепя сердцем»). А отдельные беседы с учителями о текущей политике нередко проводил сотрудник военкомата» (ПМА 2008).

Таким образом, 1930-е годы явились тяжелым временем для советских учителей. Они оказались под гнетом идеологического диктата со стороны партии и в бесправном политическом положении перед местными исполнительными комитетами и инспекторами. Учитель не имел прав, слова и своего мнения, любое отклонение от установленной партией нормы, рассматривалось, как «нездоровый уклон» и такой педагог мог быть не только уволен, но и репрессирован.

С наступлением войны в 1941 году политическая нагрузка учителей возросла. 28 июня 1941 года издается циркуляр Ярославской обрасти: «Впредь учителям отпуска не давать, директоров средних школ и неполных средних школ немедленно возвращать из отпуска. В начальных школах, если заведующий живет при школе – запретить ему выезд, если он выехал из селения, вернуть его на работу или поручить и.о. заведующего учителю. Составить план практического участия учащихся в колхозах и в местной промышленности. Учителям срочно развернуть агитационно-массовую работу» (ГАНИКО. Ф. 472. Оп. 5. Д. 4. Л. 20). Всем школам рекомендовалось организовать работу учащихся на производстве в каникулы под руководством учителей (Там же). Перед учителями ставили множество задач, которые нужно было выполнять в кратчайшие сроки.

Несмотря на сложное положение в стране, задачи по распространению грамотности среди населения не снимались. 30 июля 1942 года вышло распоряжение СНК СССР «О вовлечение в школы всех детей школьного возраста», согласно новому декрету Совнаркомы всех республик должны были совместно с учителями и директорами школ организовать Всеобщее обязательное обучение детей. Кроме того, СНК обязывало проводить учебные занятия не только в две смены, но и, в исключительных случаях, в три смены (Народное образование 1974: 117).

В 1943 году постановлением СНК РСФСР была утверждена инструкция об организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет, которая предназначалась для реализации программы всеобщего обязательного обучения. Согласно этой инструкции за каждым учителем закреплялся участок города или села, где они должны были ежегодно составлять список детей и предоставлять его директорам для осуществления контроля и своевременным определением детей в школу (Там же: 118–119).

14 ноября 1943 г. Совнарком РСФСР утвердил положение о нагрудном значке «Отличник народного просвещения», который выдавался работникам просвещения «за отличное выполнение закона о всеобщем обязательном обучении, за образцовую постановку учебно-воспитательной

работы, постановку работы в политпросвет учреждениях, отличную организацию и проведение методической работы в школе, районе, городе, области, крае…» (Народное образование 1974: 117).

Значительное воспитательное воздействие на школьников оказывал личный пример педагогов и воспитателей. Он играл, по мнению большевиков, важнейшую роль в воспитании гражданских и патриотических чувств детей и подростков. В связи с этим педагоги находились под пристальным вниманием администрации школ, первичных и районных парторганизаций. Поведение и поступки учителей часто обсуждались на собраниях школ. Особое внимание уделялось идеологическим настроениям педагогов. Так на собрании парторганизации школы № 44 г. Ярославля, состоявшемся 4 февраля 1942 г. обсуждался вопрос об «высказывании антисоветских настроений» завучем Горшечниковым (Малхасян 2010: 76–77). На партсобрании в школе № 36 г. Ярославля, состоявшемся 1942 году обсуждался вопрос о поведении члена партии учительницы Барновой, которая неоднократно проявляла невыдержанность, высказывала недовольство по поводу снабжения, содействовала распространению слухов (Там же: 78).

«Школа – фактор огромного политического значения, но в условиях войны мы должны создать все условия и возможности, для нормальной работы школы, не требуя многого от государства. Учителя, комсомольцы, родители и сами учащиеся, вся общественность – вот сила, которая должна решить дело подготовки школ к зиме, вот кто обязан помочь детям района и детям эвакуированных из прифронтовой полосы» (ГАНИКО. Ф. 472, Оп. 5. Д. 4. Л. 42), указывалось в постановлениях районных отделов народного образования. Конечно, помощь от общественности была, но основная нагрузка ложилась на плечи педагогического коллектива. Так как родители и учащиеся в каникулы и свободное время были заняты на производстве, кроме того многие выматывались так, что «спали в одежде, сил не было ни на что», учителя самостоятельно должны были организовать: воскресники, утепление школ, заготовку дров, ремонт и изготовление школьного инвентаря, строительство бомбоубежищ, свето-

маскировочных сооружений, проводить санитарную обработку помещений (Малхасян 2011: 76–78).

Учителям также надо было организовать обязательную политико-просветительную работу в сельской местности среди колхозников путем чтения докладов, а лучше бесед на различные политико-просветительные темы («О значении плана сева в условиях военного времени», «О социалистическом соревновании», «О роли женщины – колхозницы в укреплении хозяйственной мощи СССР»). В их обязанности входило устройство наглядной агитации: организация выставок, витрин, Красных уголков, проведение регулярных чтений, организация агротехнических кружков, стахановских школ, массовые просмотры фильмов ориентированных на агротехнические темы (ГАНИКО. Ф. 472, Оп. 5. Д. 4. Л. 44). Помимо этого, учителя должны были представить письменный отчет, о проделанной работе в РОНО. В условиях военного времени за соблюдением графика работы устраивалось жесткое наблюдение со стороны администрации школы, за опоздание на 15 минут делался строгий выговор, более длительное отсутствие рассматривалось, как «предательство и срыв в деле народного образования». Подобные случаи рассматривались в Народных судах (ГАНИКО. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 15. Л. 14–15).

Таким образом, в военное время руководство учителями со стороны партии было усилено. Педагогам постоянно приходило работать сверх нормы, за счет сна и отдыха. Несмотря ни на что, усилиями костромских учителей в области была вовремя реализована программа партии по организации всеобщего обучения детей. Некоторым учителям для организации этого предприятия приходилось заниматься на дому с учениками в свободное время, иначе ответственность за срыв правительственного плана была очень строгой, вплоть до уголовной. Учительнице Махровской неполной средней школы Буйского района Костромской области В.Н. Вороновой было предложено заниматься с 15 октября 1944 года на дому с учениками, которые не могут посещать школ из-за отсутствия одежды и обуви. «Несмотря на неоднократные напоминания, Воронова до этого времени так и не приступила к занятиям, – указывалось в

распоряжении руководства РОНО. – Приказываю Вороновой с сегодняшнего дня начать занятия, иначе ответственность за срыв программы Всеобуча будет возложен целиком только на нее» (ГАНИКО. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 15. Л. 13).

В трудные послевоенные годы учащиеся вместе с учителями разъезжались по колхозам района, на уборку урожая. Работали до тех пор, пока не замерзала земля. И только на выходные приезжали домой. Жили в неблагоприятных условиях. Следует сказать, что такое несправедливое отношение сохранялось до 1970-х годов: «Нас ругали за неуспеваемость, но в кулуарах, в неофициальной обстановке, говорили, что учителя на селе самые большие труженики, не сравнить их с городскими. Система оценки того времени складывалась из результатов успеваемости учеников. А ведь состав учеников, особенно в деревне был очень пестрый, к тому же стали различать и учеников с отсталым развитием, которые требовали к себе особого подхода. А какая бы работа с ними не велась, судили о ней из общей успеваемости учеников, т.е. по процентам» (ПМА 2008).

За деятельностью всех школ следили местные РОНО, они контролировали и успеваемость учеников, и работу учителей. Если школа отставала, то директора или заведующего школой не только вызывали на «ковер», но и рассматривали положение отстающей школы на районных конференциях. Так, учителей с самой низкой успеваемостью, ставили под контроль и обязывали их заниматься с отстающими учениками дополнительно в присутствии завуча или директора школы. Если ситуация не улучшалась, то директора могли снять с должности руководителя школы.

XIX съезд КПСС в 1952 году в новом пятилетнем плане постановил завершить к 1957 году переход от семилетнего образования на всеобщее среднее образование (десятилетка). В 1958 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», на основе которого вместо всеобщего обязательного 7-летнего образования было введено всеобщее обязательное 8-летнее образование; данный процесс завершился повсеместно в 1962 году.

Народное образование должно было строиться на прин-

ципах доступности и тесной связи с производством «среднее образование должно обеспечивать прочное знание основ наук, усвоение принципов коммунистического мировоззрения, трудовую и политехническую подготовку в соответствии с возрастающим уровнем развития науки и техники, с учетом потребностей общества, способностей и желаний учащихся, а также нравственное, эстетическое и физическое воспитание здорового подрастающего поколения» (XXII съезд коммунистической партии 1962: 320). Кроме того, особое внимание уделялось общественной работе и ее увеличению в деле воспитания нового человека. Школа была призвана прививать детям любовь к труду, к знаниям, формировать молодое поколение в духе коммунистической сознательности и нравственности. «Во всем этом высокая, почетная и ответственная роль принадлежит народному учителю, а также комсомольской и пионерской организациям» (Там же). Таким образом, к 1960-м годам идеологического влияние и нагрузка учителей не снижается, а наоборот увеличивается.

В Костроме с конца 1940-х до 1991-х годов существовал «Дом политпросвещения» при обкоме КПСС, в котором обучали и подготавливали агитаторов, в том числе обучение проходили и учителя. Как вспоминает директор восьмилетней Боровской школы Пыщугского района А.Н. Шистеров: «Нас учили общению с аудиторией, поднимали злободневные международные вопросы, снабжали необходимыми материалами. В 1977 году я руководил семинаром "Актуальные проблемы теории и политики партии в свете решений XXV съезда КПСС". Занятия проходили регулярно, организованно, использовалась наглядная агитация и технические средства. Глубокое изучение материалов позволяло учителям школы строить уроки на высоком идейно-политическом уровне. А в свою очередь это способствовало повышению успеваемости и укреплению дисциплины среди школьников» (ПМА 2010). Дом работников просвещения также организовывал большую работу по распространению политических и научных знаний среди учителей. В дни революционных праздников и юбилейных дат проводились вечера для работников областного отдела народного образования, обкома союза, института усовершенствова-

ния учителей, посещение их было обязательным, особенно для учителей. На торжественных заседаниях ставились политические доклады. При Доме работников просвещения был организован агитпункт, который регулярно устраивал лекции и доклады на политические темы, вечера вопросов и ответов, выставки (ГАКО. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 23. Л. 114).

Одновременно с этим работал и «Союз работников просвещения», основной целью которого было: «поднятие качества учебно-воспитательной работы школ города, повышение идейно-политического уровня членов профсоюза и проведение в жизнь трудового законодательства» (Там же: 129–130). Ежегодно союзом устраивались методические конференции, где проводились большие выставки по каждой предметной секции. Например, преподаватель истории В.Н. Благов, провел с учениками интересную работу по истории революционного движения Костромы. Они достали экземпляры газеты 1903–1905 гг. «Текстильщик», листовки тех лет, распространяемые революционными рабочими фабрик Кашина и Зотова. У каждой предметной секции был свой девиз, например, девиз клуба «Кругозор» – «Знания нужны в жизни, как винтовка в бою!». Руководитель секции должен был составить отчет, некоторые привлекали и кинофильмы. «Так, не выходя из одного кабинета, мы побывали на старинных улицах Костромы, операх "Евгений Онегин", "Пиковая Дама", "Дубровский" и "Молодая гвардия"» (Там же: 133).

В 1970 году отмечалось 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. Школы должны были выдвинуть и выполнить социальные обязательства. Был также объявлен конкурс на лучшую подготовку к юбилейному празднику и организована проверка работы школ. В результате проделанной работы, руководство провело расширенный пленум Горкома профсоюза работников просвещения Костромы, а также учительские конференции. В центре внимания горкома Союза находилось состояние политического образования членов профсоюза. Со стороны руководителей культмассовых комиссий был установлен контроль посещаемости политических кружков, семинаров и университета марксизма-ленинизма. Самым неприятным для многих учителей Костромской области были проверочные комиссии, «особенно по линии РОНО, они были скорее

карательными, чем проверочными». Среди жалоб учителей на инспекторов отмечалось высокомерие, недоброжелательность, стремление найти лишь недочеты и опустить положительные моменты. Попытки учителей выразить собственное мнение или возразить пресекались. «Учитель мог попасть в черный список, после таких комиссий учителя месяцами приходили в себя» (ПМА 2010).

Но политическое влияние партии в 1980-е годы постепенно снижается. Так в агитационной кампании 1986 г. по организации выборов в местные Советы депутатов участвовало 1500 учителей области, из 8000 чел. (Северная правда 1986). Однако, по-прежнему много учителей вступало в комсомол, партию и профессиональные союзы. Контроль со стороны партии, администрации школ, РОНО, ОБЛОНО и контроль за деятельностью учителей со стороны партии сохранялся до распада СССР.

Подводя итоги раздела, хотелось бы сказать, что политическое и идеологическое воздействие на учительство в годы советской власти было сильным. В течение всего советского периода учителя были проводниками официальной идеологии, они должны были основывать свою методику на идеях марксизма и ленинизма. Особенно тяжелым был период, начиная с коллективизации и индустриализации страны, когда учителям приходилось совмещать по 2-3 должности, выполнять общественные поручения. Педагоги находились в постоянном стрессе во время «проверок и чисток», которые организовывались партийными органами. Еще одним из направлений политики советского правительства в отношении формирования новой учительской интеллигенции была классовая направленность, а личные дела учителей обязательно включали автобиографию. В ней они должны были описать в первую очередь свое социальное происхождение и условия жизни в детстве. Эта практика сохраняется до 1950-х годов Период «оттепели» стал рубежом. В это время происходит смягчение политики партии в отношении социального происхождения учителей. Тем не менее, в 1950-е и последующие годы влияние идеологии, уровень общественных поручений не снижается до конца советской эпохи.

Глава 2

Общественная работа как характерная черта повседневности советского учителя

Важной составляющей обязанностей советского учителя была общественная работа. Она занимала особое место в деятельности каждого педагога. Работников народного просвещения лидеры большевиков с первых дней советской власти призывали к преодолению узких рамок учительской деятельности, считали важнейшим направлением новой педагогики – «связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества» (Ленин ПСР: 420). Выстроенная из центра вертикаль власти правящей партии: ЦК – Обком – Райком ВКП (б) – КПСС – низовые (первичные) парторганизации, для работы с населением опирались на идеологический актив, в состав которого входили и учителя. Поэтому общественные поручения строились на основе партийных указаний, а учителя должны были распространять и объяснять суть новых идей населению в целом. В основе были идеи коммунизма (может быть и расплывчатые, не вполне понятные самим учителям), материалистического (в противовес религиозному) мировоззрения, интернационализма в смысле равноправия наций и народностей. Особое внимание в выполнении общественных поручений уделялось идеологическим кампаниям, вытекавшим из ключевых направлений строительства социализма (коммунизма). В 1920–1930-е годы – это реализация курса на индустриализацию, коллективизацию российской деревни, культурное строительство и др. В годы Великой Отечественной войны – активное противодействие идеологии нацизма, организация выборов, проведение внеклассных мероприятий не только с учениками, но и с их родителями. Все эти и многие другие общественные обязанности

учителя должны были организовывать в свободное от уроков время, то есть жертвовать своим отдыхом, личной жизнью или подготовкой к урокам.

Однако содержание и форма общественных обязанностей, а также отношение учителей к общественной работе постепенно изменялись. В данном разделе автор хотел проследить происходившие основные изменения в этой части повседневной жизни учителей.

В 1920-е годы идет активное привлечение учителей к общественной деятельности. Одной из форм стало вовлечение массы учителей в профсоюзы. По воспоминаниям костромской учительницы О.П. Аристовой, педагогам на собраниях Союза Работников Просвещения вручили первые профсоюзные билеты: небольшие белые листочки, отпечатанные типографским способом, где указывалась дата вступления в профсоюз. По возвращении в сельсовет каждого учителя ждали подарки: чай, сахар, головной красный платочек (ГАКО. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 23. Л. 15). Вступление в Профсоюз накладывало на учителей общественные поручения по решению всеобъемлющей для того времени задачи – «борьба с темнотой и неграмотностью». Учителя искали новые методические приемы пропаганды и больше уделяли внимание политической учебе. Для этого, например костромской учитель А.В. Суворов – один из заслуженных работников союза – учил читать молодых учителей газеты и привлекал к политической информации (Там же). Другой заслуженный педагог Юлия Васильевна Сахарова к началу двадцатых годов организовала в Костроме клуб «Друг детей». Все члены клуба состояли в хоре и выступали перед населением района. В нем были поставлены оперы «Майская ночь», «Русалка» с использованием костюмов и декораций. В клубе также существовали кружки по труду: для девочек преподавали домоводство и кулинарию, а у мальчиков развивали столярные и плотницкие навыки (Там же: 16–17). Источники дают примеры энтузиазма учителей того времени: «И откуда брались силы? В 2 смены учиться, не пропускать собраний, ходить на завод, в производственно-технические школы, иметь свою семью, а также уделять время на проверку тетрадей и подготовку к урокам» (ГАКО. Ф. Р.-550. Оп. 1. Д. 23. Л. 25–26.).

В начале 1920-х годов общественные поручения были следующими:

- сбор членских взносов – партийных, комсомольских, профсоюзных;
- организация агитационных кампаний на выборах в Советы депутатов трудящихся;
- распространение государственных займов;
- участие в ликвидации неграмотности населения.

Сбор членских взносов был очень обременителен, так как бюджет учителя был скромным. Но, несмотря на эти трудности, учителя их сдавали охотно и регулярно. Деньги шли по нескольким направлениям: в помощь пострадавшим от несчастных случаев, подарки новорожденным, коллективные выходы в театр и кино, экскурсии в Москву, Горький (ныне Нижний Новгород), на постановку семейных вечеров в красные дни календаря (Там же: 27–29).

Определенная часть средств учителей: 1 руб. 34 коп. (3,13%) из бюджета в 43 рубля тратилась на партийные и общественные нужды, что свидетельствовало о деятельном участии учителей в общественно - политической жизни страны. Для сравнения на культурно-просветительные нужды тратилось 83 копейки, а хозяйственные потребности 2 копейки (Гельман 1926: 4).

Активная общественная работа устраивалась и в районах губернии. Так по данным газеты «Смена», за 1928 год идет пропаганда организации «Вечеров самодеятельности», «Культурных огоньков», «Кооперативного просвещения». Так, в Буйском уезде при Цикалевской избе-читальне удалось организовать кооперативный кружок, который давал разъяснения крестьянам о пользе кооперативного строительства. В Красном уголке села Нероново проводилось чтение газет и культурные беседы о правильном уходе за будущим урожаем, хлебозаготовках, перевыборах советов, антирелигиозная пропаганда, распространение займов и др.. Все материалы говорят о том, что в активной общественной работе принимало участие большинство сельского учительства (до 70%).

Во всесоюзной школьной переписи 1927 г. отмечается: «Загрузка общественной работой сельского учителя в этом

году достигает во многих случаях того, что не остается ни одного вечера в неделю даже для подготовки к урокам. Наблюдаются случаи пропуска занятий в школе вследствие отвлечения общественной работой. Имеются сведения, что в связи с чрезмерной загрузкой учителей общественной работой начинает понижаться и без того невысокое качество учебной работы» (Всесоюзная школьная перепись 1930: IX–X). Учительница с. Бычиха, Костромской уезда О.В. Груздева имела 7 дополнительных общественных нагрузок: член сельсовета, райместкома, руководила кружком рукоделия, вела ликпункт, работала по продналогу и т.д. (ГАКО Ф. Р-550: 2–3).

Сельская учительница Костромского района – М.А. Добровольская, проработавшая 42 года в школе, вспоминает о 1920-х годах, что количество учеников в одном классе достигало 90 человек, но неутомимость позволяла ей организовывать и внешкольную работу. К ее заслугам можно отнести организацию библиотеки, читальни, проведение народных чтений для крестьян, а летом ей удалнось организовывать детские ясли. Другой учитель – А.Н. Рождественский – в 1920-е годы организовал кружок любителей естествознания. Он был также лектором на учительских курсах в народном доме, лазаретах и красноармейских клубах в течение 2-х лет, издал целый ряд трудов по географии и естествознанию, которые способствовали развитию знаний о естественных науках среди населения. Сельский учитель А.И. Блохин был активным общественным работником, помогал крестьянам не только в обучении, но и в создании кооператива.

В 1919 году в связи с саботажем рабочих учительниц Е.К. Беляшину и Е.В. Наградову привлекли в инструкторский отдел народного образования. Они были направлены на предприятия Костромы, где произошла стачка рабочих, для проведения разъяснительной работы (Там же: 5–6).

В 1929 году – Костромская губерния была преобразована в округ в составе Ивановской промышленной области. Работая в окружном правлении Союза работников просвещения, учителям часто приходилось выезжать в районы на перевыборы низовых профорганов во всякую погоду,

по бездорожью, да еще в поисках транспорта: «вьюжная дорога до Сусанино: 6 км бежали за санями, ехали еще 6 км, а потом снова бежали, ночевали в прокуренной чайной, где было ужасно холодно, чуть свет снова в путь, да путь в 60 км был мучительным, но жаловаться нельзя нам, надо работать! Нагрузка была очень большой!» (Там же: 27)

В 1930-е годы кино было новинкой, в деревню приезжал перевозной синематограф (передвижка), и подобного рода представления пользовались большим успехом у крестьян. Пользуясь случаем учителя перед началом сеанса проводили политическую агитацию, например, читали доклады на тему «Религия и быт», «Что такое церковь и государство?», а после устраивали просмотр фильмов, при этом чаще всего, по воспоминаниям, указывался фильм «Девятый вал» (Смена 1928. № 6).

В те же годы учителям приходилось организовывать общественную работу по культурной перестройке сельского хозяйства. Так в деревнях устраивали опытно показательное кормление скота, в кружках активно выступали ученики с докладами «Многополье», «Семенные фонды» (Смена 1928. № 7).

В источниках упоминается о том, что и в рабочей, и в крестьянской молодежной среде не было желания после работы просто ходить на партийные и комсомольские кружки и «глотать там одни параграфы и бумажные шпаргалки» (Смена 1927. № 2), а хотелось развлечений. В те места, где помимо лекций организовывались пения и танцы под гармошку, была возможность узнать интересные новости и в перерыв прочитать газету, молодежь шла более охотно (Там же).

Вовлеченная в общественную жизнь, деревенская молодежь все чаще ставила вопросы о необходимости организовать кружки с определенным занятием. Так в деревне Палкино был организован кружок «Кройки и шитья», именно поэтому в Палкино было много желающих вступить в комсомол. Сохранились крестьянские отзывы о деятельности комсомольских ячеек, организованных учителями: «На кой чорт нам на комсомольские собрания ходить. У нас нет ни времени, ни желания, а вот организация различных ремесленных кружков – это их важнейшая задача» (Цит. по источнику: Смена 1927. № 2).

В почете у крестьян были и различные культурные представления и концерты. В деревне Погост-Барский А. Капустина, местная комсомолка-учительница, развернула большую культурную работу. Она организовывала постановки школьных спектаклей, сельскохозяйственный кружок, с ее помощью был открыт Красный уголок, где проходили громкие читки газет.

Таким образом, кроме основной педагогической нагрузки идет активное привлечение учителей к общественной деятельности: работе в клубах по ликвидации неграмотности, организации красных уголков и изб-читален, постановке спектаклей, выпуске стенгазет и др. В 1920-е годы создаются профсоюзы учителей, работа в которых также становится одной из обязанностей педагогов (Всесоюзная школьная перепись 1930: XXVI–XXVII).

Учителя в городе были менее активными, нежели чем на селе, они принимали участие только в кампаниях культурного, экономического и политического характера. В городе удельный вес учителей, участвующих в общественной деятельности достигал 40%, тогда как в деревне этот показатель поднимается до 53%. При изучении общественной активности важно также и такое значение, как объем исполняемой работы учителями. Оказывается, что из всего числа педагогов-активистов – 52% занимали по одной бесплатной должности (поручение), до 27% – по две должности и остальные 21% нагружены более чем тремя должностями каждый.

Таблица № 11[11]

Удельный вес активистов-общественников среди учителей по СССР

Категория учителей	**Количество активистов (в %)**
Городские учителя групповики	41

[11] Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 года. Т. 1. Часть III. М., 1930. С. XXVI–XXVII.

Таблица 11 (окончание)

Категория учителей	Количество активистов (в %)
Городские учителя предметники	40
Сельские учителя групповики	52
Сельские учителя предметники	56

Меньшая активность городского учительства объяснялась тем, что городские учителя несли бóльшую педагогическую нагрузку в школе, так как там не хватало специалистов, а также из-за низкой заработной платы многие учителя были вынуждены работать на несколько ставок.

Из 315 тысяч учителей в школах социального воспитания СССР 14% занимали две и более должности, при этом для городского учительства этот показатель поднимался до 20%, а у сельского снижается до 6% (Всесоюзная школьная перепись 1930: XXVI–XXVII). Нагрузка по совместительству была далеко не одинакова у различных учительских групп. Имеющих три и более должностей среди учителей городской школы насчитывается до 21% от общего числа совместителей, среди учителей городской начальной школы до 17%, тогда как у учителей сельской повышенной школы оказывается только 6%, а у сельского учителя начальной школы только 3% и причем в последнем случае совмещаются не преподавательские должности, а работа или в политпросветительных учреждениях или в советских государственных органах.

Таким образом, к концу 1920-х годов, до 20% городского учительства привлекается к работе в нескольких школах, что определенно свидетельствует о нехватке учителей для обслуживания наличного числа школ и учащихся и низком материальном положении учителей всех групп.

В 1930-е годы усиливается внимание политическому просвещению учителей и учеников, в каждой школе были организованы кружки по изучению материалов

партийных съездов и других вопросов политики, читке газет и беседы с обслуживающим персоналом.

В 1935 году в связи с возникновением Стахановского движения были организованы социалистические соревнования между школами. Городской комитет знакомился с обязательствами, взятыми школами и проверял их выполнение, давал основные установки, чтобы отдельные учителя брали свои личные обязательства: стопроцентная успеваемость и посещаемость учащихся, проведение агитационно-массовой работы в больших объемах и т.д. Ударники-стахановцы (учительницы и учителя) на общем городском профессиональном собрании награждались денежными премиями, грамотами и подарками (ГАНИКО. Ф. Р-403. Оп. 2. Д. 54. Л. 1–2).

Среди сельских школ были распространены случаи шефства над новоорганизованными колхозами. Была организована помощь в выращивании и уборке урожая, учителя заботились о маленьких детях колхозников и специально для этого учреждали ясли. Получает распространение изготовления учебного оборудования, а также другой мебели, в связи с нехваткой ее в стране. Собираясь после уроков, учительницы плели сетки для детских кроваток, мастерили скамеечки и столики в школьной мастерской. И к концу 1937 года при средней школе № 3 был отрыт первый «Детский комбинат» в области и районе (ГАКО. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 23. Л. 16).

Общественная работа в 1920–1930-е годы занимала фактически все свободное время учителей. Такая активная деятельность отражалась на качестве преподавательского труда, особенно в сельской местности. Учителя вовлекались в идеологические кампании по программе ликвидации неграмотности, распространения в годы НЭПа идей продналога, а также в последующие годы идеи кооперации и коллективизации. Вместе с тем, в начале 1930-х годов представители правящей партии на местах нарушали принцип добровольности, прибегая к запугиванию, административным мерам и принуждали сельских учителей к участию в хлебозаготовках и других мероприятиях большевиков.

В течение Великой Отечественной войны количество и уровень общественной нагрузки на учителей еще более увеличился. Общественная работа фактически становиться производственной (ГАКО. Ф. Р.-550. Оп. 1. Д. 23. Л. 20). Летом 1942 года, учителя отказались от отпусков. В районе в то время происходила большая работа по заготовке топлива для города. Учителя работали вместе со своими учениками, организовывая бригады. Одни работали на выкатке леса из Волги. Другие распиливали его на берегу. Эта работа продолжалась до зимы. Школьные бригады отправлялись в леса на заготовку дров. Пилили деревья, выкорчевывали пни и разделывали их самостоятельно (Там же: 97).

В 1943 году заготовка дров была организована на расстоянии 15–17 км от города, учителя уезжали на 10 дней, оставляя семью на самообслуживание, перекладывая обязанности на старших детей, либо пожилых родителей, а иногда и соседей. На деревянных тачках им приходилось вывозить дрова к железной дороге. Это была тяжелая и изнурительная работа. Как вспоминала учительница А.А. Бушковская «Утром и вечером в лесу холодно и сыро. Днем душно: комары, мухи кусаются, из-за чего появляются расчесы. Спина горит от пота, мучает жажда, а пить много нельзя» (Там же 97, 100). За такую тяжелую работу получали хлебную норму и иногда выдавали мыло. Зимой учителя грузили дрова на вагоны, выезжая к местам заготовки, а в городе разгружали их на «вертушке», приходилось работать и по ночам, а утром шли работать в школу (Там же: 97, 100).

Другая учительница Т.В. Птицина – ветеран педагогического труда – вела дневник во времена Великой Отечественной войны, который теперь хранится в Государственном архиве Костромской области. 23 апреля 1943 года она была включена в рабочую бригаду по заготовке дров для военного госпиталя. Как отмечает учительница, сложной была проблема в предоставлении рабочим бригадам обмундирования, но «начальство госпиталя быстро разрешила эту проблему: списанное после носки ранеными солдатами имущество, было дано нам. Мы по-

лучили: пару кальсон с рубашками, пару зимнего теплого белья, портянки, рукавицы и керзовые сапоги, в запас дали еще и резиновые. Хуже дело было с сапогами – у меня размер 34, а дали 42» (ГАКО. Ф. Р.-551. Оп. 1. Д. 39. Л. 140). Подобные бригады составлялись по принципу «Восемь девок, один я», таким образом, возглавлял женскую бригаду один из мужчин, как правило, солдат, имевший легкое ранение. Жили такие бригады в землянках, которые сами и строили. Подъем был в шесть утра, норма заготовок была по 3,5 кубометра леса на человека в день (в целом выходило по 13 кубометров на бригаду), работали, пока не сядет солнце, в три смены, ночью грузили дрова на машину, а затем – в вагоны. «В наши обязанности входило заготовка чурок для машины, очистка делянки от мусора… За все это время одежда наша пришла в такую негодность, что смотреть на себя было смешно и грустно… Хуже дело было с сапогами: худые, огромные и вечно мокрые, они очень сильно затрудняли передвижение по болоту» (Там же: 143). Продовольствие таким бригадам поставляли с перебоями, летом с едой стало лучше – выручал лес, так как лето и осень 1943 года были грибными (Там же: 156).

С весны до осени 1944 года были созданы дополнительные бригады для помощи колхозам и совхозам. Они сортировали семена, пропалывали поля, убирали урожай. Группа учителей города Костромы после уроков ходила на фанерный завод делать минометные ящики (ГАКО. Ф. Р.-551. Оп. 1. Д. 23. Л. 103).

Таким образом, в годы войны вместо общественной работы учителя активно вовлекались в производство: на работы по заготовлению дров, древесины, уборке урожая и т.д. вместе с учениками, либо в составе бригад.

В послевоенные и особенно в 1950-е годы в виду роста членов партии, укрепления таких общественных организаций в школах, как пионерия и комсомол, количество общественной нагрузки на учителей существо снижается. Тем не менее, школа остается важнейшим плацдармом в деле воспитания нового поколения, а учителя наиболее авторитетными людьми, как в городе, так

и деревне. Данное положение было вызвано также и тем, что после смерти Сталина начинается новый период в истории СССР, именуемый историками «оттепелью».

Обязательным пунктом общественных обязанностей учителей была агитаторская деятельность, т.к. в каждой школе был свой избирательный участок. В соответствии с этим между учителями происходило деление на свои микро-участки, каждому учителю давали под руководство 2-3 многоквартирных дома, на селе ввиду не хватки учителей давали целые улицы или кварталы. В ходе этой работы, учителя должны были обойти всех жильцов, переписать их, потом проводить еженедельные собрания – лекции с избирателями. На таких собраниях обсуждалась политика партии, международное положение, новые законы. От руки заполняли пригласительные билеты на выборы каждому избирателю. В воскресение в день выборов, каждый учитель должен был присутствовать до тех пор, пока все жители из «его дома» не проголосуют. Как вспоминает учительница 15 школы г. Костромы: «Приходилось идти по домам, уговаривать, чтобы пришли и проголосовали, а многие были уже пьяными и идти не хотели, так и сидели до вечера в школе, а потом получали выговор. Но подобные инциденты случались редко» (ПМА 2008).

Обязательно педагоги работали на пришкольных участках, организовывали вечера, рисовали стенгазеты, участвовали в сборе макулатуры и металлолома, но все эти поручения уже были связаны с классным руководством. Каждый год ездили на уборку урожая в колхозы, целый месяц приходилось жить в деревнях и работать в поле. В колхозах вечерами на общих собраниях выступали с различными докладами «Будешь упорно трудится, будет хлеб в закромах водиться», «В бога верит тот, кто не верит в себя», «Гроза и другие грозные явления в природе», «Человек во всем должен быть красив», «Мы имеем все возможности догнать Америку» – и многие другие (Агитатор 1957 № 22: 48–49).

В деревне все культурные развлечения состояли из избы-читальни и кинопередвижки. Вечерами учили де-

ревенскую молодежь и сами «варились» в их среде на сельских посиделках.

Общественно-полезной работе вне школы в 1960–1970-е годы продолжало уделяться много внимания. Школа отвечала за поведение детей на улице, в общественных местах, в семье, за организацию всего свободного времени учеников, за политическое, нравственное воспитание, за их жизнь и здоровье вне стен школы. Каждый учитель имел постоянные или краткосрочные общественные поручения. В сельской местности учительский коллектив являлся главной опорой администраций деревень и поселков.

Все учителя были пропагандистами и агитаторами, принимали участие в народных собраниях по решению социальных проблем поселков или небольших городов области, таких как Буй, Нея, Мантурово. Учителя присутствовали на заседаниях опорных пунктов милиции по борьбе с правонарушениями, были «ходоками в народ» (ПМА 2008).

Александр Николаевич Шистеров, учитель школы с. Георгиевское: «Сам я был пропагандистом в колхозе «Рассвет». По договоренности с администрацией колхоза готовил с их помощью выступления для колхозников как политического, так и хозяйственного плана. Использовал конкретный текущий материал жизни деревни, района и всей страны. В Доме политпросвещения в Костроме на специальных курсах нас, пропагандистов, учили общению с аудиторией, поднимали злободневные международные вопросы, снабжали необходимыми для работы материалами. «В 1977 году я руководил семинаром "Актуальные проблемы теории и политики партии в свете решений 25-го съезда КПСС". Занятия проходили регулярно и организованно, использовались наглядная агитация и технические средства. Глубокое изучение материалов съезда помогало учителям школы строить уроки на высоком идейно-политическом уровне. А это в свою очередь способствовало повышению успеваемости и укреплению дисциплины среди школьников. Наше время – молодость 1950–1960-е годы – без пионерии и

комсомола представить невозможно. Эти общественные организации были нашей жизнью. Бесконечный поток познавательных и развивающих мероприятий заполнял внеурочное время. Выпуск стенгазет и подготовка концертных программ ко всем праздничным датам, ежегодная военнизированная игра "Зарница", смотр строя и песни к 23-му февраля, лыжные вылазки в лес – все это требовало самоотдачи, а не подсчета времени, как бы не переработать. Легко в работе никогда не было, но был внутренний комфорт и радостный настрой. Для школы это особенно важно» (ПМА 2007).

Педагоги помогали каждому ребенку поверить в свои возможности, боролись за успех в учении, воспитывали в подрастающем поколении чувства ответственности и самостоятельности. Таким образом, можно наблюдать начиная с середины 1950-х годов переход общественной деятельности от административно-принудительной к добровольно-принудительной системе вовлечения учителей, к более равномерной и планомерной общественной работе. Смещается и центр тяжести с хозяйственных дел в сторону активной работы с подрастающим поколением, особенно в городах: по сбору макулатуры, подготовка к службе в армии, либо приобретение необходимых хозяйственных навыков (профессий). Вместе с тем, все это не исключало призывы и напоминания со стороны партийных организаций к «революционной бдительности», борьбе с частнособственническими пережитками, мещанскими настроениями. Однако в 1980-е годы по мере нарастания дефицитов, эти кампании все более приобретали декларативный характер и мало кого убеждали, да и сами учителя стали воспринимать их как обузу.

Общественная работа учителей в советский период истории России являлась продолжением их должностных обязанностей. Активное участие в ликвидации неграмотности, распространении новых форм хозяйствования и культуры стали неотъемлемой частью повседневности учителей в городах и сельской местности. Вместе с тем, с повышением активности в 1950–1960-е годы в школах, детских и молодежных организаций, обществен-

ная нагрузка на учителей постепенно сокращается. Это позволило сосредоточиться большей части педагогов на выполнении своих прямых обязанностей, совершенствовать и повышать профессиональный рост и, наконец, больше уделять внимания семье и воспитанию собственных детей.

ЧАСТЬ III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И БЫТ СОВЕТСКИХ УЧИТЕЛЕЙ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Семейный завтрак учителя, 1949 год (Личный архив автора)

Глава 1

Характеристика номинальной и реальной заработной платы учителей

Важнейшим показателем жизненного уровня учителей была заработная плата. Основными источниками при анализе заработной платы советского учительства явились данные статистических ежегодных отчетов СССР и РСФСР, а также местного статистического управления Костромской области (ЦСУ), отчеты отделов народного образования. Нами были рассмотрены и проанализированы также ведомости на выдачу заработной платы учителям за рассматриваемый период. Это позволило выявить не только размер действительной заработной платы, получаемой учителями, но и виды налогов и сборов, а также размер льгот и надбавок.

С первых дней революции новая власть заявила о желании улучшить материальное положение учителей, высказывала понимание важнейшей роли педагогов в преодолении неграмотности и отсталости России, но в реальности все было сложнее. Идеология революционного общества, «диктатура пролетариата» отдавала приоритет рабочим и солдатам. Тем не менее, первый декрет большевиков об улучшении материального положения народного учителя был издан 2 января 1918 года. Согласно этому документу на нужды просвещения выделялось сумма в 12 520 000 рублей, а прибавка к жалованию учителя должна составить до 100 рублей в месяц и достичь 200 рублей. Постановление СНК 26 июня 1918 года упраздняло деление преподавателей на штатных, сверхштатных и вольнонаемных, а расчет заработной платы происходил из количества преподаваемых часов, и не зависел от предмета. Согласно еще дореволюционному закону 22 октября 1916 года деление учителей производилось на две категории. К первой категории относились учителя, которые преподавали в средних учебных заведениях и высших начальных училищах, ко

второй – учителя преподающие в низших начальных школах, ремесленных и низших сельскохозяйственных школах. Учителя первой категории получали от 400 до 600 рублей, а преподаватели второй категории от 300 до 500 рублей, в зависимости от района проживания (Народное образование 1974: 442–443). В своей статье «Очередные задачи советской власти» В.И. Ленин отмечал, что «представляется совершенно несправедливым и неправильным, чтобы представители буржуазной интеллигенции получали оплату труда неизмеримо более высокую, чем оплата труда лучших слоев рабочего класса» (Ленин ПСС). Таким образом, заработная плата учителей была сведена к уровню платы среднего рабочего.

В действительности, несмотря на эти меры, учительский доход был одним из самых низких по стране и по официальным данным платежных ведомостей заработная плата учителей колебалась в 1921 году от 2400 рублей до 14800 рублей в месяц (ГАКО. Платежные ведомости 1921). В то время, как стоимость картофеля за пуд составляла 300–400 руб., а стоимость пуда муки доходила до 1600 рублей. В начале 1920-х годов народный комиссариат просвещения настойчиво ставил вопрос об изменении положения учителей и приравнивании их к наиболее благоприятной категории населения – красноармейцам. Однако проблема на протяжении всего десятилетия не имела разрешения.

В 1922 году промышленные предприятия стали переходить на хозяйственный расчет. Многие учителя не получали заработную плату в течение полугода и были вынуждены бросать школу и искать другую работу: давать частные уроки, наниматься поденщиками к местным кулакам, иногда просить милостыню. Такое положение сохранялось вплоть до конца 1920-х годов, о чем свидетельствуют личные карточки учителей. Причем это было характерно не только для мужчин, но и для женщин (ГАКО. Платежные ведомости 1921).

По официальным данным статистики, в г. Костроме на одного члена семьи рабочего, в состав которой входило 4 человека в день, приходилось больше на 78 граммов хлеба, 45 граммов мяса, 23 мл молока и других продуктов, чем в

семьях служащих г. Костромы (Подсчитано автором. Статистический ежегодник 1918–1921 гг. (выпуск первый). Труды Центрального Статистического управления. Том VIII. М., 1922: 12–13; 22–23). Однако в рационе служащих в отличие от рабочих г. Костромы присутствовал чай и кофе, но отсутствовали такие важные продукты, как крупы, рыба, сухари. Таким образом, в месяц рабочие Костромы потребляли больше на 7 литров молока, на 2 кг. 340 граммов хлеба, 1 кг 350 граммов мяса, чем члены семей служащих.

По стране в это время прокатилась волна учительских забастовок с требованием улучшить материальное положение. 22 сентября 1922 года в Макарьеве городской комитет профсоюза работников просвещения постановил: «Не приступать к работе, пока заработная плата не будет полностью выплачена». С большим усилием власти смогли предотвратить выступления учителей (Рябинин 1991).

В 1925 г. учительское жалование составляло 62,5% от средней ставки промышленного рабочего. В то же время в реальности разница в доходах оставалась кратной: высококвалифицированный учитель зарабатывал 45 руб. в месяц, а размер пенсионного обеспечения учителям составлял 240 рублей в год, что ежемесячно было около 20 рублей. В то время как рабочие (родители учеников) получали заработную плату в размере 90–120 рублей ежемесячно (Народное образование 1974: 449–451; Народное хозяйство 1925: XLI).

Интересно, в этой связи, взглянуть на бюджет педагога Москвы, приводимый в следующей таблице (гельман 1926: 4).

Таблица № 12

Ежемесячный бюджет московского педагога в 1924 г.

Ежемесячный бюджет педагога, в июне 1924 года	**43 рубля**	**В %**
Жилище, отопление, освещение	3 р. 15 коп.	7,31
Питание	19 р. 30 коп.	45,16
Алкоголь / наркотики	94 коп.	2,29

Таблица 12 (окончание)

Ежемесячный бюджет педагога, в июне 1924 года	43 рубля	В %
Одежда, обувь	7 р. 58коп.	17,76
Хозяйственная продукция	2 коп.	0,05
Культурно-просветительные мероприятия	83 коп.	1,95
Общественно-политические взносы	1 р. 34 коп.	3,15
Прочее	9 р. 84 коп.	22,33

Из таблицы видно, что бюджет был скромным. Больше всего из зарплаты в 43 рубля уходило на пропитание (45,16%).

Немалую долю составляли прочие расходы (22,33%), куда входили расходы на лечение, помощь родным, долги и транспортные расходы. Небольшими были расходы на культурно-просветительские нужды (3,13%) и мизерными на хозяйственные потребности (0,05%). В то же время определенная часть средств (3,13%) тратилась на партийно-общественные нужды, что свидетельствовало о деятельном участии учителей в общественно - политической жизни страны.

По данным Всесоюзной школьной переписи 1927 года заработная плата учителей по-прежнему значительно отставала от оплаты труда других профессий, особенно профессии технического характера.

Учитывая, что в то время килограмм говядины в Костромской губернии стоил 79 руб., становиться понятно, что мясо учителя могли позволить себе лишь в исключительных случаях. Основной пищей был черный хлеб и молоко, так как у многих особенно на селе, были свои коровы (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 8. Д. 13. Л. 4–5). Точнее всего положение с низкими заработками характеризует фольклор:

«Я учитель деревенский
Строю жизнь я новую
Только мне дают зарплату
Больно уж хреновую»

(Глаголев 1926: 5–16).

Таблица № 13

Доход учителя СССР в 1927 году[12]

Категория учителей	**Средний заработок (руб.)**	**Педагогическая работа**	**Периодичес-кие прибавки**	**Пенсия и квартирные деньги**	**Непедагогическая работа**
Город Групповики	60	95,7	0,6	1,9	1,8
Город Предметники	102	92,8	0,5	0,6	6,1
Сельская местность групповики	52	95,4	0,4	3,4	0,8
Сельская местность предметники	85	93,1	0,2	2,5	4,2

В 1929 году правительством были приняты поправки к пенсионному обеспечению работников просвещения. Так пенсия зависела теперь от квалификации учителя. Больше всех пенсионная выплата была у преподавателей техникумов и составляла 50 рублей в месяц, учителя старших групп школ повышенного типа получали 40 рублей, а всем остальным учителям пенсия устанавливалась в размере 30 рублей (Народное образование 1974: 442–443).

[12] Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 года. Т. 1. Ч. III. М., 1930. С. XIX.

Политика коллективизации в 1928–1932 гг. в СССР привела к продовольственному кризису, в результате чего была введена карточная система. Приоритет в снабжении принадлежал индустриальным центрам. В условиях угрозы голода снабжение было дифференцированным. Только рабочие ведущих промышленных объектов получали по карточкам все товары (Миронов 2008). Учителя не доедали, многим задерживали заработную плату, белый хлеб и сладости в то время считались роскошью (Юнкин 1929: 224). С начала 1931 г. в стране существовали четыре списка снабжения (особый, первый, второй и третий). Преимущества в снабжении имели особый и первый списки, куда вошли ведущие индустриальные предприятия Москвы, Ленинграда, Баку, Донбасса, Караганды, Восточной Сибири, Дальнего Востока, Урала. Жители этих промышленных центров должны были получать из фондов централизованного снабжения хлеб, муку, крупу, мясо, рыбу, масло, сахар, чай, яйца в первую очередь и по более высоким нормам. Потребители особого и первого списков составляли только 40% в числе снабжаемых, но получали львиную долю государственного снабжения – 70–80% поступавших в торговлю фондов (Событие 2008).

Во второй и третий списки снабжения должны были получать из центральных фондов только хлеб, сахар, крупу и чай, к тому же по более низким нормам, чем жители городов особого и первого списков. Остальные продукты следовало брать из местных ресурсов.

Высшую категорию в каждом из списков представляли нормы индустриальных рабочих (группа «А»). К этой группе относились рабочие фабрично-заводских предприятий и транспорта. Нормы прочих рабочих (группа «Б») и лиц физического труда, не занятых на фабрично-заводском производстве, представляли вторую категорию снабжения.

По нормам группы «Б» должны были снабжаться также кооперированные кустари, рабочие в учреждениях здравоохранения и торговли, персональные, т.е. имевшие заслуги перед государством, пенсионеры, старые большевики и бывшие политкаторжане на пенсии.

Третью, низшую категорию снабжения в каждом из спи-

сков представляли нормы служащих, куда и входили учителя. Эти нормы распространялись также на членов семей рабочих и служащих, на некооперированных кустарей, ремесленников, обычных пенсионеров, инвалидов и безработных (Событие 2008). Большинство городского населения, в том числе и учителя, стали приобретать небольшие участки земли за городом, для выращивания овощей и фруктов. В некоторых случаях держали и мелкий скот. Использование и возделывание огородов практиковалось городскими жителями до начала войны, даже несмотря на отмену карточной системы в 1936 году (Миронов 2008).

В 1930-е годы основное учительское жалование исчислялось путем количества выработанных часов. Час учительского труда в начале 1930-х годов стоил 1 рубль 62 копейки, после 1936 года 1 рубль 82 копейки. Однако учителя Костромского края далеко не все имели возможность работать на полную ставку. Из анализа ведомостей заработной платы видно, что в среднем учителя работали по 10–12 часов в неделю, а для получения достойной заработной платы, учителям приходилось совмещать исполнение административно-хозяйственных дел с преподаванием 3-4-х предметов (ГАНИКО. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2). Существовали в то время и небольшие надбавки: классное руководство – 7 р. 50 коп., квартирные выплаты составляли 5 рублей, существенной была надбавка за выслугу лет, которая начислялась с общим стажем педагогической деятельности от 10 лет и составляла 12 рублей 50 копеек и введенные в 1931 году, но первый раз реально включенные в ведомость 1934–1935 гг. хлебные надбавки – 13 рублей 50 копеек (Там же: 1а–2а).

Первое упоминание о значительном повышении заработанной платы учителя приходится лишь на апрель 1936 г. В эти годы выходит ряд постановлений ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О повышении заработанной платы учителей и назначении учителей заведующими и директорами школ». Изменение зарплаты учителей показаны в таблице № 13[13].

[13] ГАРФ. Ф. Р – 5462. Оп. 11 Д. 153. Л. 43; Кадры просвещения. М., 1936. С. 210.

Таблица № 14

Изменение заработной платы учителей (в рублях)

Годы	Среднемесячная заработная плата	
	Город	Село
1926/27 г.	50	45
1927/28 г.	55	49
1929/30 г	60	53
1930/31 г.	73	68
1934/35 г.	110	90

Учительская ставка после реформы 1936 года приравнивалась к 105 рублям, а удерживаемая сумма государством за подоходный налог и государственный заем составляла около 20 рублей. Следовательно, учитель на руки получал чуть более 80 рублей. Однако анализ платежных ведомостей показывает, что учителям нередко задерживали заработную плату на 4-5 месяцев.

Статистический ежегодник за 70 лет советской власти дает представление о заработной плате рабочих и служащих основных отраслей народного хозяйства в 1930-е годы: рабочие – 104 рубля 30 копеек, инженерно-технические служащие – 147 рубля 20 копеек, народное образование – 105 рублей, здравоохранение 97 рублей 40 копеек.

В связи с этим любопытно посмотреть на уровень цен продовольственных продуктов довоенного периода и охарактеризовать реальную заработную плату.

Таблица №15

Среднерыночные цены на товары в 1939 / 40 гг. (руб./кг)[14]

Продукты	**1939 г.**	**1940 г.**
Мука ржаная	46 коп.	1 руб.
Картофель	1 руб. 20 коп.	3 руб.
Капуста	1 руб. 50 коп.	3 руб. 50 коп.
Лук	1 руб. 50 коп.	3 руб. 50 коп.
Говядина	11 руб.	30 руб.
Свинина	15 руб.	35 руб.
Молоко (литр)	1 руб. 60 коп.	4 руб.
Масло	27 руб. 50 коп.	50 руб.
Яйца (10 шт.)	6 руб. 50 коп.	14 руб.
Общая стоимость всех родуктов	66 руб. 26 коп.	144 руб.

Исходя из данных таблицы видно, что цены увеличились более чем в два раза, что существенно отразилось на бюджете учителя. При доходе в 105-110 рублей выживать учителям было нелегко, основная часть средств уходила на продукты питания и жилье, даже мясо или дорогие продукты питания учителям по-прежнему были недоступны, «о предметах роскоши и богатства думать не приходилось» (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 8. Д. 13. Лл. 1–5; Д. 87. Л. 2, 5, 11, 12).

В военное время ситуация усложняется тем, что увеличивается количество выплат в пользу государства. Появляется новые виды налогов: военный налог, которым облагалось все трудоспособное население, не подлежащие призыву в Красную Армию, и составлял он 8,3% от заработной

[14] Таблица составлена на основе книги с учетом перевода денежных средств на 1930 гг. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. Ежегодник. / Госкомстат СССР. М., 1987. С. 245.

платы (ГАКО. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 39. Л. 138; Пнев 1958). Другим видом сбора являлся налог в фонд обороны государства, он был неофициальным, но обязательным, и его размер устанавливался различными профессиональными объединениями и местными партийными организациями. В общей сложности размер сбора достигал 10% от размера заработной платы. Также произошло увеличение размера государственного займа у населения. С ноября 1941 года, на основании Указов Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 года появляется «Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан» . Таким образом, все бездетные мужчины от 20 до 50 лет и бездетные замужние женщины от 20 до 45 лет должны были отчислять 6% зарплаты государству. Военный налог для учителей составлял 10 рублей, сбор в фонд обороны 10 рублей. Подоходный и культурный налоги для учителей равнялись примерно 13 р. 50 коп. Таким образом, общая сумма взносов в пользу государства доходила до 52 рублей, тогда как ставка была размером 240 рублей для учителей первого разряда и 300 для учителей второго разряда. Размер оплаты одного педагогического часа с 1 рубля 82 копеек увеличился до 16 рублей 60 копеек. Следовательно, реально учитель первой категории получал 188 рублей, а второй категории – 248 рублей. С 1942 года появляется новая надбавка к жалованию учителей – за проверку тетрадей, размер которой зависел от разряда учителя и количества преподаваемых часов. Данная надбавка составляла от 13 до 40 рублей в месяц. Также оплачивали и работу учителей на производстве. Нами были обнаружены ведомости по оплате учительского труда за заготовку дров, за один кубометр дров платили 16 рублей (Подсчитано автором. ГАНИКО. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 17; Ф. 472. Оп.1. Д. 164. Л. 1–40). Таким образом, данные платежных ведомостей говорят о том, что номинальная средняя заработная плата учителей в Костромском районе составляла I разряда 300 рублей, а II разряда – 400 рублей в 1943 году.

Таблица № 16

Сравнительные цены на товары повседневного спроса в Верхнем Поволжье в 1943 г.[15]

Товары	Кострома	Ярославль	Иваново
Соль	80 коп.	80 коп.	1 руб.
Сахар	1 руб.	1 руб.	1 руб.
Чай	1 руб.60 коп.	1 руб. 50 коп.	1 руб. 10 коп.
Хлеб	1 руб.	50 коп.	1 руб. 50 коп.
Говядина	52 руб.	50 руб.	49 руб.
Свинина	47 руб.	40 руб.	45 руб.
Картофель	10 руб.	15 руб.	10 руб.
Лук	10 руб.	12 руб.	9 руб.
Молоко	12 руб./ литр	15 руб./ литр	10 руб./ литр
Капуста	10 руб.	13 руб.	18 руб.
Дрова	320 руб./м^3	300 руб./м^3	310 руб./м^3
Водка	3 руб.50 коп.	5 руб.	5 руб. 50 коп.
Мыло за 1 кг.	4 руб.	4 руб. 50 коп.	4 руб.
Спички	20 коп.	15 коп.	20 коп.
Керосин	90 коп.	1 руб. 40 коп.	90 коп.
Костюм	70 руб.	100 руб.	100 руб. 10 коп.
Галоши	11 руб.	8 руб.	15 руб.
Сапоги (хромовые)	70 руб.	60 руб.	60 руб.
Туфли	70 руб.	30 руб.	50 руб.

[15] Составлена автором по ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 8. Д. 87. Л. 2, 5, 11–12.

Источник говорит нам о том, что в 1943 году при доходе в 350 рублей в месяц, учителя многое не могли позволить себе купить. В первую очередь учителя покупали керосин, дрова, спички, мыло – из хозяйственных продуктов, и молоко и хлеб – из продовольственных товаров. Мясо, рыба, чай и водка были доступны лишь по праздникам. Кроме того, существенными для бюджета педагогов были затраты на одежду и обувь. Как видно из таблицы № 15 обувь в Костроме стоила дороже 10–20 рублей, чем в соседних районах, однако костюм стоил на 30 рублей дешевле, чем в Ярославле и в Иваново. Таким образом, источники позволяют сделать вывод о том, что без ведения подсобного хозяйства и без содержания скотины (коровы, овец), учителям жить приходилось сложно, так как цены на картофель с 1939 года к 1945 году поднялись в десятки раз (вместо 1 руб. 20 коп. /кг в 1939 г. картофель в 1945 году стал стоить 46 руб. 80 коп./кг) [ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 8. Д. 496. Л. 14].

С окончанием войны жалование в 1948 году в среднем составляло 400 рублей для рядового учителя и 600 рублей для директоров. Кроме того, произошла отмена военного налога и сбора в фонд обороны, однако увеличился государственный заем у населения (для директоров школ он составлял в среднем – 70 рублей в месяц, для учителей – 50 рублей в месяц). Также увеличился налог и на бездетность, теперь он составлял 8% от общей суммы заработной платы. Данное положение было вызвано интересом государства к подъему рождаемости среди населения после Великой Отечественной войны.

В конце 1950-х годов ставка учителя составляла в среднем около 1100 рублей, но в целом условия оплаты учителей не менялись с 1948 года. Так, в 1958 г. среднемесячная заработная плата работников просвещения была на 20% ниже, чем у работников, занятых в промышленности. Этот разрыв еще более увеличился после упорядочения заработной платы работников производственных отраслей народного хозяйства. В 1960 г. он составлял уже 24% (Народное хозяйство 1983: 420).

Директор Ескинской неполной средней школы Солигаличского района Костромской области вспоминает, что в

1946–1960 гг.: «Точную сумму заработной платы, как молодого специалиста сейчас не помню, однако по воспоминаниям, на жизнь хватало с трудом. Жили всегда от зарплаты до зарплаты, причем я почти все время работал кроме преподавателя еще и администратором (завучем, директором, методистом в институте усовершенствования учителей и др.). Первое время, когда я был один, то заработка хватало, даже помогал родителям. Когда обзавелся семьей, то зарплаты стало маловато. Еда была очень простой, в основном ели картошку: вареную, жареную, в мундире, из нее делали шанежки. Мясное на столе было редко, только по большим праздникам, но всегда в большом количестве были соления я – огурцы, грибы, капуста и другие собственные заготовки. Делалось все в огромных бочках и этого хватало на весь зимний период. В доме всегда было молоко: свое – козье, и покупное – коровье. Хлеб пекли сами, раз или два в неделю, но его было вдоволь. На праздники покупали мясо: зимой свежее, летом консервированное в банках (его делали особым способом и оно хранилось в подпольях дома без современных холодильников долгий период). С одеждой были проблемы: было ее немного, да и стоила она очень дорого. Поэтому чаще всего она переходила в семье от одного к другому» (ПМА 2008).

Учительница Островской средней школы Костромской области вспоминает, что в 1965 году ее жалование составляло 65 рублей: «Да хватало, так как все стоило соответственно. Никакой поддержки не было и не ждала ее. Бытовые трудности – отсутствие отдельного жилья. Жила на частных квартирах. Льгот не получали. И не знали об этом в те далекие 60-е годы. По доходу и расход был. Питание скромное: картошка, молоко, хлеб, овощи. Одежда – костюм тройка с белой блузкой, а позднее – кремпленовое платье (фиолетовое) с белым воротником. Это своего рода школьная форма. В 90-е годы могли съездить в театр в город Кострому, а в кино ходили часто, так как телевизоров не было до 80-х годов. Жила до замужества на частной квартире: стол, стулья, кровать хозяйкины, из еды на столе каждый день был хлеб, овощи, молоко, чай, удобств никаких. По праздникам позволяли себе поесть повкуснее» (ПМА 2009).

К моменту принятия нового положения ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 15 июля 1964 г. № 620 об оплате труда работников непроизводственных отраслей, система заработной платы в просвещении имела следующие серьезные недостатки (Постановление 1964):

- уровень ставок и должностных окладов был низким по сравнению с работниками материального производства;
- существовали две группы ставок заработной платы учителей в зависимости от места нахождения школы (в городах и сельской местности);
- наблюдался разнобой в оплате труда учителей в зависимости от того, в каких классах они преподавали. Действовали три группы ставок: самые низкие – в I–IV классах, более высокие – в V–VII классах и относительно высокие – в VIII–XI классах;
- необоснованной была зависимость размеров ставок заработной платы учителей школ и преподавателей средних специальных учебных заведений от преподаваемого предмета;
- слабым было материальное стимулирование повышения образовательного уровня и деловых качеств работников.

Разрыв в размерах ставок заработной платы учителей, имеющих высшее образование и не имеющих его, составлял всего 3 руб. и, конечно, не стимулировал в достаточной мере получение учителями высшего образования. В I–IV классах вообще не было установлено ставок заработной платы для учителей, имеющих высшее образование; труд их оплачивался по ставкам, предусмотренным для учителей со средним педагогическим образованием; оплата труда учителей за выполнение дополнительных обязанностей (классное руководство, проверку письменных работ и т.п.) не соответствовала фактическим затратам их труда.

В это время была устранена разница в ставках и окладах в зависимости от местонахождения учебного заведения. Для работников сельских учреждений определены такие же ставки, как и для городских. При этом для учителей сельских школ сохранены льготы по предоставлению

бесплатных квартир с отоплением и освещением. Эти преимущества установлены с целью привлечения в сельские школы квалифицированных кадров.

Новые условия реформы 1964 года оплаты труда внесли серьезные изменения в заработную плату руководящих работников школ и других учреждений просвещения. Размеры должностных окладов руководящих работников школ и средних специальных учебных заведений (директоров, заместителей директоров по учебной, учебно-воспитательной работе, производственному обучению и иностранному языку) установлены в зависимости от числа учащихся, образования и стажа педагогической работы. При этом стаж педагогической работы для руководящих работников учреждений просвещения (кроме вузов и курсов) определялся в том же порядке, что и для учителей и преподавателей.

Выборочные обследования, проведенные НИИ труда, показывают, что наибольшее повышение заработной платы получили низкооплачиваемые и наиболее квалифицированные относительно высокооплачиваемые работники. До введения новых условий оплаты труда удельный вес работников с заработной платой до 40 руб. в месяц составлял в просвещении 15,2%, после введения практически не стало лиц с заработной платой 40 руб., зато значительно возросла доля лиц в последующих группах, особенно с уровнем заработной платы 80–100 руб. в месяц (Заработная плата 1967: 49–63).

В результате введения новых условий оплаты труда заработная плата педагогического персонала с высшим образованием возросла, по материалам обследования, на 26,5%, с незаконченным высшим – на 21,2%, со средним специальным образованием – на 19,6% и с общим средним образованием – на 13,3%. Если раньше фактическая заработная плата педагогического персонала с высшим образованием несущественно превышала заработную плату работников с незаконченным высшим образованием, со средним специальным образованием, общим средним образованием, то теперь это превышение составляет соответственно 20,44% и 58% (Там же: 49–50).

Рост заработной платы происходит как за счет увели-

чения основных ставок (окладов), так и за счет повышения различного рода доплат. По материалам обследования НИИ труда, оплата за часы преподавательской работы увеличилась на 25,3%, а различного рода доплаты (за проверку тетрадей, классное руководство, заведование кабинетом и т.д.) возросли на 67,6%. В итоге несколько изменилась структура заработной платы.

В общем фонде заработной платы доля выплат за часы преподавательской работы и по установленным должностным окладам в результате введения новых условий оплаты труда увеличилась с 89,6 до 90,8%, удельный вес доплат возрос с 6,7 до 9,1%, а пенсии за выслугу лет, составлявшие ранее 3,7% к общему фонду заработной платы, вошли в состав должностных окладов (Народное образование 1971: 88–89; Заработная плата 1967; 43–63).

Таким образом, после реформы 1964 года учителя стали получать от 65–115 рублей в зависимости от их стажа работы и количества преподаваемых часов (ПМА 2009).

Таблица №17

Номинальная заработная плата по отраслям народного хозяйства СССР (рублей/месяц)[16]

Отрасль производства	**1970 г.**	**1980 г.**	**1985 г.**	**1986 г.**
Рабочие промышленности)	130,6	185,5	211,7	216,4
Инженерно-технические служащие	178	212,5	233,2	239
Здравоохранение	92,0	126,8	132,8	134,9
Народное образование	108,1	135,9	150	155,7

[16] Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 200.

Исходя из приведенных выше данных видно, что заработная плата врачей и учителей была самой низкой в стране. В среднем заработная плата учителей в 1970-х годах была на 39% ниже, чем у инженерно-технических служащих и на 17,2% ниже рабочих.

Таблица № 18

Цены на основные товары народного потребления в 1969 году (кг (л.) / руб.)[17]

Продовольственные товары	Цены	Промышленные товары	Цены
Молоко	28 коп.	Телевизор	310 руб.
Творог	85 коп.	Магнитофон	200 руб.
Сыр	2 руб. 80коп.	Холодильник	310 руб.
Говядина	2 руб.	Ручная швейная машинка	45 руб.
Сосиски	1 руб. 90 коп.		
Колбаса	2 руб. 90 коп.	Утюг	4 руб. 34 коп.
Масло	1 руб. 92 коп.		
Сахар	94 коп.	Стиральная Машина	90 руб.
Соль	6 коп.		
Печенье	1 руб. 12 коп.	Пишущая машинка	160 руб.
Мука	28 коп.		

[17] Цены на продовольственные товары народного потребления. Статистические материалы. М., 1963. С. 43; Цены и ценообразование в СССР. М., 1966. С. 45; Цены и тарифы // под ред. Ш.Я. Турецкого. М., 1969. С. 23.

Средняя цена изделий из одежды – 145 рублей. В 1960-е годы появились кредиты для населения, сумма максимального кредита зависела от размера заработной платы. Если заработная плата составляла 60 рублей в месяц, то максимальный кредит – 240 рублей, 100 рублей в месяц – 400 рублей. Причем процент по выплате был минимальным. Для кредита в 240 рублей переплата составляла 30 рублей, что было приемлемым для советских граждан. Учительница математики Зебляковской средней школы Шарьинского района Т.А. Перминова, вспоминает: «В 1967 г. оклад начинающего учителя составлял 80 рублей в месяц, но поскольку я работала больше, чем на ставку, то получала по 130–140 рублей, хотя работники в леспромхозе зарабатывали гораздо больше. Снабжение в поселке было хорошее, особенно промтоварами. В сентябре 1970 года оклад был 105 рублей, поэтому все крупные покупки (приобретение мебели, пальто и т.п.) совершали в кредит, т.к. проценты были не такими грабительскими, как сейчас» (ПМА 2010).

Учительница начальных классов школы № 32 Т.М. Кузнецова отмечает: «В 1970–1980-е годы, с позиции сегодняшнего дня, проблемы, с которыми сталкивалась молодая семья, и проблемами-то назвать нельзя. Их можно было разрешить. Мы имели любимую работу, получали жилье (хотя первый год замужества жили с родителями мужа, а второй год снимали жилье). Мы имели стабильную зарплату, могли что-то планировать, могли мечтать! Могли верить в свою мечту. И она сбывалась! В первый год работы зарплата была 72 рубля. На жизнь хватало. Помню, в тот год купила себе хорошее зимнее пальто с песцом, сшила в ателье одежду для повседневной носки и даже вещи «на выезд». Поддержка от государства была: выдавали «подъемные», сумма денег на проезд до места работы и на первое время. Мне, как молодому специалисту, по приезде на работу предоставили квартиру (без всяких удобств). Дровами обеспечивала школа. Бытовые трудности не страшили (я не городской житель). Когда появилась семья, то как молодой семье льгот никаких не было. Квартиру получили в порядке очереди, спустя 4,5 года с начала семейной жизни. Все годы приходилось подрабатывать, чтобы поддерживать се-

мейный бюджет хоть как-нибудь. Так как я одна (т.е. без семьи) после окончания педучилища жила недолго, поэтому о зарплате пишу о нашей с мужем совместной. Он шофер. Много был в командировках. По тем временам много зарабатывал. Квартира, которую нам дали от горсовета, была трехкомнатная, но маленькая. Все удобства – на улице. Мебель была самая необходимая: кровати, письменный стол, газ в кухне, холодильник. Не шиковали, но самое необходимое было. Через 6 лет совместной жизни купили «Жигули» новенький! Радость была великой. Готовила разные супы (мясные, рыбные, грибные), каши, макаронные изделия (хотя выбор был очень ограничен). Масло сливочное брали, когда было в магазине, а частенько муж привозил из Костромы, Москвы, Ярославля. Делала заготовки на зиму (овощи выращивала на огороде, в очередь стояли за молоком, творогом). На Новый год делали пельмени домашние. И конечно, салаты. Конфеты покупали, пекла пироги (спасибо, научила соседка – кухня была общая). Одежда была, считала, что хорошая: были платья, сарафаны, блузки, юбки. Можно было купить хорошие туфли. Сапоги купить было труднее, но покупали. Радовалась каждой вещи и берегла. Дважды, хотя дети были небольшие, ездили отдыхать на Черное море (на машине) всей семьей. Да, трудно приходилось с тем, чтобы достать одежду или какие-нибудь продукты. Было время, что и купить было нечего. Шили вещи в ателье, иногда покупали в Москве, выстояв очередь. Муж работал в торговле – частенько радовал обновкой. За продуктами стояли в очередь, покупали впрок. Но разнообразия не было. Что привезут в магазин, то и покупали. Были очереди за молоком, за хлебом. За детскими вещами – тоже очередь» (ПМА 2009).

Учительница начальных классов Михайловской средней школы Судиславского района Костромской области А.С. Смирнова вспоминает, что в 1970-е годы: «Моя заработная плата составляла 85 рублей в месяц. На жизнь этой зарплаты не хватало. Со стороны государства, в то время, никакой материальной помощи не было. Трудностей было много, так как материально были не обеспечены, помогали родители. Ежедневная еда – картошка и капуста. Деликате-

сов в то время не было. Одежда была скромная, все одевались одинаково. Кинотеатры были доступны, а поездку на море позволить себе не могли. Достать продукты и одежду было нелегко, так как прилавки магазинов часто были пусты, и все ходили в одинаковой одежде и ели то, что вырастили сами» (ПМА 2010).

Учительница русского языка и литературы Сусанинской средней школы Костромской области И.В. Пантелеева, отмечает, что: «В 1970-е годы получала примерно 90 рублей, ни на какие крупные покупки денег не хватало, всегда помогали родители, другой поддержки не было. Премии всегда были смешными. Уровень моей жизни всегда был ниже среднего, хватало на еду и скромную одежду, никаких денежных накоплений сделать было просто невозможно. Было такое время, что продукты питания получали по талонам, разыгрывали талоны на туфли, на нижнее белье, шампуни и т.д.» (ПМА 2010).

Другая учительница школы № 3 г. Костромы Н.Д. Шокшина в 1970-е годы говорила о том, что: «Получала около 100 рублей в месяц. Жила в это время с родителями. На самое необходимое мне хватало. Наша повседневная пища была простой: каши, супы, компоты, картофель, макаронные изделия, винегрет. Только по праздникам мы ели салат оливье, студень, тушеную картошку с мясом, пироги и т.п. Одежда была у меня самая обыкновенная» (ПМА 2010).

К 1986 году разрыв в оплате труда все еще оставался существенным, инженерно-технические служащие получали на 34,8%, а рабочие – на 28% больше, чем учителя (Народное хозяйство 1987: 200). Именно поэтому в 1986 г. было проведено повышение ставок заработной платы и должностных окладов учителям, преподавателям и другим педагогическим работникам общеобразовательных школ, средних специальных и профессионально-технических учебных заведений и некоторых других учреждений народного образования. В результате осуществления указанных мероприятий, заработная плата учителей возросла более чем на 30%, но, тем не менее, оставалась одной из самых низких по стране. Цены на товары народного потребления практически не изменились за 20 лет советской власти, и были

следующими: хлеб ржаной – 11 копеек, батон – 15 копеек, сухари – 64 копейки, масло сливочное за килограмм – 3 рубля 70 копеек, окунь морской – 59 копеек, сахарный песок – 96 копеек, зефир – 1 рубль 90 копеек. Средняя заработная плата учителей равнялась 155 рублей, а самый дорогой бытовой предмет – холодильник «Бирюза» стоил 320 рублей, это говорит о том, что доход учителей был вполне приемлемым для жизни, особенно для семейных учителей. При этом следует отметить, что все молодые семейные или одинокие специалисты вставали в очередь на получение государственного жилья. Плата за коммунальные услуги была незначительной, за однокомнатную квартиру, со всеми удобствами и электричеством в 1985–1991 гг. платили 20 рублей 60 копеек (ПМА 2011).

Учительница иностранного языка Савинской восьмилетней школы Судиславского района Костромской области О.Л. Ячменева вспоминает, что в 1980-е годы: «Проблем было много. Трудно было купить хорошую книгу, но мы имели возможность пользоваться услугами библиотек. Хотелось красиво одеваться, хорошие вещи трудно было достать. Но в то время все проблемы казались вполне разрешимыми. Это были годы времен застоя и начала перестройки, когда прилавки магазинов были пусты и приходилось простаивать огромные очереди, чтобы что-то приобрести. Как молодой специалист, я получала сто двадцать рублей, которых вполне хватало на жизнь. Кроме того, профсоюзная организация выделяла материальные средства для отдыха в санаториях и на туристические поездки, также существовали льготы на жилье» (ПМА 2010).

Учительница начальных классов Судиславской средней школы Костромской области, Н.Ю. Панкова вспоминает, что в 1982 году: «После окончания училища моя зарплата была 85 рублей, после института 115. Денег, конечно, не хватало. Первый отпуск по уходу за ребенком до 1 года бесплатный. Спасибо, что в то время молочная кухня выдавала детям молоко, кефир бесплатно или за минимальную плату. Премий и надбавок не было. Зарплата в других профессиях была выше, но немного, утешал летний отпуск, дети под присмотром, раньше приходила домой (не в 17-18 часов).

Моей зарплаты не хватало. Из одежды было все необходимое, хотя лишнего не было» (ПМА 2007).

Учительница истории средней школы №6 г. Костромы М.К. Смирнова, повествует о том, что: « В 1984 году моя первая зарплата была 115 руб оклад + 10 руб за красный диплом = 125 руб. Для сравнения моя подруга, закончив технологический институт, пришла работать на завод “Мотордеталь” с окладом 135 рублей. Мы абсолютно были равны в социальном положении. Если учесть, что все работали на 1,25–1,5 ставки, то 160–170 рублей получалась. На жизнь нам хватало абсолютно на все (муж зарабатывал около 300 рублей), мы сразу после свадьбы стали независимы от родителей, жили своим семейным бюджетом. Все приданое для первого ребенка покупали сами, вплоть до колясок, кроваток и т.д. В питании мы себе никогда не отказывали. Все достаточно традиционно для россиян: делали большие заготовки на зиму, ездили в Москву за продуктами. На праздники «оливье» и тушеная картошка» (ПМА 2010).

Таким образом, заработная плата учителей в течение всего советского периода была одной из самых низких по стране. В 1922 году учителям в течение полугода не выплачивали заработную плату, в результате чего многие из них были вынуждены бросать школу и искать другую работу: давать частные уроки и т.д.. Причем это положение было характерно не только для мужчин, но и для женщин (ГАКО. Платежные ведомости 1921). В 1925 году высококвалифицированный учитель получал заработную плату на 40% меньше, чем промышленные рабочие. Вследствие продовольственного кризиса 1928–1932 гг. материальное положение учителей еще более ухудшилось. В стране была введена карточная система. Учителя были отнесены к третьей самой низшей категории снабжения. По карточкам они изредка получали лишь чай, крупы, соль и хлеб. Для того, чтобы увеличить свой доход учителям приходилось совмещать исполнение административно-хозяйственных должностей с преподаванием 3–4-х предметов. Действительное повышение заработной платы учителей произошло лишь в апреле 1936 года: средняя ставка учителя приравнивалась к средней ставке рабочего. Однако, начавшаяся Вторая миро-

вая война привела к резкому скачку цен на товары, в результате уже к 1940-му году цены выросли более чем в два раза, что существенно отразилось на бюджете учителя. В годы Великой Отечественной войны увеличивается количество выплат в пользу государства, что снизило и без того невысокий доход учительства. Исследование источников 1941–1945 гг. показывает, что в годы войны учителя могли позволить себе продукты первой необходимости: молоко и хлеб. В последующие послевоенные годы жалование учителей по-прежнему оставалось невысоким. Советский педагог мог приобрести только самое необходимое, из продуктов питания – это, в основном, картошка, молоко, хлеб и соления, изредка мясные изделия. В 1964 году произошло реформирование системы оплаты труда просвещенцев. Данное мероприятие подняло уровень жизни учителей. Однако, сопоставление доходов рабочих и учителей выявило, что в 1970 году рабочие промышленности получали на 17,2%, а к 1986 году на 28% больше, чем учителя (Народное хозяйство 1987: 200). Таким образом, необходимо отметить, что уровень дохода учителей по-прежнему являлся невысоким, позволяя удовлетворить лишь самые насущные потребности. Вместе с тем, проведенное нами интервьюирование не выявило у учителей ощущения социального неравенства по сравнению с другими социальными слоями советского общества. Это объясняется тем, что разные категории служащих, за исключением номенклатурных работников, жили скромно. И только бесплатное медицинское обслуживание, относительно доступный отдых, а также стабильные цены на товары первой необходимости в 1960–1980-е годы обеспечивали приемлемое для большинства социальное самочувствие.

Глава 2

Условия жизни учителей

Уровень жизни учительства на протяжении всего советского периода был невысоким. Гражданская война, Нэп, Великая Отечественная война и постоянно меняющаяся политика коммунистической партии заставляли учителей находиться как в моральном, так и материальном напряжении. В данном разделе нами будут рассмотрены основные этапы и изменения условий жизни советских учителей с 1917 по 1991 гг.

Жилищная и бытовая сфера жизни советских людей в России в XX веке претерпела ряд серьезных изменений: электрификация, газификация, проведения водопровода и канализации, изменение характера строений жилых домов, все это не могло не отразиться на структуре повседневной жизни советских граждан. С изменением советского быта трансформировались и такие компоненты повседневности, как хозяйственная жизнь людей, качество жизни, мебель и другие предметы домашнего обихода. Данные изменения являются основополагающими при анализе повседневной жизни, именно поэтому мы считаем необходимым выявить, какие изменения они претерпели в ходе советской истории.

Гражданская война и разруха сильно подорвали экономику Костромского края. И как мы уже указывали выше, в сложных условиях оказалось все население Костромской губернии. Однако следует отметить, что именно учительство, как социальная группа нового советского общества была поставлена в условия на грани выживания. Несмотря на это, мы считаем необходимым разделить данную социальную группу по территориальному принципу и рассматривать условия жизни сельского учительства отдельно от городского.

Источники показывают, что после революции 1917 года новая власть столкнулась с решением жилищной проблемы. В.И. Ленин набросал черновой проект «О реквизиции

квартир богатых для облегчения нужд бедных», согласно которому «богатой квартирой считается всякая квартира, в которой число комнат равняется или превышает число душ населения, постоянно проживающих в этой квартире» (Ленин ПСР: 380). Данное положение было взято из известного тезиса Ф. Энгельса: «помочь устранению жилищной нужды можно немедленно путем экспроприации части роскошных квартир, принадлежащих имущим классам, и принудительным заселением остальной части» (Энгельс 1961: 239). В ленинской формулировке, утвержденной Петроградским советом в качестве постановления (Известия ВЦИК 1918: 56), был зафиксирован решающий для последующей политики Советской власти в сфере жилья момент – принципиальная невозможность для каждого человека иметь отдельную комнату. Именно с воплощения в жизнь этого положения начался этап коммуналок.

Однако необходимо отметить, что в проведенном обследовании в 1925 году среди учительской интеллигенции, отмечалось, что «жилищные условия были не специфическими а скорее свойственными для всей средней интеллигенции до сих пор переживающей и жилищный и общеэкономический кризис» (Гибельман 1926: 47). Согласно данным московского обследования 29% учителей проживали в квартирах при школах, 57% – состояли в жилищном товариществе (так назывались, коммунальные квартиры), 15% – арендовывали комнаты у частников. Особо отмечались квартиры жилищного товарищества и, как отмечают авторы, жилье относилось к новому типу: «темные коридоры – следствие экономия света, самостоятельно запирающиеся замками комнаты, темные и запущенные уборные, такие же кухни». Спецификой нового жилья было то, что отсутствие отдельных кухонь и ванных приводило к организации прачечных у себя в комнатах, от чего страдали как сами жильцы комнаты, так и их соседи – «по всюду царит дым, влажность и смрад…» (Там же). Готовили в основном на кухне или в коридоре, на печурках, из-за чего копоть и дым делали быт обитателей коммуналок еще боле невыносимым.

В сельской местности ситуация тоже была напряженной. Если в городах основная часть учительства проживала в

квартирах нового типа – «коммуналках», в сельской местности жилье учителям должна была предоставить сельская администрация. На деле же, большинство учителей было вынуждено самостоятельно искать место жительство, договариваясь с крестьянами. Однако, свободная жилплощадь в деревнях была либо у зажиточной части крестьянства, либо у духовенства, что усложняло положение учителей, как материальное, так и жилищное, особенно после курса на проведение коллективизации в деревне. Как показывают источники, в первую очередь воспоминания, в большинстве случаев у сельских учителей был небольшой земельный надел, который помогал ему прокормиться. К тому же обязательным было и содержание учителя для всех крестьянских хозяйств, а 10% колхозы доплачивали к заработной плате, в основном натуральными продуктами (Забелина 1996). Крестьянство всегда с почтением относилось к учителю, так как грамотный человек в сельской глубинке в то время был уважаемым. Очень частыми были случаи обращения к учителям с просьбами составить различного рода документы за небольшую, но в тех условиях просто необходимую плату (дрова, продукты питания, промышленные товары), хотя еще чаще подобные услуги оказывались бесплатно. К тому же в деревнях в каждом хозяйстве была корова и молочные продукты всегда были в доме.

При обследовании положения педагогических кадров того времени, говорится о тяжелом материальном положении всего учительства. По данным школьной переписи 1927 года лишь 46,3% сельских учителей школ I ступени и 32,2% школ II ступени имели бесплатные квартиры. В городе этой льготой учителя не обладали, вся остальная масса педагогов снимала жилье: «Многие учителя сельской местности живут на частных квартирах и попадают тем самым в некоторую зависимость от хозяев. Иные учителя проживают в домах попов с ведома партийных ячеек, так как иного помещения для жилья нет» (Юнкин 1929: 224). Карточная система была отменена 1935 году, однако материальные проблемы более или менее разрешаются лишь к 1938 году, постепенно увеличивался и уровень заработной платы, что позволяло учителям снимать более или менее пристойное жилье.

Таким образом, как показывают источники, первые десятилетия советской власти коренным образом изменили жилищную и бытовую структуру повседневности учительства. Появились новые типы жилья, а вместе с ними и новые условия жизни. Большинство учителей находились в тяжелом положении: им задерживали заработную плату, они получали по низкой категории продовольствие по карточкам, нерешенной оставалась и жилищная проблема.

Трудности Великой Отечественной войны еще более усложнили и без того нелегкое положение учителей. Вопросы культурно-бытовых нужд и материального обеспечения учительства постоянно обсуждались на заседаниях Ярославского обкома, райкомов ВКП(б), обкома союза работников НСШ и обкома союза ВШ и НУ. Принимались меры к повышению и укреплению авторитета учителя в школе . К примеру, 29 января 1942 г. Ярославский областной комитет (ОК) союза работников НСШ обратился в Облисполком с просьбой о рассмотрении материалов, свидетельствующих о невнимательном отношении руководителей отдельных местных организаций к удовлетворению материально-бытовых нужд учителей, что приводит к ряду сбоев в снабжении учителей и к нарушению законных прав учителей в области выдачи зарплаты и обеспечения сельских учителей топливом. Параллельно ОК союза работников НСШ обратился к облпрокурору с просьбой ускорить расследование дела о систематической задержке зарплаты учителям в Тутаевском районе и привлечь виновника к законной ответственности (Учительская газета 1942, 21 июня).

В наибольшем затруднении находились молодые учителя, которые приезжали работать в сельские школы. Местные органы образования не имели возможности предоставить им квартиры и не всегда могли помочь в решении многих бытовых вопросов. В результате некоторые из учителей были вынуждены уехать (Малхасян 2010: 295–296).

Вопрос об улучшении материально-бытового положения учителей рассматривался на бюро Ярославского обкома ВКП(б) 1–6 апреля 1943 г. Было решено навести порядок в снабжении учителей сельских и городских школ хлебом и товарами первой необходимости; в райцентрах и селах при-

крепить на питание к столовым учителей, проживающих в этих населенных пунктах; открыть в городах Ярославле, Рыбинске, Костроме специальные магазины для обслуживания учителей и их семей. Для педагогов сельских школ колхозами организовывалась продажа по государственным ценам картофеля, овощей, а также молочных продуктов, но только после выполнения колхозами плана госзаготовок. Всем учителям города и села выделялись земельные участки для индивидуальных и коллективных огородов и оказывалась помощь в приобретении семян картофеля и овощей у колхозов и торгующих организаций. Тем не менее плохим оставалось дело в снабжении учителей в Любимском, Курбском, Нерехтском, Некрасовском и Тутаевском районах. Рассмотрение подобных дел выносилось на заседание бюро обкома ВКП(б) и профсоюза (Там же 296).

Скудный паек получали учителя по карточкам, плохо обстояло дело с медицинским обслуживанием, так как многие врачи и медицинские сестры были мобилизованы на фронт (ПМА 2008).

Подводя итог 1940-х годов, можно сказать, что существенных изменений в условиях жизни советских учителей не произошло. Многие учителя не имели собственного жилья, им приходилось арендовывать комнаты у местных жителей. Именно на это тратилась существенная часть заработной платы: 200–250 рублей из 400 рублей. Жили в одноэтажных или двухэтажных деревянных или каменных домах, из удобств только в Костроме встречался водопровод, вода горячая отсутствовала, мылись в банях. Из мебели могли позволить только самое необходимое: стол, кровать, сервант или шкаф (ПМА 2007).

Сельские учителя в отличие от городских имели ряд льгот. Местная сельская администрация с 1950-х до 1990-х годов предоставляла жилье и льготы в размере 50% по оплате жилья, а также бесплатное обеспечение дровами на зиму (ПМА 2010). Иногда учителей селили к местным жителям, что было лучше, особенно для одиноких. Как вспоминает директор Ескинской неполной средней школы Солигаличского района Костромской области А.Н. Низов: «Хозяева домов, куда селили учителей оказывали

большую помощь, они делились всем, что имели, отдавали что-то в ущерб своим семьям» (ПМА 2010). Однако были и отрицательные стороны жизни в сельской местности: отсутствовали удобства, «а дрова, которые привозила администрация приходилось колоть самим, хорошо было тому, у кого муж… а если ты одинокая девушка?!» – вспоминает учительница Н.Ю. Панкова (ПМА 2011). Именно поэтому многие учителя старались получать направления по месту жительства, так как молодым специалистам с небольшим заработком без помощи родных было трудно выжить. Учительница начальных классов Михайловской средней школы Судиславского района Костромской области А.С. Смирнова вспоминает: «Жили мы с родителями, поэтому был и отдельный стол, и кровать. Сами себе позволить купить ничего не могли» (ПМА 2010). Примечателен и тот факт, что условия жизни учителей в 1950-е годы мало чем изменились к 1980-м годам. Единственным фактором становиться проведение водопровода и канализации в отдельные районы области: Островский, Галический. Буйский, Нерехтский и др. Отопление во всех районах Костромской области, за исключением областного центра было печным. Даже ближайшие районы Костромы не были газифицированы до 1991 года. Как следствие, большинство учителей области мылись в банях, еду готовили на керосиновых плитках или специально оборудованных печках. В каждой комнате стояла печь – «буржуйка», которую оборачивали фольгой и топили каждый день. Иногда покупали газ в баллонах.

Из бытовых предметов в 1950-е годы появились телевизоры: «Рекорд» и «Знамя», позднее в 1970-е годы «Горизонт», «Радуга», «Рассвет». Была одна программа, чаще всего, как отмечают учителя, смотрели фильмы или фигурное катание. Появляются холодильники, стиральные машины, магнитофоны, радиоприемники и другие бытовые предметы, что значительно улучшило и облегчило бытовую жизнь учителей.

Необходимо отметить, что материальное и бытовое положение семейных учителей, и в первую очередь учительниц, было лучше, нежели чем у одиноких. Как показывают

источники, если мужья у учительниц работали в промышленности или в научной сфере, то такие семьи жили хорошо и могли позволить себе купить раньше других семей стиральную машину, телевизор, автомобиль или поехать отдыхать на море, а иногда даже за границу. В.И. Платонова, учительница средней школы №15 г. Костромы, вспоминает: «Однажды муж из Москвы привез колонковую шубу, она была очень красивая, но одеть я ее так и не смогла. Стеснялась, стоила она намного больше учительского дохода. Поэтому и продала в тайне от мужа. Многие коллеги и без того мне завидовали, у меня было все – квартира, машина, дача, ежгодный отдых на море. А вот другие даже квартиру не могли получить, годами стояли в очереди на жилье» (ПМА 2011).

Таким образом, бытовые условия жизни учителей в ходе советской истории существенно изменились. Вместе с тем, только к концу советской эпохи появился водопровод и канализация, бытовая техника и другие предметы, облегчающие домашний быт учителей. Однако проблематичным оставалось газовое отопление и горячая вода, которая отсутствовали практически во всех районах области.

Глава 3

Производственные условия работы в советских школах

Производственные условия оказывают непосредственное влияние на повседневность человека: его здоровье, самочувствие, работоспособность. Здание школы, освещение, коммунальные удобства, методические пособия, приборы и наглядные средства, существенно увеличивают производительность труда учителя, как при подготовке к урокам, так и непосредственно в ходе обучения. Как показало наше исследование, большую часть времени учителя проводили в школе, именно поэтому мы считаем необходимым проследить, как изменились условия учительского труда с 1917 года к 1991 году.

Тяжелое экономическое положение страны в 1921–1922 гг. крайне отрицательно отразилось на состоянии образовательной системы. В связи с общим оскудением ресурсов страны Советское правительство вынуждено было пойти на сокращение расходов на нужды народного образования. Для восстановления промышленности и сельского хозяйства требовались большие средства. Вынужденное сокращение ассигнований на народное образование из центрального бюджета и перевод содержания школ на местные средства привели к сокращению сети школ, но не числа учащихся. Уже в марте 1922 года XI съезд Коммунистической партии, подведя первые итоги новой экономической политики и отметив серьезные успехи на хозяйственном фронте страны, предложил принять немедленные меры для подъема культуры и школы (КПСС в резолюциях 1953). X Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в декабре 1922 года, указал на недопустимость дальнейшего сокращения школ, призвал все органы Советской власти, все партийные и профессиональные организации оказать школе всемерную помощь: «...дальнейшее отступление по фронту просвещения

(сокращение элементарных школ и учреждений по борьбе с детской беспризорностью) должно быть приостановлено...» (Съезды Советов 1959: 128).

В 1920-е годы материальная база школ была очень низкой. Отчеты Губернского исполнительного комитета оценивали материальное положение просвещения в губернии в целом в 1922–1925 гг., как недостаточное. Многие здания школ находились в аварийном состоянии, но из-за недостатка средств решить эти проблемы было просто невозможно. Учебными пособиями было оснащено в 1924 году лишь 35% школ губернии, а к 1926 году этот показатель вырос до 65% (Отчет 1926: 134–135). Таким образом, на одного учителя приходился один учебник или букварь, а наполняемость в классе достигала 45 человек (Там же: 136).

Школы в основном размещались в ветхих, неприспособленных деревянных зданиях. Приборов, специальных методических разработок не было, из всего оборудования в классах были столы и шкафы, отопление как правило было печным. М.С. Пнев, учитель Шарьинской начальной школы вспоминает: «В классе было сорок учеников, под школу была приспособлена крестьянская изба, где примерно ¾ всего помещения занимала русская печка. Сидели – на чем попало, но все дети ходили, так как хотели учиться!» (Пнев 1958). Воспоминания инспектора также дают печальную характеристику школе 1920-х годов: «Здание маленькое, холодное. Печка дымит, если затопить весь дым идет вовнутрь, заниматься невозможно – не продохнуть, а газета – редкий гость для таких учительниц» (По третьему фронту 1929: 138).

В 1930-е годы условия в школах существенно не меняются. У учителей не было ни методических пособий, ни учебников, а иногда и доски. Электричество стало появляться только в середине 1930-х годов, оно было в новинку местным жителям, а детвора со всей округи сбегалась посмотреть на то, как «горит лампочка» (ПМА 2011). Учителя должны были довольствоваться «меловым уроком, рассчитывая только на свои умения, так как приборов для демонстрации было мало» (ПМА 2010).

Новые здания школы начинают строить по всей обла-

сти и в Костроме с середины 1930-х годов. Однако организация мероприятий по строительству новых зданий для школ желали быть лучше. Погоня за статистикой и количеством, а не за качеством, ограничение в материальных средствах и сроках не позволили сделать здания более комфортными для учебного процесса. В основном переделывали старые здания, ремонтировали и достраивали. В поселке Семеновском[18], для постройки школы использовали кирпичное «здание-коробку», где ранее размещался государственный банк и аптека по фасаду, подстроили первый этаж кирпичный, а второй был достроен деревянный (ПМА 2010). В 1937 году по-прежнему остро стоял вопрос с пособиями для учителей, в библиотеке было мало литературы, об отдельных кабинетах и речи не могло идти. Отопление было печное и не всегда качественными дровами, отчего в суровые зимы было холодно, особенно в нижнем этаже с северной стороны. Освещение по вечерам было скудное, зажигали висячие и настольные керосиновые лампы, позднее появилось электричество от местных электростанций, но очень слабое и с постоянными перебоями. В средних школах районов количество классов доходило до тридцати, в каждом классе было от 30 до 45 человек (Там же).

Директор Ескинской неполной средней школы Солигаличского района Костромской области Александр Иванович Низов вспоминает, что «условия труда в 1940 г. в сельской школе были достаточно приличными. Здание школы было бревенчатым, в классе была русская печка, которую с утра затапливала сторож-истопник, а днем тепло поддерживал проводящий уроки учитель. Под класс было выделено достаточно большое помещение, которое к тому же было предметным – других уроков, кроме математики, там не проводилось. В классе была доска, покрытая темной краской, по которой почему-то плохо писал мел. Мел по классам разносила сторож, причем делала это до уроков. Специализированных учебных пособий не было. Какие-то

[18] Поселок Семеновское в 1930 году относился к Ярославской области, ныне это п. Островское, Костромской области.

правила, чаще по русскому языку, были написаны на плакатах; однако в сельской школе был глобус» (ПМА 2010).

В годы войны учителя работали при скудном освещении, а подчас и отоплении. Чтобы экономить керосин, учителя сами изготавливали «фигасы» – самодельные светильники. Экономили спички, употребляя «кресала»[19]. В годы войны школьные помещения плохо отапливались, дров иногда не хватало, многих учителей и учеников старших классов мобилизовали на лесозаготовки. В годы войны писали на снегу, на старых газетах и книгах между строчек, тетрадей и перьев не было, чернила изготавливали ученики сами, из шишек ольхи или свеклы (ГАКО Ф. Р-551. Оп.1. Д. 23. Л. 100). По воспоминаниям Майи Ивановны Петровой, которая пошла учится в школу в 1943 году: «Зимой было очень холодно в классе, учительница, одетая в пальто, собирала нас вокруг себя. Был один букварь на всех учащихся. И вот в школе по этому единственному экземпляру учила нас читать. Тетрадей, карандашей и ручек вообще не было. Ручки и перья были самодельными. Чернила делали из свеклы, глины и сажи. Брали старые книги и шили из них тетради и между строк, между букв учились писать» (ПМА 2011).

13 августа 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Костромская область, как самостоятельная административная единица. В целом это оказало позитивное влияние на развитие региона, так как произошло воссоединение районов, которые на протяжении длительного исторического периода были взаимосвязаны друг с другом. Однако для того, чтобы органы управления Костромской области, в том числе и отделы народного образования, начали самостоятельно работать, нужно было время. Материально-техническая база практически всех школ Костромской области была неудовлетворительной, так как они не получали в полном объеме средства для приобретения учебно-методической литературы и наглядных пособий. В ряде случаев отсутствовала связь с наиболее отдаленными селам. В Костромской области ассигнование

[19] Кресало – самодельное изобретение, наподобие огнива. Этот термин употребляет в своих воспоминаниях учитель П.С. Варенцов.

на образование в 1945 году составило 96 млн рублей (ГАНИКО. Ф. 765. Оп. 3. Д. 614. Л. 11).

Мария Ивановна Груздева вспоминает об условиях работы в послевоенное время в д. Прозорово, Юрьевецкого района Ивановской области (бывшая Костромская губерния): «Школа – приспособленное здание белильной фабрики купца Скворцова. Окна огромные – можно въехать на тракторе. Всегда было холодно. Поэтому занимались только в пальто, дети одевали даже варежки, чтоб согреться. В классе были только доска, парты, мел и географические карты, все остальное пытались купить сами учителя. Разработок для проведения уроков никаких не было, планы писали сами. Потом построили из двух щитовых домов восьмилетнею школу в деревне Алабухино, она была на горе, отопление водяное» (ПМА 2009).

С 1948 года в школах постепенно стали появляться специализированные кабинеты по предметам, снабжение школ наглядными пособиями и оборудованием улучшилось, но многое приходилось приобретать учителям самим. Электричество в это время во многих поселках отсутствовало, именно поэтому некоторые учителя, разбирающиеся в электричестве, создавали самодельные приспособления. Во многих школах по-прежнему не было специального зала для занятия физической культурой (ПМА 2010).

Однако, ситуация с условиями работы была крайне неоднородной о чем свидетельствуют воспоминания учителей. В школах Костромской области специализированные кабинеты появляются к 1950-м годам, но в некоторых школах особенно в отдаленных селениях подобного не было до 1980-х годов. Учительница начальных классов средней школы п. Ивашово Островского района Костромской области Н.А. Лобанова вспоминает, что в 1970-е годы «никаких условий труда. Наша школа была приспособленным бараком; из наглядности доска, мел и фильмоскоп с десятью диафильмами. Специальных разработок и методических пособий не было. Начали они появляться в 80-е годы, когда меня перевели работать в Островскую среднюю школу. Вот

здесь-то я почувствовала «цивилизацию»: курсы в ИУУ[20], методические разработки, наглядные пособия. Я любила все новое, не стояла на месте; все эксперименты прошли через мое сердце: работала с детьми шестилетнего возраста на базе детского сада, обучение по системе академика Занкова (ГО), обучение по программе Виноградовой "Школа 21 века"» (ПМА 2010).

Учительница немецкого языка средней школы №7 г. Костромы Л.Н. Карагодина вспоминает, что «кабинеты в костромских школах были и в 1950-е годы, но занимались в них не постоянно (менялись между учителями, т.к. на всех не хватало), в них мел, доска, магнитная доска, картинки тематические (а чаще сами их собирали / рисовали), таблицы, диаскоп, потом где-то 1970-х годах появились проигрыватели, пластинки, позднее, в конце 1980-х годов магнитофоны» (ПМА 2010). В сельской местности по воспоминаниям учительницы средней школы поселка Судиславль Алевтины Геннадьевны Ананьевой ситуация обстояла иначе: «В 1960-е годы о специализированной кабинетной системе и мечтать не могли, ведь вся школа состояла из пяти классов, учительской и кабинета труда. Парты старого образца стояли так плотно друг к другу, что прохода к задним рядам почти не было. Учителю приходилось на все уроки приносить с собой: карты, таблицы, химические реактивы для демонстрации опытов. Методической литературы было, конечно, мало, но мы старались ее приобрести» (ПМА 2010). К концу 1960-х годов ситуация со снабжением была нормализирована, в школу во время поставлялись и учебные пособия, и оборудование, и уголь с дровами (в сельской местности).

В конце 1950-х и в течение 1960-х годов начинается строительство обновленных зданий школ и домов для учителей, но, как правило, подобное строительство делалось не качественно и наспех, под нажимом начальства. Так, например, в Островской средней школе не было сделано подвальное помещение, плохой водопровод и отопление. Для уборки здания новой школы организовывались бригады из учителей, учеников и их родителей. Благоустраива-

[20] ИУУ – Институт усоверешенствования учителей

лась и территория школы, приводился в порядок стадион и пришкольный участок. Для того, чтобы школа работала в одну смену, построили еще одно деревянное здание, где и разместили начальное звено, таким образом, мероприятие позволило развернуть программу продленного дня. Оборудовались в первую очередь кабинеты физики, химии, биологии (ПМА 2009).

Учительница русского языка и литературы в с. Владычное Нерехтского района Костромской области Мария Ивановна Груздева, вспоминает: «С 1965 г. пришлось заниматься строительством новой школы в селе Владычное, Нерехтского района. Строилась она 5 лет. Хорошо, что вырос около нас поселок Волгореченск, а начальником оказался мой земляк, Василий Иванович Амелин. Он и помог в строительстве нового здания, куда пошли дети двух восьмилетних школ и 7 начальных. Путь от школы до дома составлял около 10 километров, поэтому пришлось строить здание интерната на 120 человек. Всего детей было 287 человек. Рядом со школой стоит 12-квартирный дом для учителей. Проблем ни с жильем, ни с отоплением нет. За строительство школы я получила путевку на юг, в Геленджик» (ПМА 2009).

Учительница русского языка и литературы средней школы № 35 г. Костромы Алла Александровна Моисеева: «вот сейчас я нахожусь в кабинете и вспоминаю, что же было другое в этом кабинете в 1988 году, 21 год назад. Ну, у меня особо тут ничего не изменилось, вот оглядываюсь, на самом деле ничего не изменилось (смеется). Ну, вот именно в моем кабинете. Тот же комплект парт, стулья. Поменялись доски, конечно, доски сейчас очень красивые, магнитные. Поменялось освещение. А так вообщем-то все то же самое: шкафы, стеллажи, парты, стулья, ящики с полками, картина, часы (смеется)» (ПМА 2009).

Учительница русского языка и литературы судиславской средней школы Надежда Юрьевна Панкова, 1982 г.: «в основном, оборудование почти не изменилось за это время. Кроме компьютеров, конечно. Методические пособия в то время были, даже специальные для малокомплектных школ. В учебниках были тексты про В.И. Ленина, рево-

люционеров, пионеров и комсомольцев» (ПМА 2010).

Подводя итог, можно сказать, что производственные условия работы советских учителей с 1917 по 1991 год изменились существенно. В 1920–1930-е годы из-за низкой материальной базы многие здания школ Костромской губернии и района находились в аварийном состоянии. Учителя работали в тесных, непригодных для занятий помещениях, при скудном освещении, а подчас и отоплении. Остро стоял вопрос с методическим снабжением учителей, в классе отсутствовали письменные принадлежности, столы и даже доска.

В годы войны еще больше усложняется ситуация с освещением (нехватка керосина) и отоплением (отсутствие дров). Учителя сами изготавливали светильники, перья, чернила, из старых книг сшивали тетради.

В послевоенные годы в школах постепенно стали появляться специализированные кабинеты по предметам, снабжение школ наглядными пособиями и оборудованием улучшилось, но многое приходилось приобретать учителям самим. Электричество в это время во многих поселках отсутствовало, именно поэтому некоторые учителя, разбирающиеся в электричестве, создавали самодельные электростанции. В конце 1950-х и в течение 1960-х годов во всех районах области проводится электричество, начинается строительство обновленных зданий школ и домов для учителей, но, как правило, подобное строительство делалось некачественно и наспех, под нажимом начальства. Оборудовались в первую очередь кабинеты физики, химии, биологии. Благоустраивалась и территория школы, приводился в порядок стадион и пришкольный участок.

В целом к концу советского периода, школьные здания повсеместно были обновлены и благоустроены. Появились специализированные кабинеты, новое оборудование, которое облегчило труд педагогов. Во все школы области было проведено отопление, электричество, канализация и водопровод.

Глава 4

Бюджет времени, досуг, семья

Одной из важнейших составляющих при анализе повседневности советского учительства являются культурные потребности, досуг и бюджет времени. Изменения, произошедшие в СССР, различные социально-экономические потрясения, войны, реформы меняли жизненный устой советских граждан и их потребности, в том числе и учителей. Работа в школе, уровень и объем общественной работы, семья в сочетании с материальными лишениями не могли не отразиться на изменении бюджета времени педагога в 1920-е годы и в конце советской эпохи.

Ученые социологи и экономисты сходятся во мнении, что бюджет времени социальной группы складывается из определенных обязанностей: работа, домашний труд, труд в личном подсобном хозяйстве, удовлетворение физиологических потребностей, свободное время [образование, общественная деятельность, отдых и развлечения] (Андрейчиков 1964: 4).

Нагрузка учителей зависела и от количества учащихся в школах. Так в школах в 1920-е годы классы делились на «большие», в которых нагрузка на одного учителя составляла в среднем 45 учеников и «малые», где на одного преподавателя приходилось 38 учеников. В школах, где на каждого учителя приходилось примерно 45 учеников, работоспособность учителей к концу второй смены резко снижалась, что сказывалось и на отношении к работе, и на уровне знаний учеников.

Согласно источникам, на основную работу у педагогов в среднем уходило в сутки 8 ч. 15 мин., из которых пребывание в школе составляло 4 ч. 10 мин., подготовка к урокам – 1 ч. 23 мин., заседания – 26 мин. и общественная работа – 1 ч. 40 мин. На хозяйственные дела по дому ежедневно учителя тратили около четырех часов. Отдых составлял 1ч. 39 мин., которые слагались из 54 мин. чтения, 55 мин. развлечений и общения с людьми и 30 мин. непосредственного отдыха. Время сна в среднем равняется 7 ч. 48 мин.

Таблица № 19

Среднесуточный бюджет времени педагога в 1920-е годы[21]

Вид деятельности	**Из 24 часов**
Основная работа	8 часов 15 мин.
Подготовка к урокам	1 час 23 мин.
Общественная работа	1 час 40 мин.
Педагогические собрания, курсы и др.	26 мин.
Отдых	1 часа 39 мин.
Хозяйственные дела по дому	4 часа
Личная гигиена	9 мин.
Сон	7 часов 48 мин.

Как разъясняют авторы исследования, время пребывания в школе, подготовки к урокам и домашней работы распределялось по дням недели довольно равномерно, но того же нельзя было сказать о времени заседаний и отдыха. Понятно, что педагог проводил на заседаниях не 26 мин. ежедневно, а происходило это один или два раза в неделю на заседаниях, которые длились 1,5 или 3 часа. То же нужно сказать и о времени отдыха, которое в большей своей части приходилось на воскресный день, если только этот день не был занят работой по домашнему хозяйству. Общественная работа, заполняла значительную часть дня педагога. Исследование бюджета времени показывает большую загруженность педагога умственной работой при значительном количестве времени (свыше 4 часов в день), которое уходило на ведение домашнего хозяйства. Заседания и общественная работа поглощали почти все время учителя, свобод-

[21] Таблица составлена по: Гибельман И., Равнин И., Фузер Е., Соколов Я. Труд и здоровье педагога. Научно-популярные очерки по материалам обследования института им. В.А. Обуха по изучению профессиональных болезней. М., 1926. С. 91.

ное от непосредственной педагогической работы, оставляя очень мало времени для удовлетворения личных интересов. Времени для отдыха у педагогов было недостаточно и распределялось оно неравномерно.

Отдельного рассмотрения заслуживает бюджет времени педагогов во время Великой Отечественной войны. Это объясняется тем, что в условиях военного времени существовали свои законы, которые существенно отразились на жизни учителей. По решениям народного суда и административным постановлениям видно, что за малейшее нарушения порядка и трудовой дисциплины, в том числе опоздания или прогула рабочего дня без уважительной причины, педагога могли привлечь к административной, а иногда и уголовной ответственности, в виде исправительных работ на производстве или по месту работы с отчислениями в пользу государства от 15 до 20 % от общей суммы заработной платы (ГАНИКО. Ф. 472. Оп. 5. Д. 23. Л.13, 13 об. 15.). К тому же из постановления Ярославского ОБЛОНО от 28 июля 1941 года, которое было отправлено во все РОНО (Там же: 15), видно, что учителям в условиях военного времени отпуска не давались, и составлялись планы участия и привлечения учителей для работы в колхозах и областной промышленности. Так учителя обязательно участвовали в летней кампании по заготовке дров, обработке сельскохозяйственных угодий, обработке пришкольных участков (средняя школа – 1 га, неполная средняя школа – 0,5 га, начальная школа – 0,25 га) и других видов работ (ГАКО. Ф. Р-2345. Оп. 5. Д. 4. Л. 4). Учительница начальных классов Ескинской неполной средней школы Солигалического района Любовь Николаевна Комиссарова вспоминает: «В воскресение приходилось работать в колхозе, настаивала 4-5 возов сена или тресы (льна), позднее помогала бригадиру заполнять учетные книжки, собирали посылки на фронт, сушили брюкву, морковку, лук, свеклу и т.д.. Роль жены, матери и учительницы совмещать было очень тяжело. Постоянно приходилось преодолевать проблемы: как накормить детей, как их одеть, как накосить сено на корову и т.д.» (ПМА 2010).

Для сравнения изменений, произошедших с 1920-х го-

дов в бюджете времени педагогов, мы провели опрос у 105 учителей, которые работали или начинали работать в 1980-е годы. Основные итоги мы выразили в таблице, для сравнения и сопоставления бюджета времени педагогов в начале советского периода и 1980-х годах.

Таблица № 20

Сравнительные показатели бюджета времени среднего советского учителя (1920-е и 1980-е годы)[22]

Вид деятельности	**Из 24 часов / 1920-е годы**	**Из 24 часов / 1980-е годы**
Основная работа	8 часов 15 мин.	6 часов
Подготовка к урокам и проверка тетрадей	1 час 23 мин.	2 часа 30 мин.
Общественная работа	1 час 40 мин.	2 часа
Педагогические собрания, курсы, семинары, конференции	26 мин.	1 час 30 мин.
Отдых	1 часа 39 мин.	2 часа
Хозяйственные дела по дому	4 часа	2 часа
Личная гигиена	9 мин.	30 минут
Сон	7 часов 48 мин.	8 часов

Таким образом, учителя на работу в школе тратили примерно 6 часов в день, подготовка к урокам занимала существенную часть личного времени – 2,5 часа, также немалую долю уходило на общественную работу, повышение квалификации и прочие административные дела – 3,5 часа в день. Данная ситуация учитывает и то, что у учителей каждый день не было педагогических собраний, курсов или конференций, но в целом, при общем расчете бюджета времени, они тратили каждый день на этот вид деятельно-

[22] Составлено автором на основе анализа интервью с учителями. Кострома, 2011.

сти по 1,5 часа, а иногда и более. Если сравнивать бюджет времени советского педагога 1920-х и 1980-х годов, то изменения произошли несущественные. По-прежнему основная часть времени тратилась на работу и подготовку к ней, личная жизнь и семейные хлопоты уходили на второй план. Существенной нагрузкой была административная и общественная работа, которые отнимали личное время учителей. В итоге хотелось бы отметить, что советский педагог должен был выполнять функции не только учителя и носителя знаний, но и общественно-политического активиста, причем желания и возможности учителей не учитывались.

Другой составляющей бюджета времени советского учителя было свободное время, которое распределялось между семьей, кругом общения и досугом. Конечно, эти категории условные и у некоторых учителей совпадали, иногда сливались, либо полностью посвящались чему-то одному, как правило, семье. Вместе с тем, наблюдаются определенные приоритеты в бюджете свободного времени, которые мы и рассмотрим ниже.

Постоянная занятость учителей в 1920–1930-е годы в различных кампаниях фактически не оставляла им не только свободных минут, но и времени на семью. Здесь, безусловно, применялся постулат большевиков о том, что народный учитель является важнейшим звеном революционных преобразований в стране и «опорой советского строя» (Ленин ПСС: 366).

Вместе с тем, большие физические и нервные нагрузки, а также реальная практика работы с населением (взрослыми и учениками) показывала, что в летнее время в сельской местности практически невозможно было привлечь население любого возраста к всеобщему начальному обучению из-за большой занятости в сельском хозяйстве, или отраслей народного хозяйства в городах. Так или иначе, сам распорядок и годовой цикл, заставлял власти предоставлять учителям отпуск в летнее время.

Источниками анализа свободного времени педагогов военного и послевоенного периода выступают интервью, проведенные автором.

В конце 1940–1950 гг.: «… на первом месте в течение

всей жизни была работа. Все школьные и иные рабочие моменты были превыше домашнего и бытового» – А.И. Низов учитель, директор Ескинской неполной средней школы Солигалического района (ПМА 2010).

«Время распределялось по необходимости. Если надо – идем с ребятами на природу, разводим костер, рассказываем интересные истории и не замечаем, что уже темнеет. А дома тоже ждут теплоты и внимания. Разумеется, семьей и миром в ней я очень дорожил. С женой размолвок не было, хоть и нелегко ей приходилось с двумя дочерями. Я чувствовал, что не хватает меня на все» – А.Н. Шистеров, учитель средней школы пос. Боровский Пыщугский район (ПМА 2010).

И еще ряд интересных штрихов распределения рабочего и свободного времени: «Весь день, а часто все время, отличное от сна, тратилось на работу: проведение занятий и подготовку к ним, посещение библиотеки, либо посещение книжных магазинов; общественные и партийные нагрузки… Домой я ходил только поесть, а потом опять уходил в школу. Там по вечерам собирались ученики; их родители – многие обучались грамоте вместе со своими детьми, а то и без них. В то время было принято, если не работал клуб, то приходить в школу для проведения каких-либо мероприятий, подготовки к каким-либо праздникам и событиям и просто пообщаться – «на посиделки»» – А.И. Низов (ПМА 2010). И еще одна деталь воспоминаний А.Н. Низова – «Первый раз на море семьей поехали уже после войны, в 1955 году» (ПМА 2010).

Таким образом, в 1940–1950-е годы школа и учителя были не только центром образования, но и центром культуры, организации и деятельности кружков, факультативов, проводниками советского образа жизни на селе. В этих условиях учителя были незаменимыми фигурами не только распространения идей и знаний, но и организации населения в провинции. Тем не менее, источники фиксируют и личную, семейную жизнь и даже семейный отдых на море, который появляется у учителей с 1950-х годов.

Определенные перемены в отношении свободного времени происходят в 1960–1970-е годы. В это время учителя

говорят о выходных днях. В тоже время «выходные» представляются скорее как исключение, подарок: «единственный день для отдыха – суббота, так как воскресение уходило на подготовку к урокам» – учитель иностранных языков школы № 25 г. Костромы Т.М. Коркунова (ПМА 2009).

В ответах встречаются также и соотношение рабочего и свободного времени: «на работу, на проверку тетрадей – 80%, а домашние дела – 20%» – учительница начальных классов Островской средней школы Н.А. Лобанова (ПМА 2010).

Иногда бывали и сетования – «конечно, в сравнении с современностью – школа отнимала больше времени, чем муж и дети» – Т.В. Жохова, учитель истории школы № 15 г. Костромы (ПМА 2009).

Учительство, как социальная группа имела преимущественно женский состав, о чем мы более подробно рассказывем в отдельном параграфе. Поэтому характеризуя бюджет времени учителя, мы бы хотели рассмотреть такой аспект, как декретный отпуск или отпуск по уходу за ребенком. 15 ноября 1922 года вступил в действие новый Кодекс Законов о Труде. В кодексе наряду с новыми правилами приема на работу, отпусками и другими актами устанавливается и декретные отпуска для женщин: шесть недель до родов и шесть недель после родов – для работниц умственного труда и восемь недель – физического труда (Статья 132 1922). Эта система с небольшими изменениями просуществовала до 1971 года. Интересно, как молодые мамы – учительницы, имея маленьких детей и находясь в совершенно незнакомой местности, не обладая возможностью обратиться к родственникам, находили выход из трудных ситуаций и все равно преподавали в школе: «трудностей хватало, особенно с детьми. Ведь декретный отпуск по уходу за ребенком был всего 2 месяца, яслей не хватало, на няню не было денег, а родственники далеко. Положительным было то, что люди тогда были намного добрее, друг другу помогали и администрация школы была внимательнее, шла навстречу нам, трем мамам и делала расписание так, чтобы мы могли сидеть с детьми по очереди, 3-4 месяца мы выходили из положения» – учитель иностранных языков школы № 7 г. Костромы Л.Н. Ка-

рагодина (ПМА 2010). Учительница иностранных языков средней школы № 15 г. Костромы Варвара Ивановна Платонова вспоминает, что: «Декретный отпуск, в 1957 году, был 36 рабочих дней, а потом должна была выходить на работу. В то время были специальные ясельные группы, для детей до года. Переживала очень, сложно было морально, ведь за маленькими детьми нужен особый уход, а когда их 20 или 25 человек в одной группе, разве за всеми усмотришь? Но выбора другого не оставалось, бабушек и нянек не было, поэтому пришлось 6 месячного сына отдать в такие ясли» (ПМА 2011).

Согласно новому КЗОТУ 1971 года женщинам предоставлялись отпуска по беременности и родам продолжительностью семьдесят (в случае многоплодной беременности – восемьдесят четыре) календарных дней до родов и семьдесят (в случае осложненных родов – восемьдесят шесть, при рождении двух или более детей – сто десять) календарных дней после родов. Кроме того, по желанию учительницы могли получить право на уход за ребенком до трех лет (КЗОТ 1971).

Несмотря на это, многим молодым матерям приходилось раньше положенного срока выходить на работу. Особенно тяжело таким учителям было проводить вечерние мероприятия в школе – педсоветы, родительские собрания. Поэтому, несмотря на то, что появляется время на семью, в ответах звучали оценки «времени на семью оставалось мало», «воспитанием детей занимались вечером и утром по дороге в садик или школу» – Т.М. Коркунова (ПМА 2010).

Наблюдались в 1960–1980 гг. и определенные различия в проведении досуга учителей сельской местности и городах. Так учителя сельских школ отдыхали летом, как правило, в своей местности, так как «на море выехать всей семьей не могли из-за отсутствия средств, да подсобное хозяйство не позволяло далеко и надолго уехать» (ПМА 2010). Тем не менее, повсеместно учителя приводят такой вид досуга, как посещение кино. Впрочем, оставались в сельской местности и отголоски прежних лет: «Учительские коллективы часто выступали с концертами перед местным населением: песни, стихи, инсценировки… Летом организовывали производ-

ственную бригаду из учителей и учащихся старших классов для заготовки сена для колхоза “Путь Ленина”» – Н.П. Павлова, учительница средней школы с. Усть-Нея (ПМА 2010).

В то же время среди городских учителей появилась возможность отдыхать на море, но не вместе, а по очереди «на две путевки одновременно (с мужем) денег не хватало» (ПМА 2009).

В 1960–1980-е годы получила развитие такая форма проведения свободного времени вместе с учениками, как экскурсии. Наибольшее распространение получают 1–3 дневные экскурсии из сельской местности в Кострому (цирк, театр), литературные музеи России – Константиново (Рязанская область), Щелыково (Островский район, Костромской области), Карабиху (Некрасовский район, Ярославской области). Учителя собирали средства с родителей, помогали деньгами и профессиональные союзы на выезды с учениками до 4-6 дней в Ленинград, Москву. Получают распространения путешествия на теплоходах по Волге до Волгограда – учителя средней школы № 15 г. Костромы. Однако, данный вид досуга скорее можно отнести к общественной работе, чем к отдыху (ПМА 2009).

Путешествовать учителя сельской местности Костромской области в 1970–1980-е годы также имели определенные, хотя и более скромные возможности. По воспоминаниям Н.П. Павловой, учительницы средней школы с. Усть-Нея, Макарьевского района Костромской области «учителя с ребятами на метеоре ездили по Волге до Юрьевца, Нижегородской области, в течение одного дня посещали краеведческий музей, качались на качелях, любовались природой» (ПМА 2010). Тем не менее, несмотря на свои скромные возможности Н.П. Павлова с учениками посетили Ульяновск, Ярославль, Москву и др.

В качестве заключения хотелось бы отметить, что свободного времени у учителей практически не было до конца советской эпохи. По-прежнему на первом месте была работа и только потом семья, во многих случаях, учителя жертвовали своим семейным благополучием. Только в 1960-е годы появляется некоторая возможность отдыха не только в родных краях или на дачном участке, но иногда и на море. Вместе с тем, любовь к своей профессии зачастую перечеркивала все трудности.

ЧАСТЬ IV

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК СОВЕТСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Молодые учительницы, 1930-е годы
(Личный архив автора)

Глава 1

Социальное происхождение и уровень образования советских учителей

В понятия «облик» и «портрет» автор вкладывает обобщенную характеристику социума, обращая внимание, прежде всего, на те факторы, которые в наибольшей степени отражались на восприятии учителей советской провинции: социальное происхождение, образование, размещение (село-город), наконец, отношение других социальных групп к учителю советской эпохи.

Большой отрезок времени – семьдесят три года Советской власти, колоссальные в этот период социально-экономические эксперименты: индустриализация, коллективизации, культурные преобразования и связанные с ними процессы урбанизации, Великая Отечественная война оказали мощное воздействие на изучаемый социальный слой. Проведенное исследование показывает, что облик учителя при схожести определенных черт все же не был однозначным и менялся в связи со сменой эпох, приоритетов и политики советского времени.

Особое внимание в начале революционной эпохи советское правительство уделяло социальному происхождению учителей. Это было вызвано тем, что учителя призваны были участвовать в воспитании нового коммунистического общества. Большевикам нужно было, чтобы это происходило в соответствии с их революционными идеалами. Вполне естественно, воспитание нового человека ставило задачей формирование особого типа учителя, что неизбежно вело к изменениям ряда количественных и качественных показателей: социального происхождения, уровня образования, характерных человеческих качеств, определяемыми восприятием их населением СССР (ГАКО Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 39. Л. 2).

Как показывают статистические обследования первого десятилетия советской власти, основными источниками

пополнения учительства в целом по России становятся: крестьянство – 49%, служащие – 15,2%, рабочие – 8,7%, прочие сословия (духовенство, дворянство, мещане и др.) – 27,1 % (Всесоюзная школьная перепись 1930: IX).

Вместе с тем, при всей схожести состава учителей, в ряде регионов России проявляется своя специфика этого процесса. Так, в Костромской губернии в общем составе учителей представители служащих (бывшие земские служащие, потомственные учителя и др.) составляли 46,1%, выходцы из духовенства – 22,8%, крестьянства – 15,2%, мещанства – 11,2%, рабочих – 3,6%, дворян – 1,1% (ГАНИКО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 504. Л. 12). Следовательно, в ряде регионов России, основными источниками пополнения учительства были представители далеко недружественных власти социальных слоев – служащих и духовенства. Тем более, доля учителей пролетарского происхождения, к чему особенно стремились большевики, в губернии составляла всего 3,6%. Между тем, в целом по региону Верхнего Поволжья удельный вес выходцев из рабочих в учительской среде школ I ступени составлял 6,5%, доля служащих – 23%, а крестьянства – 45,6% (Малкова 2004: 79.).

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. партия большевиков проводит так называемую политику социальной реконструкции и предпринимает усилия по изменению социального состава учителей, с целью повышения удельного веса «рабоче-крестьянской группы в педвузах до 65%, а в педтехникумах до 80%» (Народное образование в СССР 1974: 419).

В Костромском округе, первоначально входившей в Ивановскую промышленную область, а с 1936 года – в Ярославскую область, к концу 1930-х гг. наблюдается своя специфика: учителя, выходцы из рабочего сословия составляли всего 6,4%, в то время как из крестьян – уже 75,5%, служащих – 12,8%, духовенства – 3,2%, батраков – 2,1%, прочих – 6,4% (ГАНИКО. Ф. Р-403. Оп. 2Л. Д. 2. Л. 1–94). Таким образом, перемены десятилетия так называемой социалистической реконструкции, где важную роль в этих процессах большевики отводили учителям, а также преимущественно аграрный состав населения, сказался и на составе учителей Костромского округа в 1930-е годы. Зна-

чительно увеличилась доля педагогов крестьянского происхождения, почти в 2 раза – из рабочих, в тоже время в 7 раз падает доля происходивших из духовенства и в 3,6 раза – из служащих. Указывать происхождение из классово-враждебного сословия дворян было невозможно, по всей видимости, их скрывали в графе «прочие».

Процессы урбанизации, активно развивавшиеся в 1950–1960-е годы непосредственно затронули Костромскую область, изменили структуру населения. Если в 1939 году доля работавших в народном образовании в сельских районах была 77,7%, то к 1970 году в городах и поселках городского типа проживало уже 70,1% всех работников народного образования (Всесоюзная перепись 1939 года 1940: 120; Народное хозяйство в Костромской области 1990: 23). Это соотношение сохранилось до конца советского периода, а учителя в городах в 1990 году составили 70% всех педагогов Костромской области (Народное хозяйство в Костромской области 1990: 34).

Рост городов и промышленности также повлияли на состав учительской интеллигенции Костромского региона. Конечно, идеологический императив обследований оставлял только «дружественные» классы общества, поэтому статистика информирует, что из рабочих происходило 31,5% учителей, из служащих – 68,2%, а из колхозников – 0,3% (Народное хозяйство в Костромской области 1990: 126).

Следовательно, несмотря на все усилия советской власти, основным источником пополнения учительской интеллигенции к концу существования СССР становятся служащие – в основном выходцы из семей учителей, врачей, работников культуры, партийного и советского аппарата. Это показывает достаточную устойчивость к идеологическому воздействию учительской группы и независимый статус учителей к 1990-м годам, а также сформировавшиеся традиции пополнения этого профессионального сообщества.

Формируя состав учительской интеллигенции в соответствии с революционной идеологией, правящий режим стремился создать прочную социальную опору для работы с учительством, привлечения его к реализации своих политических установок и планов. Особо пристальное внимание

власть уделяла формированию среди сельской интеллигенции коммунистического ядра, призванного стать ее авангардным отрядом. Укрепление партийно-комсомольского состава учителей шло путем подготовки новых кадров, мобилизации коммунистов и комсомольцев на педагогическую работу в систему краткосрочных курсов.

Следующим и не менее важным аспектом анализа данной социальной группы в условиях меняющейся советской повседневности является уровень образования, как одна из важнейших составляющих образа советской учительской интеллигенции. В 1919–1920 гг. Советская Россия имела всего лишь 108 тыс. учителей, из них с высшим образованием 3,5 тыс. (3%), со средним педагогическим – 13 тыс. (12%), общим средним – 45 тыс. (42%), незаконченным средним 11 тыс. (10%), средним духовным – 2 тыс. (2%), с низшим и домашним – 18 тыс. (17%) (Народное образование в СССР 1985: 325.). Из этих данных видно, что уровень образования учителей был не очень высоким, что конечно, влияло и на качество преподавания. Ситуация стала меняться уже к концу 1920-х годов. По данным Всесоюзной школьной переписи 1927 года большинство учителей имели среднее профессиональное образование – 82,1%, хотя еще достаточно высока была доля учителей, имеющих образование ниже среднего – 15,1%. Что касается высшего образования среди учителей, то за 1920-е годы уровень его даже несколько снизился – 2,8%, вместо 3% в первые годы советской власти (Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 года 1930: IX–X). По-видимому, это связано с миграционными процессами, с тяжелым экономическим положением школы, а также с медленным становлением системы советского высшего образования.

Уровень образования напрямую зависел от местажительства учителя и типа школы, в которой он преподавал. Согласно источникам, проанализированным автором, видно, что в квалификации сельские учителя заметно уступали городским. В сельской местности в 1927 г. с высшим образованием в начальной школе работало 0,7%, а в средней – 23,5% учителей. В городах среди учителей начальной школы высшее образование было у 6,5%, а в средних

и неполных средних школах этот процент вырастал до 43,3%. Основная же масса учителей имела среднее образование, как 1927 г., так и 1933 г. Показательно, что уровень образования сельских учителей не только не растет в эти годы советской власти, но и уменьшается. Этот факт явился следствием «чистки учительской интеллигенции» (Народное просвещение №8–9 1930: 134.), которая началась в 1929 году и закончилась 1933 году. В результате чистки количество зачастую незаконно уволенных учителей, в некоторых районах достигало 45%, это и стало причиной снижения региональных показателей образовательного уровня педагогов.

Проведенные преобразования в высшей школе, открытие институтов в провинции в 1930-е годы изменили ситуацию с квалифицированной подготовкой учителей. К 1940 году в стране 36% (344 тыс.) советских учителей имели высшее образование, а 63,5% (600 тыс.) среднее специальное. Вместе с тем в Ярославской области, в состав которой входил и Костромской округ, численная доля учителей с высшим образованием оставалась невысокой – 11,4%, неоконченной высшее было у 10%, а среднее (как общее, так и специальное) у 63% учителей (Малхасян 2010: 295–297).

Тем не менее, по сравнению с предшествующими десятилетиями уровень профессиональной подготовки учителей постепенно возрастал. Количество педагогов с высшим образованием достигло 11,5%, кроме того, 10,1% учителей получили неоконченное высшее образование. Основная масса педагогов имела среднее образование, и составляла 63% от общей численности преподавателей (Ярославская область за 50 лет: очерки, документы, материалы 1986: 46). Все это говорит о постепенном, хотя и медленном росте среди советских учителей доли квалифицированных специалистов.

Наиболее значительный рост квалификации происходит в послевоенные 1946–1959 гг. Количество педагогов с высшим и средним специальным образованием к 1960 году стала составлять 73% (Народное хозяйство Костромской области 1969: 158, 185), что не могло не повлиять положительно на формирование облика провинциальной учительской интеллигенции. Тенденция

роста доли учителей с высшим и средним образованием продолжилась и в последующие десятилетие советской власти.

Среди учителей становится все больше профессионалов с высшим образованием и стремительно уменьшается доля тех, кто не имел полного среднего образования. В последующие десять лет изменения также происходили в лучшую сторону. Число учителей с начальным и неполным средним образованием сократилось до 25,5%. Таким образом, неуклонно повышался образовательный уровень педагогов, в том числе и провинциальных.

Глава 2

Социально-психологический портрет российского учителя советского времени

Важной составляющей портрета учителя, значимой для восприятия его образа, является его внешний вид. Поэтому характеристику представлений о психологической сущности педагога начнем с воссоздания внешнего облика учителя в разные периоды советской власти. Для этого автором книги помимо периодической печати и источников личного происхождения, были использованы анкетно-биографические обследования, проведенные в 2009–2011 годах в 17 районах Костромской области. Опросы проходили по определенной схеме-опроснику, составленному автором. Воспоминания о внешности учителей дает возможность воссоздать совокупный облик советского учительства и проследить его изменения, так как внешний вид, манеры, характер позволяет выявить специфику и более детально охарактеризовать ту или иную социальную группу советского общества. Советский педагог и писатель А.С. Макаренко говорил: «Я должен быть эстетически выразителен, поэтому я ни разу не вышел с не почищенными сапогами или без пояса. Я тоже должен иметь какой-то блеск, по силе и возможности, конечно. Я тоже должен быть таким же радостным, как коллектив. Я никогда не позволял себе иметь печальную физиономию, грустное лицо. Даже если у меня были неприятности, если я болен, я должен уметь не выкладывать всего этого перед детьми... Я не допускал к уроку учителя, неряшливо одетого, поэтому у нас вошло в обыкновение ходить на работу в лучшем костюме. И я сам выходил на работу в лучшем своем костюме, который у меня был. Так что все наши педагоги ходили франтами» (Макаренко 1952: 364, 366).

Высказывание А.С. Макаренко – это идеальный образ для учителей. Однако на практике не все учителя, особен-

но в 1920-е гг. имели возможность одеваться, как «франты», потому что скромный учительский доход не позволял иметь даже один хороший костюм. По воспоминаниям жителей области, а также самих педагогов о своих учителях, представляют следующие образы:

1920 годы. Учительница сельской школы одета также, как и ребята: в домотканую юбку, лапти, волосы заплетены в косу. Другая учительница одета в городское платье, сверху тулуп (Народное просвещение, 1929: 42–43.).

В это же время, городские учителя одеты лучше. Воспоминания отражают шелковые платья, туфельки или сапожки, иногда даже встречаются ажурные чулки (Там же: 43).

Первая учительница моя – Нина Ивановна. Она жила в деревне Никольское, вела все предметы для всех учеников школы и была очень молоденькой. Всем жителям было известно, что учительница не местная, приехала в Никольскую школу издалека, вроде бы с севера. В сельсовете дали ей комнату для житья, но у нее кроме своих носильных вещей ничего не было. У нее была толстая коса, которую она укладывала короной на голове и от этого становилась более взрослой и серьезной (ПМА 2009–2011).

Молодая, среднего роста женщина. В темном платье с белым воротником, стрижка типа «Каре», аккуратно уложенная (ПМА 2009–2011).

Начало 1930-х годов. Одежда у моей учительницы была темного цвета. Юбка и кофта. Волосы убраны в пучок (ПМА 2009–2011).

Предвоенные годы. Среднего роста женщина, с короткой стрижкой, но волосы всегда были аккуратно уложены. Одевалась скромно: темную юбку с легкой кофтой, наверх накидывала теплый вязаный жакет (ПМА 2009–2011).

1944 год. Образ моей первой учительницы: волосы зачесаны в узелок. Одевалась всегда скромно, темного цвета сарафан или юбка с жилеткой, обязательно белая блузка (ПМА 2009–2011).

Анализируя воспоминания можно отметить, что все образы учителей 1920–1940-е годы схожи. Скромный доход учителей позволял приобретать, только необходимую одежду. В гардеробе у педагогов был как правило только один

комплект одежды. Вместе с тем, определенный дресс-код присутствовал. Все респонденты, описывая своих учителей, отмечали преимущественно темный цвет и скромность в одежде. В сельской местности педагоги одевались хуже, это было связано с постоянным задержками заработной платы, отсутствием магазинов и необходимых товаров. Иногда педагоги носили домотканую одежду, лапти или валенки Эти элементы одежды сохранились до 1940-х годов. Тем не менее, несмотря на все трудности и сложно учителя старались одеваться аккуратно, хотя и скромно.

Ситуация изменилась только после Великой Отечественной войны:

Описывая себя в начале своей карьеры в 1946 году, могу отметить, что был я молодым мужчиной лет 25–28, с достаточно большой лысиной. В увеличивающих глаза круглых очках, из-за большой близорукости. Форма одежды – военный китель без погон, в виде френча; брюки-галифе, заправленные в сапоги (сапоги военные летом и осенью) и бурки (бело-серые валяные с ремешками (типа валенок) зимой. Осенью и зимой была шинель, осенью – военная фуражка, а зимой – каракулевая шапка (считалась шиком). Ее можно было перекупить у вдов бывших военных. Я и сейчас люблю носить их. В более поздний период появилась возможность приобретать костюмы. Предпочтительнее был костюм из серого материала – шовиотовый, с однотонной рубашкой (чаще белой, или голубой), обязательно с галстуком (ПМА 2009–2011).

Моей учительницей была Мария Андреевна – женщина белолицая, низкорослая, почти не отличающаяся от девочек 4-го класса. Одевалась Мария Андреевна очень просто, как деревенские девчонки (ПМА 2009–2011).

1950-е годы. Моя первая учительница – Галина Александровна Хробостова одевалась всегда опрятно. До сих пор помню ее платье из шифона серебристого цвета в мелкий цветочек. Мы, сельские малыши, наблюдали за ней влюбленными глазами. Она тогда была молодая, стройная, светловолосая, с короткой стрижкой. Движения плавные, уверенные (ПМА 2009–2011).

Конец 1950-х годов. В глухой деревушке на границе Га-

личского и бывшего Игодовского районов находилась моя первая школа: однокомплектная. В ней работала довольно молодая учительница 1920 г. рождения, уроженка Ивановской области, Заволжского района. Для нас – детей она была «святым» человеком. В деревнях в то время не было света, радио. Ее семья жила при школе. Муж и трое детей. Одевалась скромно, но аккуратно косы заделаны в пучок на затылке (ПМА 2009–2011).

Моей первой учительницей была Смирнова Мария Ивановна. Все ученики любили ее. Мне нравилась ее внешность, ее прическа, ее манера одеваться (ПМА 2009–2011).

Павлова Мария Алексеевна: «При первой встрече с ней меня больше всего поразило то, что она была скромная, отзывчивая и добрая. Учителя говорили о ней то, что она добросовестная, трудолюбивая, профессионал в своем деле, а ученики говорили, что она строгая, но справедливая. В свободное от работы время она воспитывала сына, и дала ему образование. Одевалась она скромно, опрятно» (ПМА 2009–2011).

1960-е годы. Альбина Анатольевна Пронина укладывала волосы в прическу. Они были светло русые, слегка подкрашенные. Одежда скромная, неяркая юбка с жилеткой или сарафан с белой блузкой. Манеры ее были благородными, сама интеллигентная и никогда не повышала голос (ПМА 2009–2011).

Длинные волосы, забранные в пучок, брюнетка, кареглазая ношу разнообразные одежду: юбки, брюки, костюмы, обувь по сезонам (ПМА 2009–2011).

1970-е годы. Завадская Нина Дмитриевна – моя первая учительница, наш выпуск у нее был первый, поэтому она была молодая, стройная, красивая. У нее была короткая стрижка, светлые волосы, она всегда была подтянута, одета всегда строго, со вкусом (ПМА 2009–2011).

Это была настолько эффектная женщина: яркая, эмоциональная, с красивой прической, всегда при макияже, с улыбкой на лице, очень красиво одетая, ну просто «луч света в темной царстве» одинаковых учительниц в серых советских сарафанах (ПМА 2009–2011).

Альбина Федоровна Кузнецова: одежда, внешность,

прически соответствовали представлениям о школе 70-х: короткая стрижка, практически отсутствовал макияж (слегка подкрашивала губы в цвет естественный), коричневый костюм и меняющиеся однотонные блузки, обязательно юбка – брюки в то время учителя не носили (ПМА 2009–2011, Т.В. Жохова, 1960 г.р.).

Конец 1970-х годов. Светлана Михайловна – это был очень хороший человек с добрыми глазами. Она любила всех детей. Полноватая женщина в очках с пучком на голове. У меня о ней остались самые теплые воспоминания (ПМА 2009–2011).

Ее прическа, это короткая стрижка, укладку делает сама. Одежды имеет много, любит красиво и модно одеться, обувь сейчас предпочитает на низком каблуке из-за того, что так ногам комфортнее, хотя очень нравится каблучок, но не может себе это позволить. Раньше, когда была молодая, то носила обувь на каблуке» (ПМА 2009–2011).

1980-е годы. У меня был деловой вид одежды. Обувь: в школе, как правило, я пыталась ходить на каблуках. Приходилось носить юбки и классические костюмы. Сейчас же, я больше увлекаюсь дизайнерскими вещами, люблю яркий цвет и различные аксессуары (ПМА 2009–2011).

Зарплата позволяла иметь пять пар туфель: 2 черных, белые, красные и синие. Одежду я всегда шила сама: и себе, и мужу, и детям. В магазинах выбрать было нечего, помогала «Бурда». Поэтому одевалась стильно, современно. Абсолютно уверена, что внешний вид учителя играет очень большую роль в его работе. Никогда не приду в школу без укладки и макияжа. Моде следую, первая в школе одела юбку выше колена, но все в пределах разумного, поэтому замечаний по поводу внешнего вида не получала (ПМА 2009–2011).

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы» (1972 г.) выдвинуло к учителям требования всем своим поведением, во всех своих поступках и действиях служить примером для учащихся, быть образцом высокой коммунистической нравственности, идейной

убежденности, культуры, принципиальности и широкой эрудиции.

Вместе с тем, облик учителей продолжал отличаться в зависимости от того, жил он в городе или деревне. В рекомендациях методисты указывали учителям, в первую очередь, обращались к сельскому учительству: «Педагог должен жестко, строго следить за собой, чтобы не поколебать своего авторитета. Учитель должен в глазах ребенка возвышаться над многими взрослыми людьми. Он должен быть именно красивым человеком. Самым честным, самым справедливым, знающим, мужественным и вместе с тем самым чутким, сердечным, жизнерадостным, жизнеспособным, веселым, даже внешне самым привлекательным человеком» (О профессиональной этике учителя 1963: 27). Подобные рекомендации были необходимы для провинциальных учителей, потому что условия жизни и бытовые трудности приближали их к простым крестьянам: «В одном селе Г. Топоркова около школы встретила совсем молоденькую учительницу. Та спешила, видно, опаздывала на урок. Платье и туфли забрызганы грязью, волосы не причесаны. “Коровник чистила, а переодеться не успела”. Журналистка спросила: разве в городе вы пошли бы на урок в таком виде? То город, – отвечает учительница, – а здесь деревня, здесь внимания на это не обращают» (Там же: 28.). Именно поэтому внешний облик учителя, позволявший ему завоевать нужный авторитет у учащихся, в этой ситуации не отвечал требованиям. Но это было скорее исключением, так как ученики в своих воспоминаниях в абсолютном большинстве указывают на другие факты. «Ее платье и прическа, – пишет ученица о любимой учительнице, – всегда просты и красивы. Одевалась она со вкусом: платье во время занятия у нее было темное с белоснежным воротничком. Все говорило о ее аккуратности. У нее все было хорошо: внешность, голос, походка, и это нам нравилось». Случались и курьезные случаи, когда ученики подмечали недочеты во внешности педагогов: «Девочки, девочки! Смотрите... у Екатерины Ивановны на чулке дырка...

– Где?

– Да вот... Видишь? Пятка светится. На правой ноге...

– Вижу, вижу! Ой, как ей не стыдно» (Там же: 29-30). Именно из-за таких случайностей, учителя нередко получали обидные прозвища: «швабра», «портянка» (ПМА 2009–2011).

Внешний облик советского учителя, если основываться на описаниях самих педагогов, а также школьников того времени, был в подавляющем большинстве традиционным в советские годы. Почти всегда одетые в строгие костюмы или платья мужчины и женщины, в большинстве случаев полное отсутствие макияжа. Волосы всегда уложены, у женщин – это либо короткая стрижка «явившаяся следствием нехватки времени», либо «длинные волосы, аккуратно забранные в пучок» (ПМА 2009–2011).

Если рассматривать воспоминания разных лет, то респонденты, описывая облик своих учителей и себя лично, используют одинаковые слова. Многие характеристики учителей фактически повторяются. В послевоенные годы некоторые учителя Костромы стали наносить макияж, но это были единичные случаи: «Она поразила меня тем, что была проста: длинные светлые волосы, которые она постоянно собирала в пучок на затылке; с зелеными глазами, длинными ресницами, остреньким носиком и ярко накрашенными губами» (ПМА 2009–2011). Макияж стал распространяться только в конце 1970-х годов. Относительно одежды, на протяжении всего советского периода сохранялся ее жесткий регламент и консервативность. Для мужчин – костюмы, для женщин – платья и сарафаны, предпочтение отдавалось темным и неярким цветам. Таким образом, можно сделать вывод, что сдерданность внешнего вида учителя была частью строгого регламента, поскольку его одежда и прическа были важной составляющей воспитательной работы среди учеников.

Мы также проанализировали манеры и поведение учителей. Многие респонденты сходились в том, что учителя всегда были интеллигентными, редко повышали голос, в то же время строгими и требовательными. «Внешний вид и культура поведения учителя неотделимы друг от друга, они взаимообусловливают и дополняют друг друга». Они

входили в требования к личности педагогов со стороны партийного руководства (О профессиональной этике учительства 1963: 33).

Воспоминания следующим образом отражают эту сторону облика учителей:

1930-е годы. Котомкин Константин Михайлович, выходец из бедной крестьянской семьи, очень чуткий человек и коммунист. Его очень все уважали и учащиеся, и родители. Хороший семьянин, заботился об учащихся и помогал ребятам из бедных семей. Старейшим учителем был преподаватель русского языка и пения Лебедев Александр Александрович, он же заведовал и библиотекой. Это был чуткий, добрый человек, уважаемый преподаватель. Давал глубокие знания по своим предметам, сумел многим привить любовь к чтению художественной литературы и музыке. Был добровольным наставником в общежитии учащихся». (ПМА 2009–2011).

Филипп Игнатьевич был образцовым сельским жителем и простым, доброжелательным человеком. В мои школьные годы на учителя смотрели как на Бога, потому что его считали образцом духовного и внешнего облика. В те времена учитель был на высоте! О нем не думали плохо, а тем более не обсуждали, так как он не совершал плохих поступков (ПМА 2009–2011, С.С. Леонтьев, 1922 г.р.).

1950-е годы. Учитель на селе, уважаемый человек. Приходим в магазин, нам всегда уступали очередь, даже пожилые люди со словами благодарности. Например, один старичок раздвинул очередь впереди себя и сказал: «Идите милые, вы устали с нашими детками». Приятно видеть такое внимание к учителю, а мне было тогда всего 20 лет (ПМА 2009–2011, М.И. Груздева, 1933 г.р.).

«С 5-го класса я учился в Верхнеспасской семилетке. Об учителях этой школы в памяти сохранилось мало, только Борис Владимирович Годунов запомнился. Он преподавал физкультуру и военное дело. Инвалид войны, строгий, ходил с клюшкой. Построит нас – малышню с деревянными винтовками – и давай муштровать. «Видите, – говорит – вон там дерево?» Показывает протянутой рукой, и слышим громкое «Бехом!» – именно «бехом» – и мы мчимся туда и

обратно. Возвращаемся уставшие с изодранными лаптями. Ведь 4 км бежали! В классе не только учитель смотрит на ученика и составляет о нем мнение, но и ученик смотрит на дела и жесты учителя и тоже как-то по-своему оценивает их. Образ учителя – это прежде всего образ человека. Если он в главном соответствует идеалу, то остальное как бы не замечается» (ПМА 2009–2011).

«Ольга Владимировна Смирнова поразила меня тем, что была проста. Я никогда не слышала, чтобы о ней отзывались плохо. Ведь она была замечательным учителем, сколько интересных праздников проводила с нами, сколько поделок мы с ней переделали. Если мы, девочки, ссорились, Ольга Владимировна всегда старалась помирить нас так, чтобы мы тут же забывали все обиды. Отличительными чертами ее являлись: постоянное самосовершенствование, самокритичность, эрудиция и высокая культура труда. Ведь профессиональный рост учителя невозможен без самообразовательной потребности, для учителя очень важно никогда не останавливаться на достигнутом, а обязательно идти вперед, ведь труд преподавателя – это великолепный источник для безграничного творчества» (ПМА 2009–2011).

Вихарева Ангелина Константиновна. Это была знающий, требовательный учитель, умеющий донести знания до каждого ученика. Всегда аккуратная, дисциплинированная, строгая, ее ценили за справедливость, уважительное отношение к предмету, который она преподавала (ПМА 2009–2011).

1960-е годы «Павлова Мария Алексеевна. При первой встрече с ней меня больше всего поразило то, что она была скромная, отзывчивая и добрая. Учителя говорили о ней то, что она добросовестная, трудолюбивая, профессионал в своем деле, а ученики говорили, что она строгая, но справедливая» (ПМА 2009–2011).

Мою первую учительницу звали Смирнова Лилия Федоровна. После поступления в школу я слышала много хорошего о своей учительнице от родных и старших школьников. Ей было присвоено звание «Заслуженный учитель РСФСР». Учителя относились к ней уважительно, часто просили помочь, приходили на уроки. Ученики тоже ува-

жали ее. Она никогда не кричала на учеников, но ей невозможно было солгать, при ней все старались вести себя сдержанно. Мы жили в небольшом поселке, где все все знали друг о друге, поэтому мы знали о ее семейной жизни. В любой ситуации она старалась сохранять спокойствие, хотя в нашем классе было около 40 человек, в классе была тишина во время урока (ПМА 2009–2011).

1970-е годы. Завадская Нина Дмитриевна – моя первая учительница, наш выпуск у нее был первый. Всегда выдержанная, уравновешенная, работоспособная. Красильникова Юлия Сергеевна. Это мой классный руководитель с пятого по восьмой класс. Очень требовательная, строгая, хорошо знающая свой предмет. Очень талантливая, хорошо пела, плясала, вела активный образ жизни. Сейчас ей восемьдесят с лишним лет, но она не теряет жизненного оптимизма (ПМА 2009–2011).

Таким образом, учителя всегда стремились быть примером и образцом для своих учеников. Элементами повседневного педагогического стиля были дисциплинированность, уважительное отношение к изучаемому предмету, справедливость в оценке знаний учеников, требовательность к себе. В более позднее время ученики также подмечали стремление учителей к самосовершенствованию и, как следствие, к постоянному самообразованию, желание не останавливаться на достигнутом. Отмечались также эрудиция и высокая культура труда наиболее запомнившихся педагогов.

Восприятие учителя в советском обществе характеризовалось в положительных, и даже восторженных тонах, иногда оказывая решающее влияние на жизненный выбор молодежи. Так по воспоминаниям Л.Н. Комиссаровой (учительницы Верховской начальной школы Солигалического района) «отец очень хотел, чтобы я стала учителем, так как учитель в то время был очень уважаемым человеком». Усиливают восприятие учителя и повседневные бытовые условия, которые проскальзывают в воспоминаниях: «в деревнях в то время (1920–1930-е годы) не было света, радио, поэтому для нас – детей учительница была «святым» человеком» (ПМА 2009–2011).

В Костромской провинции 1920–1930 и 1940-е годы работало немало земских учителей, имевших своеобразный психологический склад. Определенные штрихи к портрету земского учителя дают отклики его бывших учеников и родственников. Офицер советской красной армии П.Н. Кирилов по случаю 50-летия педагогической деятельности Е.А. Васильева отмечал в поздравительном письме в 1945 году: «Днем Вы работали с детьми, а вечером классы наполнялись молодежью. А Вы не отказывали, работали бесплатно, чтобы в темное Ушаковское ущелье (по названию села Ушаково) пролить животворный свет «волшебного фонаря». Ваша способность художественного чтения, талант чтеца, бесспорное служение людям, простому народу, конечно, создавали в глазах молодых людей возвышенный образ учителя словесности, русского языка и литературы Евгения Арсеньевича Васильева (1874–1959 гг.)» (ПМА 2009–2011).

Впрочем, со стороны местных руководителей, председателей колхозов, сельсоветов на протяжении всего советского периода учителей зачастую встречали неблагожелательно. Так в 1929 году по окончании педагогического института в Ярославле возвратилась в п. Парфеньево Антонина Михайловна Огладина и обнаружила, что жить ей практически негде. Ее отец, проживавший в Парфеньево, был признан «зажиточным» и раскулачен. Набивший руку на притеснении классово чуждых элементов, председатель местного совета так и заявил ей: «Ты учительница? Раз так, иди работать в школу и там справляй себе жилье!». С этого момента А.М. Огладина начала более чем 30-летнюю работу в Парфеньевской школе учителем химии. Выйдя вскоре замуж за учителя математики той же школы В.С. Лебедева, они вплоть до начала 1950-х годах жили в съемном доме и лишь в 1954 году переехали в собственный дом, приобретенный на свои сбережения (ПМА 2009–2011).

По-своему характеризует эпоху 60-х годов еще один случай, произошедший с учительницей начальных классов Верховской начальной школы Солигалического района Костромской области Л.Н. Комисаровой. Учительница хорошо играла на гармошке и в религиозный праздник Троицы

односельчане уговорили ее поиграть «плясовые» на гармони, Любовь Николаевна согласилась. В это время через село проезжал уполномоченный из района, и увидел, что народ весело празднует религиозный праздник, выспросил у людей кто на гармошке играет и доложил обо всем в райкоме. Спасло Л.Н. Комисарову только то, что она была замужем за участником и инвалидом войны, однако, выговор, тем не менее, получила (ПМА 2009–2011).

Приведенные факты показывают, что авторитет и уважение простого народа зачастую не совпадало с мнением начальства, вынужденного, тем не менее, считаться с авторитетом учителя как реальностью.

Любопытные штрихи к портрету учителя провинции добавляют характеристики учителей-мужчин и учителей-женщин в изучаемый период. Роль мужчины-учителя – создание общественно значимых объектов вне школы, организация труда коллектива учеников и учителей: посадка учениками и учителями яблоневого сада на заброшенных землях, березовой рощи, благоустройство берега любимой реки (ПМА 2009–2011).

Конечно, были и предметы, которые кроме мужчин мало кто мог донести в школе. В сельской местности постоянно стремились связать теорию с практикой. Поэтому уроки труда там, как правило, с 1930-х годов заменяли изучением тракторов и машин – «машиноведение» и учителями были, как правило, бывшие механизаторы, трактористы, которых привлекали в школу те или иные обстоятельства: администрация поселка, жена-учительница и т.п. Доскональное знание машины, умение научить профессии, которая всегда востребована, все это положительно сказывалось на авторитете учителей-мужчин (ПМА 2009–2011).

И еще одна ипостась учителя-мужчины: работа с трудными подростками. Умение мужскими методами, иногда примером организации практических работ объяснить трудным подросткам-мальчикам непреложный нравственный закон, что нарушителей ждет наказание, что «общественные нагрузки – важная составляющая жизни коллектива». С другой стороны, правильная и внимательная организация уроков и регулярная подготовка к ним позволила органи-

зовать второгодников и подростков из неблагополучных семей, дать им восьмилетнее образование, пристроив впоследствии к определенной профессии (ПМА 2009–2011). Конечно, ситуации бывали разные, но именно мужское воспитание часто спасало, казалось бы, безнадежных подростков от криминала.

Портрет женщин-учителей советской провинции отличался от портрета мужчины-учителя. При опросах учительниц встречались такие ответы на вопрос о причинах выбора профессии педагога: «любовь к детям», «удовлетворения от воспитания и обучения детей младшего возраста», т.е. часть материнских чувств (ПМА 2009–2011). Данный побудительный мотив не угасал и последующие годы педагогической работы учительниц – «на протяжении всей трудовой деятельности любовь к выбранной профессии не угасла и по сей день». Конечно, учительницы в первую очередь отмечали в своих наставниках мастерство и умение себя контролировать. «Учитель в первую очередь должен быть наставником и мастером своего дела, так как неправильное замечание может сломать ребенка и отбить желание учиться» – отмечает учительница истории Обломихинской средней школы К.И. Морозова (ПМА 2009–2011).

Таким образом, подводя итог, хотелось бы отметить, что социально-психологический облик советских учителей с 1917 года к 1991 году претерпел существенные изменения. Прежде всего, это отразилось на внешнем виде учителей. Если в 1920-е годы – это зачастую бедно одетые люди, имеющие только один комплект вещей и обуви, то уже в 1940-е годы педагоги, в первую очередь учительницы, стремились выделяться из общей рабоче-крестьянской массы, а к 1960–1970-м годам учителя старались одеваться в соответствии с новыми модными тенденциями. Учительница истории Обломихинской средней школы Капитолина Ивановна Морозова в личной беседе, поделилась, что в ее гардеробе к 1960-м годам было несколько платьев и костюмов, потому что она предпочитала сэкономить на еде или других вещах, но к учебному году или празднику купить себе новый наряд в школу. Одновременно учительницы начинают пользоваться косметикой, делать прически и стрижки, согласно

моде (например, в 1970-е годы было модно носить парик, в том числе и среди учителей). Мужчины менее избирательно относились к своему внешнему виду, исходя из интервью, можно сказать, что практически все обходились одним костюмом в течение нескольких лет, причем не испытывая при этом дискомфорта.

Во-вторых, изменения произошли и в образовательном уровне педагогов, если большинство из учителей в 1920-е годы имели лишь среднее образование, кроме того, высоким оставался процент с низшим и начальным образованием, то к 1991 году практически все учителя имели высшее и среднее специальное педагогическое образование.

В-третьих, изменилось и социальное происхождение учителей. Борьба за создание бесклассового общества, постоянные чистки учителей с конца 1920-х годов существенно повлияли на социальный состав учителей. К середине 1930-х годов большинство учителей пополняется выходцами из крестьян, а к концу 1980-х годов это представители служащих, меньше среди них стало тех, кто происходил из семей рабочих и еще реже из колхозников-крестьян.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революционный слом российской государственности в 1917 году, гражданская война и разруха подорвали экономику страны. Большинство россиян жили за чертой бедности: заработную плату им не выплачивали, школы закрывались, многие учителя были вынуждены искать другие источники заработка. Ситуация обострилась в первое десятилетие советской власти в связи с гонениями на учителей как представителей «чуждых» классовых элементов. Правящая партия коммунистов пыталась активно формировать новых «красных» просвещенцев. Помимо педагогической работы, учителей принудительно заставляли выполнять различные общественные поручения, которые не оплачивались государством. Педагогам приходилось в административно-принудительном порядке организовывать ликвидацию безграмотности, вечера самодеятельности, лекции, избы-читальни, вести занятия по новым методическим программам, которые менялись каждый месяц.

Учителя в советское время считались не просто носителями знаний, которые следовало передать подрастающему поколению, но и проводниками коммунистической идеологии, на которых возлагалась ответственность за воспитание нового общества.

С обострением во второй половине 1920-х годов внутрипартийной борьбы, в обществе ужесточился курс политического режима по отношению к «старой» интеллигенции («Шахтинское дело», процесс «Промпартии» и др.), активизировались кампании по «очищению» вузов и техникумов от «социально чуждых элементов». В них преобладал огульный, неиндивидуальный подход к проблемам социального состава студентов, который наносил серьезный ущерб делу подготовки специалистов. Как показало исследование, в 1926 году количество партийных учителей в Костромской области от общего состава в 3460 чел. было 67 человек, что к общему итогу составляло 1,9 %, членов ВЛКСМ – 136 чел. (3,9%), а членов союза Работников просвещения – 1707 чел. (49,4%), остальные учителя –

1550 чел. (44,8%) не входили ни в какие организации. Таким образом, беспартийных работников просвещения было подавляющее большинство – 94,2%, что не могло удовлетворить партию. Пытаясь добиться перелома в народном образовании, в 1929 году власть объявила «чистку» органов народного образования (Ефременко 1929: 80).

В результате проведенной чистки без средств к существованию осталось около половины всех просвещенцев Костромского края. Обострилась ситуация и в бытовом плане. Зачастую, как отмечается в источниках, были случаи беспричинного увольнения, перевода в другой район или даже город. Вместе с тем, несмотря на социальную неблагонадежность в происхождении, в целом ряде сел Костромской губернии, население вставало на защиту учителей, выказав поддержку их просвещенческой деятельности (ГАКО. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 23. Л. 16–17).

Материалы обследования показали, что среди учителей был страх перед партией и ее политикой. Обвинения в антисоветской направленности были не всегда беспочвенными, так как учительство находилось в крайне затруднительном материальном положении, а заработная плата в районах была в конце 1920 – начале 1930-х годов в натуральных продуктах, предоставляемых зажиточной частью крестьян. В результате учительство оказывалось в безвыходной ситуации. С одной стороны, директивные указания партии об общественной работе и проведении коллективизации; с другой – борьба за искоренение «кулаческих элементов» означала для учителей голод. Об этом свидетельствуют и воспоминания учителей: «Вследствие задержки заработной платы учительство вынуждено обращаться к зажиточной части деревни за покупкой продуктов в кредит» (Еферемко 1929: 106).

Таким образом, 1930-е годы явились очередным испытанием для учителей. Они оказались под тяжелым гнетом идеологического диктата со стороны партии и в бесправном положении перед местными исполнительными комитетами и инспекторами. Учитель практически не имел прав и своего мнения, любое отклонение от установленной партией нормы рассматривалось как «нездоровый уклон»,

и такой педагог мог быть не только уволен, но и репрессирован. Известны конкретные факты репрессий по отношению учителям за «троцкистские» высказывания. Снимали с руководящих должностей и отстраняли от педагогической работы жен, репрессированных специалистов, лишали недвижимого имущества учителей – выходцев из зажиточных семей и пр.

В годы войны количество обязательных работ увеличилось в плане не только трудовом, но и общественном. Учителям поручались важные обязательства: регулярные читки газет о положении на фронтах и беспримерной работе людей в тылу, организация подписки на государственный заем. В условиях военного времени руководство учителями со стороны партии было усилено. Педагогам постоянно приходилось работать сверх нормы, значительно превышая сверхурочное время, за счет сна и отдыха. Тем не менее, несмотря на трудности, усилиями костромских учителей была реализована программа партии по организации всеобщего обучения детей. Некоторым учителям приходилось заниматься на дому с учениками в свободное время, в противном случае ответственность за срыв правительственного плана была строгой, вплоть до уголовной (ГАНИКО. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 15. Л. 13).

В трудные послевоенные годы, учащиеся вместе с учителями разъезжались по колхозам района, на уборку урожая. Работали до тех пор, пока не замерзала земля. При этом жили в тяжелых условиях, часто не приспособленных и не пригодных для жизни помещениях.

Однако со временем политическое влияние партии постепенно снижалось. По-прежнему многие учителя вступали в комсомол, реже в партию, практически все являлись членами профессиональных союзов, так как это давало социальные преимущества (путевки, реже квартиры). Контроль со стороны партии, администрации школ, РОНО, ОБЛОНО за деятельностью учителей сохранялся до распада СССР.

При анализе бюджета времени педагогов в 1920-е годы и 1980-е годы видно, что в 1920-х годах учитель затрачивал на общественные поручения только 1 час 40 минут в сутки

или 5,8% от всего времени, а в 1980-е годы этот показать вырос в среднем до 2 часов и стал составлять 8,3% всего бюджета времени педагогов. Этот факт свидетельствует о том, что уровень общественных хлопот учителей со временем не только не снижался, а рос, отрицательно сказываясь на здоровье, личном и семейном благополучии педагогов. Если в 1920-е годы общественная работа носила характер партийной пропаганды, то в 1970–1980-е годы она трансформировалась во внеклассную и методическую работу.

Численное преобладание учителей в изучаемом регионе было за русским населением – 99%. Вместе с тем, следует отметить, что многие учителя, у которых родители были представителями разных этнических общностей, предпочитали при опросах или переписях указывалась принадлежность к русским. Данное положение было связано с боязнью дискриминаций и притеснениями на бытовой почве, часто на подсознательном уровне, так как власть строго следила за соблюдением принципа интернационального воспитания. Кроме того, связь с привычной этнической средой обитания утрачивалась. Так, многие учителя, которые были евреями или финнами родным языком выбирали русский, однако национальное происхождение не скрывали.

Однако, в послевоенные годы произошло увеличение количества и представителей отдельных национальностей среди учительской группы; кроме русских это были украинцы, белорусы, татары, евреи, также встречались и немцы, представители этнических общностей из Прибалтики (латыши, эстонцы, литовцы), финны, армяне (ГАНИКО. Ф. 472. Оп. 5. Д. 49, 50, 59, 69, 80, 81, 83, 86, 88; Ф. 337. Оп. 2. Д. 17, 18). Представители этих этнических общностей оказывались на территории Костромского края, как правило, в результате внутренних миграционных процессов в СССР. Сказывалось и то, что в советское время существовала система распределения молодых специалистов по всему СССР.

Вся идеологическая политика в СССР с самого начала его существования была направлена на формирование преданных режиму учителей. В 1925 году вышла директивная установка об активизации работы учителей по «безрелиги-

озному воспитанию». Учителя должны были активно распространять материалистические взгляды среди населения путем организации уголков безбожников и массовых чтений докладов на антирелигиозные темы (ГАКО. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 23. Л. 25). Прямых свидетельств о приверженности учителей к той или иной религии крайне мало. Однако в постановлениях местных РОНО или приговорах народного суда встречаются факты посещения отдельными учителями церкви, особенно в годы Великой Отечественной войны, когда наблюдался заметный рост религиозного самосознания населения. Тем не менее, проведенное нами эмпирическое исследование и личные беседы с учителями показали, что большинство учителей по своему мировоззрению были атеистами. Вместе с тем, на вопрос о «крещении» (и совершении других обрядов) детей все респонденты ответили утвердительно. Причем религиозные обряды совершали тайно, часто в соседних областях или на дому, чтобы местные органы власти не смогли об этом узнать. Напряженность в религиозном вопросе сохранялась до 1988 года, когда в СССР произошла политическая и идеологическая либерализация[23].

Гендерный аспект исследуемой тематики показал, что доминирование женщин среди учителей наблюдалось еще на ранних этапах формирования советской учительской интеллигенции. К 1920 году в Костромской губернии женщин-учителей было 77% от общего состава, что, в первую очередь, было следствием демографической ситуации в регионе, Первой Мировой и Гражданской войн. Окончательный перевес в феминизации профессии приходится на годы Великой Отечественной войны. Последующие годы не увеличили количество мужчин среди учителей, так как уровень жизни и средняя заработная плата учительского персонала были значительно ниже, чем в других профессиях. Именно поэтому мужчины, как основные кормильцы семьи, даже при получении преподавательской специализации предпочитали находить другой вид работы.

Уровень заработной платы учителей провинции все советское время был невысоким. Педагоги могли позволить

[23] Религия в СССР // Интернет ресурс: http://www.territorioscuola.com. Дата обращения: 5.12.2010.

себе купить только самое необходимое. До 1935 года заработная плата была ниже прожиточного минимума и поэтому учителя находились в затруднительном материальном положении. Ситуация наладилась только к концу 1940-х годов, так как условия военного времени накладывали определенный отпечаток на жизнь всего общества. Кроме того, учителя в сельской местности были одними из немногих, кто получал заработную плату в денежных знаках. Крестьяне-колхозники до середины 1960-х годов не получали заработную плату и работали за трудодни. Поэтому у учителей постоянно занимали деньги. Учительница истории Обломихинской семилетней (позже средней) школы вспоминает: «У меня была специальная тетрадочка, в которой я записывала, кто брал деньги в долг. Очень часто возвращали через год или два, потому как у многих не было в те времена наличных денег» (ПМА 2011). Учителям приходилось работать на несколько ставок, брать дополнительную нагрузку для того, чтобы свести концы с концами. Несмотря на эти трудности, цены на товары в 1960–1980-е годы были стабильными, заработная плата выплачивалась регулярно, а жизненный уровень постепенно рос.

Источники фиксируют следующую картину повседневности советского учителя: съемное жилье или комната в общежитии / коммунальной квартире. Отсутствие удобств – канализации, водопровода, газа, электричества и даже собственной кухни – в 1920-е годы делало жизненные условия тяжелыми для всех слоев общества. Данная проблема оставалась нерешенной до середины 1950-х годов. К 1970-м годам завершилась электрификация Костромской области, в домах учителей появилось не только радио, но телевизоры и другие электрические приборы. Однако отопление оставалось печным, газ был проведен только в Костроме, другие районы области оставались без газа до конца советской эпохи. Именно поэтому учителя заготавливали дрова, а еду готовили на керосиновых плитах или в печке.

В 1920-е годы материальная база школ была низкой. Многие здания находились в аварийном состоянии, учебными пособиями оснащалось только 35% школ. Иногда один учебник был рассчитан на 45 человек.

В сельской местности под школу приспосабливали деревянные избы, которые не были рассчитаны на большое количество учеников, а значительную часть пространства занимала печка. Данная проблема оставалась не разрешенной до конца 1940-х годов – война и трудности тех лет отодвинули решение этой проблемы еще на десятилетие.

В годы Великой Отечественной войны учителя работали при скудном освещении и отоплении, тетрадей и перьев не было, писать приходилось на газетах, а иногда и на снегу. Только в 1948 году в отдельных районах области появились новые школьные здания, специализированные кабинеты, наглядные пособия и специальное оборудование. В целом проблема разрешилась к началу 1970-х годов, однако в отдаленных районах области она сохранялась вплоть до 1985 года. Таким образом, условия работы в советской школы за годы становления власти претерпели существенное изменение. К 1980-м годам здания школ стали пригодными для обучения в сравнении с 1920-ми годами. Появились специализированные кабинеты, новое оборудование, которое облегчило труд педагогов. В школы были повсеместно проведены отопление, электричество и водопровод.

Социально-психологический облик советских учителей с 1917 по 1991 год претерпел существенные изменения. Во-первых, это отразилось на внешнем виде учителей. Если в 1920-е годы это зачастую бедно одетые люди, имеющие только один комплект вещей и обуви, то уже в 1940-е годы педагогиа в первую очередь учительницы, стремились выделяться из общей рабоче-крестьянской массы, а к 1960–1970-м годам учителя стали одеваться в соответствии с новыми модными тенденциями. В личной беседе учителя делились тем, что в их гардеробах к 1960-м годам было несколько платьев и костюмов, потому что они предпочитали экономить на еде и других вещах, но к учебному году или празднику купить себе новое платье в школу. Одновременно учительницы начали пользоваться косметикой, делать прически и стрижки согласно моде (например, в 1970-е годы было модно носить парик, в том числе и среди учителей). Мужчины менее избирательно относились к своему внешнему виду, из итогов интервью можно сказать, что

практически все обходились одним костюмом на несколько лет, причем не испытывая при этом дискомфорта.

Изменения произошли и в образовательном уровне педагогов. Так, если большинство учителей в 1920-е годы имело лишь среднее образование, кроме того, высокой оставалась доля с низшим и начальным образованием, то к началу 1990-х годов практически все учителя имели высшее или среднее специальное педагогическое образование.

Менялось и социальное происхождение учителей. Создание бесклассового общества, постоянные чистки учителей конца 1920-х годов существенно повлияли на социальный состав учителей. К середине 1930-х годов большинство учителей были выходцами из крестьян, а к концу 1980-х годов это были выходцы из служащих, меньше из семей рабочих и еще реже из колхозников-крестьян.

Таким образом, обращение к истории повседневности большой социальной группы россиян в прошлом и настоящем – не только восполнило пробел в изучении образа жизни работников умственного труда и образовательной сферы, но и выявило путь апробации возможностей микроисторического подхода к изучению общих процессов социально-культурной истории, истории быта и истории образования России в XX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Источники

а) Документы и материалы архивных учреждений

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А374. Оп. 8. Д. 13, 87, 90, 316, 465, 346; Ф. Р-5462. Оп. 1. Д. 153, 121; Ф. А 2306. Оп. 69. Д. 2809.
2. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 39, Д. 23; Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 65, 75, 89, 91–93, 117, 128; Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 40; Ф. Р-1451. Оп. 2. Д. 260, 260-а, 260-в, 307а.
3. Государственный архив новой истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 1–16; 20–59; 64–100; Ф. Р-403. Оп. 2. Д. 1–17; Ф. Р-472. Оп. 5л. Д. 1– 90; Ф. 1204. Оп. 1. Д. 1– 23; Ф. Р-564. Оп. 2. Д. 2–20; Ф. Р-1006. Оп. 2. Д. 1–56; 79– 117; 119–278; Ф. Р-1178. Оп. 1. Д. 1–10; Ф. Р-765. Оп. 6. Д. 5–18; Ф. Р-1053. Оп. 2. Д. 3–14; Ф. Р-1026. Оп. 11. Д. 114–117; Ф. Р-983. Оп. 3. Д. 4–45.

б) Опубликованные документы и материалы

1. XXII съезд коммунистической партии Советского союза 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962.
2. Декреты Советской власти. Том 11-14. М., 1962–1988.
3. Директивы ВКП (б) по вопросам просвещения. М., 1930.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд-е 9. Т. 2–9. М., 1984.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Издание 7. М., 1953.
6. КПСС о культуре, просвещение, науке. М., 1984.
7. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов с 1917–1973 гг. М., 1974.
8. Основы строительства педагогического образования в РСФСР. Сборник руководящих постановлений и положений. М., 1925.
9. Отчет губернского исполнительного комитета за 1923 год. Кострома, 1924.
10. Отчет Иваново-Вознесенского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1923–24 гг. Иваново-Вознесенск, 1925.
11. Отчет Костромского губернского исполнительного комитета за 1925 год. Кострома, 1926.
12. Отчет Костромского Губернского исполнительного комитета о состоянии Костромской губернии 1919–1920 гг. Кострома, 1920.

13. Отчет отдела народного образования за 1925/26 учебный год. Кострома, 1926.
14. Постановление Ярославского губернского съезда по подготовке учителей, состоявшегося при губнаробразе 10-23 января 1921 г. Ярославль, 1921.
15. Просвещение в Костромской губернии. Краткий отчет Губернского отдела народного образования к Х-й годовщине Октябрьской революции. Кострома, 1927.
16. Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства о народном образовании6 28 октября 1917 – 7 ноября 1918. Вып.1. М., 1919.
17. КЗОТ РСФСР. 1922 // Интренет ресурс: http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_22.htm. Дата обращения: май 2011.
18. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сб. документов. Т. 1, М., 1959.

в) Работы государственных и политических деятелей:

1. Бубнов А.С. Статьи и речи о народном образовании. М., 1959.
2. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988.
3. Крупская Н.К. Вопросы народного образования. М., 1918.
4. Крупская Н.К. О воспитании и обучении. М., 1946.
5. Крупская Н.К. Педагогические сочинения. В 10 т., М., 1957–1961.
6. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Полн.собр.соч. Т. 41.
7. Ленин В.И. О приеме в высшие учебные заведения в РСФСР. Проект постановления Совета народных комиссаров. Полн. собр. соч. Т. 37. М., 1967.
8. Ленин В.И. О работе Нарокомпроса. Полн.собр.соч. Т.42. М., 1967.
9. Ленин В.И. Страницы из дневника. Полн.собр.соч. Т. 45. М., 1967.
10. Ленин В.И. КПСС об интеллигенции М., 1979 г.
11. Ленин В.И. Речь на первом Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 года. Полн. собр. соч. Т. 36.
12. Ленин В.И., Луначарский А.В. Собрания сочинений. В 8 т. М., 1963–1967.
13. Луначарский А.В. О воспитании и образовании. М., 1946.
14. Луначарский А.В. Интеллигенция в ее прошло стоящем и будуще. М., 1924.
15. Луначарский А.В. Интеллигенция и религия. М., 1925.
16. Луначарский А.В. Народное образование в СССР в связи с реконструкцией народного хозяйства / сб. статей. М.: Педагогика, 1979.
17. Луначарский А.В. О воспитании и образовании/ сб. статей. М.: Педагогика, 1979.
18. Луначарский А.В. Об интеллигенции. М., 1923.
19. Луначарский А.В. Судьбы современной интеллигенции. М., 1925.

г) Статистические сборники, справочники, энциклопедии:

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Костромская губерния. Интернет ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=187. Дата обращения: апрель, 2011.
2. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Интернет ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php. Дата обращения: апрель, 2011.
3. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав Костромской области. Интернет ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=36. Дата обращения: апрель, 2011.
4. Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав Костромской области. Интернет ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=17. Дата обращения: апрель, 2011.
5. Всесоюзная перепись населения 1979года. Национальный состав Костромской области. Интернет ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=17. Дата обращения: апрель, 2011.
6. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав Костромской области. Интернет ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=17. Дата обращения: апрель, 2011.
7. Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 года. Т. 1. Ч. III. М., 1930.
8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Социальный и профессиональный состав населения по Костромской области. Кострома, 1973.
9. Козаченко И.Я. Основы демографии. Киев, 1972. Ч.1.
10. Костромская губерния в цифрах 1923–1924 гг. Кострома, 1925.
11. Костромская областная организация КПСС в цифрах. 1917–1979. Ярославль, 1981.
12. Культурное строительство РСФСР. Стат.сб. М., 1958.
13. Народное образование, наука и культура в СССР. Стат.сб. М., 1977.
14. Народное хозяйство в Костромской области 1989 году. Стат. сб. Кострома, 1990.
15. Народное хозяйство в Костромской области. Ст. сб. Кострома, 1991.
16. Народное хозяйство в Костромской области. Ст. сб. Кострома, 1992.
17. Народное хозяйство в СССР в 1960 году. Стат. ежегодник. Территория и население. Ч. II. М., 1961.
18. Народное хозяйство в СССР в 1990 году. Стат. ежегодник. Социальное развитие. Население. Ч. II. М., 1991.
19. Народное хозяйство в СССР в 1990 году. Статистический ежегодник. Интернет ресурс: http://lost-empire.ru. Дата обращения: апрель, 2011.

20. Народное хозяйство Костромской области в 1980 году. Кострома, 1981.
21. Народное хозяйство Костромской области в 1990 году. Кострома, 1991.
22. Народное хозяйство Костромской области. Иваново, 1969.
23. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.
24. Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный стат. ежегодник. М., 1987.
25. Социалистическое строительство СССР 1933–1938. М.; Л., 1938.
26. Статистический ежегодник 1918–1921 гг. (Вып. 1). Труды Центрального Статистического управления. Т. VIII. М., 1922.
27. Центрально статистическое управление при Совете Министров РСФСР (ЦСУ РСФСР) Статистическое управление Костромской области. Архив управиления.
28. Цены и тарифы // под ред. Ш.Я. Турецкого. М., 1969.
29. Цены и ценообразование в СССР. М., 1966.
30. Цены на продовольственные товары народного потребления. Статистические материалы. М., 1963.
31. Ярославская область за 50 лет: очерки, документы, материалы. Ярославль,1986.

д) Личный архив автора:

1. ПМА 2007.
2. ПМА 2008.
3. ПМА 2009.
4. ПМА 2010.
5. ПМА 2011.

е) Периодическая печать.

Журналы:

1. Агитатор. Ноябрь, 1957. № 22.
2. Народное просвещение, 1929. № 8–9.
3. Народное просвещение. 1929. №3–4.
4. Работница. Кострома, 1923.

Газеты:

1. Волжская новь. Кострома, 1939–1999
2. Знамя коммунизма. Макарьев, 1950–1980;
3. Красный мир. Кострома,1920–1991.
4. Макарьевский вестник. Макарьев, 1991–1999.
5. Молодой ленинец. Кострома, 1962.
6. Новая жизнь. Георгиевское, 1991–2003.

7. Северная правда. Кострома, 1920– 1999.
8. Смена. Кострома, февраль 1927. № 2.
9. Смена. Кострома, январь 1928. № 6.
10. Смена. Кострома, январь 1928. № 7.
11. Смена. Кострома, февраль 1927. №2.
12. Смена. Кострома, 1927–1928.
13. Учительская газета. 21 июня 1942.
14. Учительская газета. 1 декабря 1944.

2. Монографии, сборники статей

1. 1917 год в судьбах российских граждан. Иваново, 1997.
2. Актуальные вопросы историографии и источниковедения истории школы и педагогики. М., 1986.
3. Андрейчиков Н.И. Свободное время и развитие личности. Иваново, 1962.
4. Анисов М.И. Источники изучения истории советской школы и педагогики. М., 1986.
5. Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики. Пермь, 1-3 октября 2010 г.
6. Астахова В.И. В.И. Ленин о сущности и социальной природе интеллигенции. Харьков, 1970.
7. Астахова В.И. Советская интеллигенция и ее роль в обществе. Харьков, 1975.
8. Бейлин А.Е. Подготовка кадров СССР за 15 лет. М.; Л., 1932.
9. Беловинский Л.В. Изба и хоромы: Из истории русской повседневности. М., 2002.
10. Бердова О.В., Лушина Е.А. Костромское учительство (XVIII – начало XX века) / отв. ред. Герасимов А.А. Кострома, 2006.
11. Бессонов Ю. Две жизни. Жизнь и педагогическая работа А.Д. Обуховской. М., 1937.
12. Боффа Дж. История Советского Союза в двух томах. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. М., 1990.
13. Будник Г.А. Высшая школа и интеллигенция: советский воспитательный и образовательный эксперимент. 1945–1985 гг. (на материалах Центрального района России). Иваново, 2003.
14. Василевская Е.Г. Формирование учительских кадров в Ярославской губернии после перехода к новой экономической политике // Актуальные проблемы истории науки. Ярославль, 1990.
15. Верт Н. История Советского государства. М., 1992.
16. Веселов В.Р. Формирование учительских кадров в СССР. М., 1983.
17. Виноградова Ф. Мой класс. М., 1949.
18. Волков В.С. Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР (1926–1937). Л., 1975.

19. Волков Д.А., Миловидов В.Л., Рябинин А.Н. Костромской государственный университет: страницы истории и современность. Кострома, 2002.
20. Вопросы истории и историографии социалистической культуры. М., 1987.
21. Гибельман И., Равнин И., Фузер Е., Соколов Я. Труд и здоровье педагога. Научно-популярные очерки по материалам обследования института им. В.А. Обуха по изучению профессиональных болезней. М., 1926.
22. Главацкий М.Е. Историография формирования интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987.
23. Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. Свердловск, 1974.
24. Главацкий М.Е. Советская историческая литература о формировании производственно-технической интеллигенции // Культурная революция в СССР. 1917–1965. М., 1965.
25. Голленгер Г.Ю., Тумаровская А.И. Воспитанница Наталья Николаевна Годоснидская. М., 1939.
26. Голубева Н.А. Деятельность партии по повышению общественно-политической активности учительства на завершающем этапе строительства социализма (1951–1959) / Роль интеллигенции в построении и дальнейшем развитии социалистического общества СССР. Л., 1979.
27. Голубева Н.А. Забота партии об обеспечении школ учительскими кадрами в период подготовки условий для развертывания коммунистического строительства / Из истории формирования социалистической интеллигенции. Л., 1972.
28. Голубева Н.А. Развитие системы подготовки учительских кадров Российской Федерации в период завершения строительства социализма (1951–1958) / В.И. Ленин и проблемы культурной революции. Л., 1970.
29. Горбунов В.В. Ленин и социалистическая культура. М.; Л., 1972.
30. Григорьев Р. Очерки школьной жизни (дневник учительницы). Прибой, 1928.
31. Данилов А.А., Меметов В С.. Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново, 1997.
32. Деятельность Коммунистической партии по подготовке и воспитанию учительских кадров в период социалистического строительства: Сб. научн трудов Моск. заочного пед. ин-та. М.,. 1981.
33. Дзюбинский С.Н. Народный учитель. Повесть об учителях Ю.Ф. и Н.М., Головиных. М., 1939.
34. Дробот М., Великий перелом (учительство о себе). М., 1925.
35. Евдокимов И. Учительница Н.В. Покровская. М., 1937.

36. Ермаков В.Т. Исторический опыт культурной революции в СССР. М., 1968.
37. Желтов К. Записки директора школы. М., 1950.
38. Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000.
39. Журавский Г.Е. Очерки по истории педагогики в связи с историей классовой борьбы. М., 1926.
40. Зак Л.М. История изучения советской культуры. М., 1981.
41. Заработная плата работников непроизводственной сферы. Врачи и учителя. М., 1967.
42. Зубков И.В. Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916. М., 2010.
43. Ингулов И. РКП (б) и учительство. Что сказал XIII съезд о задачах учительства. М., 1924.
44. Интеллигенты и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного и перспективы. Тезисы докладов X Международной научно-теоретической конференции Иваново, 1999.
45. Интеллигенция в политической истории XX века. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 1992.
46. Интеллигенция в системе социальной структуры и отношений советского общества. Тезис докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Кемерово. 19-21 марта 1991 г. Кемерово, 1991.
47. Интеллигенция и политика. Тезисы докладов Межрегиональной научно-теоретической конференции. Иваново, 1991.
48. Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985.
49. Интеллигенция. Провинция. Отечество. Иваново, 1996.
50. Историографические и методологические проблемы изучения отечественной школы и педагогики М., 1989.
51. Историческая энциклопедия. Кострома, 2002.
52. История Костромского края XX век. Учебное пособие. Кострома, 1997.
53. История Ярославского края. Ярославль, 2001.
54. К первому всесоюзному учительскому. Свердловск, 1924.
55. Кабанов П.И. История культурной революции в СССР. М., 1971.
56. Каганович И.З. Очерки развития статистики школьною образования СССР. М., 1957.
57. Кадры просвещения. М., 1936.
58. Карр Э. История Советской России. Книга 1. М., 1990.
59. Квакин А.В. Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период НЭПа 1921–1925 гг. Саратов, 1991.

60. Книга памяти. Миловидов В.Л. Страницы Российской истории. Кострома, 2006.
61. Козлина М. Многолетний опыт учителя математики В.В. Андрианова. М., 1937.
62. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М., 1996.
63. Козьякова М.И. Эстетика повседневности: Материальная культура и быт Западной Европы 15–19 веков. М., 1996.
64. Константинов Н.А., Медынский Е.Н. Очерки по истории советской школы за 30 лет. М., 1948.
65. КПСС во главе культурной революции в СССР. М., 1972.
66. Кром М.М. История России в антропологической перспективе: история ментальностей, историческая антропология, микроистория, история повседневности // Интренет ресурс: http://achronicle.narod.ru/krom.html. Дата обращения: май 2011.
67. Кузьмина П.В. психологическая структура деятельности учителя и формирование его личности. Л., 1965.
68. Культура и интеллигенция России в переломные эпохи: XX в. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. Омск. 24-26 ноября 1993 г.
69. Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920 – 1930-е годы / под общей ред. Т. Вихавайнена. СПб., 2000.
70. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города Нормы и аномалии 1920–1930 годы. СПб. 1999.
71. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во 2-ой половине XIX в. М., 1971.
72. Лутченко А.И. Основные этапы формирования советской интеллигенции // Культурная революция в СССР. М., 1967.
73. Лутченко А.И. Советская интеллигенция. М., 1962.
74. Страницы истории советской художественной культуры. 1917–1932. М., 1989.
75. Макаренко А.С. «О коммунистическом воспитании». Избранные педагогические произведения. М., 1952.
76. Методология исследования истории, экономики и культуры российской провинции. Кострома, 2001.
77. Миловидов В.Л. Страницы российской истории: избранные статьи и очерки. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006.
78. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М., 1993.
79. Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и интеллигенция // Интеллигенция и революция: XX век. М., 1985.
80. Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России. 1920–1930-е годы. СПб., 2000.

81. Нужда и порядок: история социальной работы в России XX в. / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005.
82. О профессиональной этике учителя. Свердловск, 1963.
83. Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в РСФСР: историко-педагогические очерки. М.; Л. 1979.
84. Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в СССР. Важнейшие этапы истории и современное состояние. М., 1975.
85. Паначин Ф.Г. Управление просвещением в СССР. М., 1977.
86. Педагогическое образование: опыт, проблемы, перспективы. Сборник научных трудов АПН СССР. М., 1989.
87. Петров Н.А. Личный пример учителя. М., 1939.
88. Печерникова И.А. Учительница-орденосец Т.И. Бабайкина. Горький. Горьковский обл-издат. 1939.
89. Писцовая книга г. Костромы 1627 / 28 – 1629/30 гг. / археограф. подгот. Л.А. Ковалевой. Сост.: Л.А. Ковалева, О.Ю. Кивокурцева. Кострома, 2004.
90. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик; [пер. с англ. Л. Ю. Пантина]. 2-е изд. М., 2008.
91. Поиски новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 1993.
92. Проблемы изучения истории российской интеллигенции и культуры в вузовских исторических курсах. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 1994.
93. Провинциальная культура и культура провинции. Кострома, 1995.
94. Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007.
95. Рожков А.Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека с советской России 1920-х гг. Краснодар, 2002.
96. Роль провинции в становлении и развитии русской государственности. Кострома, 2003.
97. Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 1996.
98. Российская интеллигенция: XX век. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Екатеринбург. 23-24 февраля 1994 г.
99. Российская провинция и ее роль в истории государства, общества и развитии культуры народа. Кострома, 1984.
100. Самуйленков Д.Ф. Мастерство, педагогический такт и авторитет учителя. М., 1957.

101. Сахаров А.Б. Правонарушение подростка и закон. Преступность несовершеннолетних и борьба с ней в СССР. М., 1967.
102. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998.
103. Советская интеллигенция краткий очерк истории (1917–1977). М., 1977.
104. Советская интеллигенция: история формирования и роста. (1917–1965). М., 1968.
105. Спирин Л.Ф. Формирование профессионально-педагогических умений учителя-воспитателя. Ярославль, 1976.
106. Стуков В.Н. От Шкраба к советскому учителю. Ярославль, 1925.
107. Сысоев М.,И. К вопросу о развитии педагогического образования в Российской Федерации в первые послевоенные годы / Ученые записки Ленинградского педагогического института, Ленинград, 1970. Т. 3.
108. Тринадцатый съезд партии РКП (б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М., 1963.
109. Утехин И. Очерки коммунального быта. М., 2001
110. Учительство на новых путях. Ленинград, 1925.
111. Федюкин С.А. Октябрьская революция и интеллигенция, некоторые методологические аспекты проблемы // Интеллигенция и революция XX век. М., 1985.
112. Федюкин С.А. Партия и интеллигенция. М., 1983.
113. Филмер П. Об этнометодологии Гарольда Гарфинкеля // Новые направления в социологической теории. М., 1978.
114. Хосхинг Дж История Советского Союза 1917–1991. М., 1995.
115. Худоминский В.П. Развитие системы повышения квалификации педагогических кадров советской общеобразовательной школы. 1917–1981. М., 1986.
116. Чернокозова В.Н., Чернокозов И.И. Этика учителя. Киев, 1973;
117. Шкляр Н.Г. Большая жизнь. Повесть о жизни и работе народной учительницы Ю.М., Савельевой. М., 1939.
118. Щербаков В.И. психологические основы формирования личности советского учителя. Л., 1967.
119. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1998.
120. Яковлев А.С. Народный учитель К.И. Муравьева. М., 1939.

б) Статьи

1. Богданов И. Угроза развитию школьного дела. // Вестник просвещения Костромского края. 1921. № 1. С.2.
2. Борис Миронов Когда в России жилось хорошо? Эпизод пятый // Родина, Август 2008. С. 14–19.

3. Василевская Е.Г. Формирование учительских кадров в Ярославской губернии после перехода к новой экономической политике // Актуальные проблемы истории науки. Ярославль, 1990. С. 78–79.
4. Веселов В.Р. Еще раз о преемственности истории интеллигенции и ее изучения // Интеллигенция России: традиции и новации. Тезисы докладов межгосударственной научно-практической конференции Иваново, 1987. С. 27–29.
5. Веселов В.Р. О конкретно-историческом подходе к понятию «интеллигенция» // Российская интеллигенция: XX век. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Екатеринбург, 1994. С. 29–30.
6. Веселов В.Р. Русская интеллигенция и революция // Интеллигенция и политика. Тезисы докладов межгосударственной научно-практической конференции. Иваново, 1991. С. 7–8.
7. Волков Д.А., Миловидов В.Л. Российская интеллигенция как объект изучения: некоторые итоги и проблемы. // Провинция России: тенденции, факторы и перспективы социокультурной динамики. М.; Кострома, 1998. С. 57.
8. Волков Д.А., Миловидов В.Л. Споры о российской интеллигенции вчера и сегодня // Вестник Костромского государственного педагогического университета им. Н.А. Некрасова. 1998. № 4. С. 38–42.
9. Герасимов Н.В. Борьба Коммунистической партии за дальнейшее развитие народного образования в годы четвертой пятилетки (По материалам Ярославской области) // Ученые записки Ярослав. гос. пед. ин-та. Вып. XXV. Гуман. науки. Ярославль, 1958. С. 25–55.
10. Глаголев П. Учительский вечер // Народный учитель, 1926. № 5. С. 25–36.
11. Дейнеко М.,О. самообразовании учителей // Народное образование, 1949. № 5. С. 34
12. Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: мешочники. СПб., 2002. С. 107–126.
13. Ефременко Л. Проблема педкадров // Народное просвещение, 1929. № 8–9. С. 106–109.
14. Жевалваков Н.А. Начало социального строительства советского педагогического образования //Советская педагогика, 1947. № 10. С. 71–80.
15. Забелина М. История народного образования в Межевском районе // Новая жизнь, 15 августа 1996. С. 3.
16. Зак Л.М. Процесс формирования советской интеллигенции в современной историографии // История СССР, 1982. № 2.
17. Иванов А.И. Ярославский педагогический институт // Ученые записки ЯГПИ, 1958. Вып. 33.
18. Кафтанникова Е. Кустовые методические объединения // Народное образование, 1950. № 1. С. 28–30.

19. Клабуновский И.Г. Четверть века педагогического образования //Советская педагогика, 1942. №11–12.
20. Колгушкин Л.А. Костромская старина. Татарская слобода // Краеведческий Альманах «Костромская земля». Вып. 2. С. 44–46.
21. Кононенко Р. Передовая школа // Семья и школа, 1947. № 11. С. 16–17.
22. Корнилова О. О политическом перевоспитании школьных работников // Агитатор-пропагандист, 1923. № 15.
23. Кром М.М. Историческая антропология в поисках самоопределения. Дискуссии 70-80-х годов // Интренет ресурс: http://snoistfak.mgpu.ru/Gender_History/ methology/me16.htm. Дата обращения: май 2011.
24. Крылов В. Как живет и работает наш городской просвещенец // Вопросы просвещения, 1925. № 5. С. 23–40.
25. Кузнецова Ю.Б. Ярославский педагогический институт//Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы. Ярославль, 1994. С. 33–43.
26. Лебедева О.А. Подготовка учительской интеллигенции в провинции в 60-70-е гг.: достижения и просчеты // Провинция как социокультурный феномен: сб. науч. тр. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2000. Т. 2. С. 96–100.
27. Лебина Н.Б. О пользе игры в бисер. Микроистория как метод изучения норм и аномалий советской повседневности 20 – 30-х годов // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920 – 1930-е годы / Под общей ред. Т. Вихавайнена. СПб., 2000.
28. Лурия А.Р. Хороший учебник психологии // Советская педагогика, 1947. № 2.
29. Лысяков Н. Из груды учительских стихов // Народный учитель, 1927. № 7–8. С. 67–108.
30. Магарик Н.Е. К истории высшей школы в Ярославле // Ученые записки ЯГПИ, 1945. Вып. 5. С. 4–12.
31. Мазаев А.И. Пространственные искусства и быт (1917–1932) / Страницы истории советской художественной культуры. 1917–1932. М., 1989.
32. Майн В.Н., Груздева Л.В. Школьное образование в России после Великой Отечественной войны // Вестник КТПУ, 1997. № 1. С. 107.
33. Малхасян Н.В. Кадровая политика советского правительства в области народного образования в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2010. № 3. С. 295–297.
34. Малхасян Н.В. Общественная деятельность учительской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник, 2010. № 2. С. 76–77.

35. Миловидов В.Л., Волков Д.А., Рябинин А.Н. Костромской университет // Вестник КГУ. Кострома, 1995. № 3. С. 38– 42.
36. Миловидов В.Л., Косарев С.Б. Российская интеллигенция: взгляд сквозь годы // Вестник Костромского государственного педагогического университета иМ., Н.А. Некрасова, 1998. № 3. С. 40– 48.
37. Миловидов В.Л., Волков Д.А. Годы потерь и поисков. К 80– летию КГПУ им. А.Н. Некрасова // Вестник КГПУ. Кострома, 1998. № 4. С. 32–34.
38. Миронов Б. Когда в России жилось хорошо? Эпизод пятый. 1931–1945 годы // Родина, август 2008. С. 14–19.
39. О задачах школ во втором полугодии 1953–1954 учебного года // Народное образование, 1953. № 12. С. 10.
40. Панкратова А.М. Идейно-политическое воспитание в преподавании истории // Народное образование, 1947. № 9. С. 15.
41. Панфилов В. Вопреки комплексной программе и «Дальтон плану» // Вохмская правда, 1989. Январь.
42. Пнев М.С. Школа раньше и теперь // Шарьинская коммуна, 10 декабря 1958 года.
43. По третьему фронту. 120 верст на лошадях (Впечатления)//Народное просвещение, 1929. № 3. С. 129–138.
44. Погребенский В. И Исторические корни современных противоречий и трудностей педагогического образования // Педагогическое образование: опыт, проблемы, перспективы. Сб. науч. трудов АПН СССР. М., 1989. С. 27–40.
45. Познанский Н. Новые побеги // Народный учитель, 1925. № 3. С. 101.
46. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история, 2004. С. 93–113.
47. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Glasnik Etnografskogo instituta SAN (Beograd). 2005. № LIII. С. 21–34.
48. Пушкарева Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история, 2007. М., 2007. С. 9–21.
49. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение, 2004. № 5. С. 124.
50. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь и повседневность: глазами историка // Вишневский А.Г. (ред.) Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Научная конференция 27-28 февраля 2002 г. Тезисы докладов. М., 2002. С. 44–46.
51. Работать с широким кругом людей, опираясь на опыт коллектива // Народное образование, 1953. № 9. С. 4.
52. Разводов Б., Лузгин Д. Из опыта работы кустового методического объединения // Народное образование, 1948. № 1. С. 28–32.

53. Рейснер М.А. Интеллигенция, как предмет изучения в плане научной работы // Печать и революция, 1922. № 1. С. 93.
54. Рябинин А. Учительство и НЭП: изучая документы // Северная правда, 1991. 1 ноября.
55. Рябинин А.Н. Учительство Верхнего Поволжья в пропаганде идей Новой экономической политики // Интеллигенция в политической истории XX века. С. 132–134.
56. Самойленко М. Повысить качество заочной подготовки педагогических кадров // Народное образование, 1947. №2. С. 15–16.
57. Свадковский И.Ф. Важнейшие вопросы коммунистического воспитания // Народное образование, 1947. №1. С. 14.
58. Скробов Н.И. Педагогические чтения // Советская педагогика, 1948. № 4.
59. Смирнов И. На борьбу с формализмом // Народное просвещение, 1929. № 3–4.
60. Событие. «Карточные системы» в СССР // Интренет ресурс: http://www.finmarket.ru/z/anl/anlpgv.asp?id=439526. Дата обращения: июнь 2011.
61. Федюкин С.А. Октябрь и интеллигенция: некоторые методологические аспекты проблемы // Интеллигенция и революция: XX век. М., 1985. С. 21.
62. Хорькова Е.П. Традиции русской интеллигенции // Интеллигенция в политической истории XX в. Иваново, 1992. С. 16–21.
63. Цветкова П. Со всем пылом души(воспоминания) / Северная правда, 1967. 7 января. Кострома.
64. Шарифуллина Ф.Л. История формирования и традиционная культура татар города Костромы // Романосвские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 26-27 марта 2009 года. Кострома, 2009 / Интренет ресурс: http://www.hrono.info/proekty/romanov/2rc59.php. Дата обращения: декабрь 2010.
65. Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 18. С. 239.
66. Ялозина Е.Л. Условия труда и жизни советских учителей в 1920–1930-е гг. в ракурсе истории повседневности // Повседневным мир советского человека 1920–1940-е гг. Ростов-на-Дону, 2009. С. 77–89.
67. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008.

в) Диссертации и авторефераты

1. Айрапетов С.Н. Трудовая деятельность в структуре образа жизни социально-профессиональной группы (на примере учительства). Дисс… к.философ.н. Свердловск, 1983.

2. Борисова Л.Г. Учительство как социально-профессиональная группа. Дисс. к.философ.н. Красноярск, 1971.
3. Будник Г.А. Формирование интеллигенции в советской высшей школе 1945–1985 гг. (на материалах центрального района России). Автореф. дисс. д.и.н. Иваново, 2004.
4. Васильева Л.Е. Роль женщины в социально-экономической и политической сферах жизни советского общества в 1945–1965 гг. (на материалах Саратовской области). Дисс. к.и.н. Саратов, 2004.
5. Веселов В.Р. Деятельность коммунистической партии по формированию советского учительства и усилению его роли в строительстве социализма в СССР (1917–1937 гг.). Дисс. д.и.н. Иваново, 1983.
6. Витухновский Г.В. Борьба за учительство (1917–1919 гг.). Автореф дисс… к.и.н. М.,. 1949;
7. Дукарт С.А. Интеллигенция Сибири в послевоенные годы (1945–1953 гг.): вопросы теории и историографии. Дисс. к.и.н. Томск, 1997.
8. Емельянов И.И. Советская школа Костромской губернии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). Дисс... к.и.н. М., 1954.
9. Ермушин М.,В. Формирование технической интеллигенции в 1921–1929 гг. (на материалах Верхнего Поволжья). Автореф. дисс. к.и.н. Кострома, 2001.
10. Казарин В.Н. Педагогическая и научная интеллигенция Восточной Сибири: формирование, облик, деятельность вт. половины 40-х сер. 60-х гг. XX века.: Автореф. дисс. д.и.н. Иркутск, 1998.
11. Кокарев А.А. Борьба коммунистической партии за формирование учительских кадров в первые годы советской власти (1917–1920). Автореф. дисс… к.и.н. Л., 1955.
12. Красовская Н.И. История советской школы в Иванове. Дисс... к.и.н. М., 1953.
13. Красовская Н.И. История советской школы в Иванове. Автореф. дисс. к.и.н. М., 1953.
14. Петрова Г.В. Формирование учительской интеллигенции: 1917 – середина 20-х гг. (на материалах Верхнего Поволжья): Дисс... к.и.н.Кострома, 2001.
15. Пивень В.Н. Партийно-государственная политика в области культуры в 1945-1953 гг.: опыт и уроки (на материалах юга России). Дисс. д.и.н. М., 2004.
16. Салова Ю.Г. Организация системы школьного образования в Верхнем Поволжье в первые годы новой экономической политики. Дисс... к.и.н. Ярославль, 1992.
17. Сизов С.С. Взаимоотношения интеллигенции и власти в советском обществе 1946–1964 гг.: на материалах Западной Сибири. Автореф. дисс. д.и.н. Омск, 2002.

18. Супрун А.П. Психосоматическая адаптация молодого учителя. Дисс… к.псих.н. Л., 1983.
19. Худоминский П.В. Становление и развитие системы повышения квалификации учителей советской образовательной школы.: Дисс. к.и.н. М., 1972.
20. Штейнбук В.С. Борьба большевистской партии за завоевание учительства и вовлечение его в активное социалистическое строительство. (1917–1925гг.). Автореферат дисс.. к.и.н. Л., 1950.

г) Зарубежная историография.

1. Байроу Д. Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история, 1994. № 2. С. 122–134.
2. Бараш Б. О подготовке учителя советской школы // Народное образование, 1949. № 3. С. 34–39.
3. Боффа Дж. История Советского Союза в двух томах. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. М., 1990.
4. Верт Н. История Советского государства. М., 1992.
5. Карр Э. История Советской России. Кн. 1. М., 1990.
6. Криптон К. История советского образования и его изучение в США. Нью-Джерси, 1973.
7. О'Коннор Т. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М., 1992.
8. Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х гг. // Вопросы истории, 1990. № 8. С. 16–31.
9. Хосхинг Дж. История Советского Союза 1917–1991. М., 1995.

Приложения

Приложение № 1

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав Костромской губернии[24]

Национальность	Численность		
	Все население		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Русские	358 277	447 959	806 236
Украинцы	371	268	639
Белоруссы	394	346	740
Евреи	441	471	912
Финны	19	28	47
Эсты	61	63	124
Татары	749	645	1394
Прочие народности	777	618	1345
Прочие	36	13	49
Итого граждан СССР	361075	450411	811486
Иностранцы	70	63	133

[24] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Интернет ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=187. Дата обращения: 2010.

Приложение № 2

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав Ивановской области[25]

Национальность	Численность
Всего	2 649 429
Русские	2 591 172
Украинцы	15100
Белорусы	3733
Татары	16332
Евреи	3843
Финны	69
Эстонцы	472
Другие	18401
Не указавшие национальность	307

Приложение № 3

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав Ярославской области[26]

Национальность	Численность
Всего	2284255
Русские	2206126
Украинцы	27354
Белорусы	6551

[25] Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России // Интернет ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=29. Дата обращения: 2010.

[26] Всесоюзная перепись населения 1939 года.Национальный состав населения по регионам России. Ивановская область // Интернет ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=29. Дата обращения: 2011 г.

Приложение 3 (окончание)

Национальность	Численность
Татары	13 691
Евреи	5613
Финны	311
Эстонцы	2009
Другие	22 728
Не указавшие национальность	558

Приложение №4

Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав Костромской области[27]

Национальность	Численность
Всего	919 999
Русские	898 263
Украинцы	7054
Белорусы	2365
Татары	3594
Евреи	1061
Финны	76
Немцы	1727
Другие	6920
Не указавшие национальность	13

[27] Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. Костромская область // Интернет ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=36. Дата обращения: 2011 г.

Приложение №5

Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав Костромской области[28]

Национальность	Численность
Всего	870 575
Русские	841 718
Украинцы	11 000
Белорусы	2396
Татары	3355
Евреи	807
Финны	60
Немцы	601
Другие	10 638
Не указавшие национальность	3

Приложение № 6

Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав Костромской области[29]

Национальность	Численность
Всего	802420
Русские	781997
Украинцы	7631
Белорусы	2500
Татары	3053

[28] Всесоюзная перепись населения 1970 года.Национальный состав населения по регион
ам России. Костромская область // Интернет ресурс:http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=17. Дата обращения: 2011 г.

[29] Всесоюзная перепись населения 1979года. Национальный состав Костромской области // // Интернет ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=17. Дата обращения: 2011.

Приложение 6 (окончание)

Национальность	Численность
Евреи	633
Финны	62
Немцы	427
Другие	6117
Не указавшие национальность	9

Приложение №7

Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав Костромской области[30]

Национальность	Численность
Всего	804 296
Русские	774 620
Украинцы	9723
Белорусы	2891
Татары	2965
Евреи	461
Финны	50
Немцы	450
Другие	13 136
Не указавшие национальность	3

[30] Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав Костромской области // Интернет ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=17. Дата обращения: 2011.

Приложение № 7

Анкета:

1. Ф.И.О.
2. Дата рождения.
3. В каком году Вы поступили в школу?
4. Расскажите о своей первой учительнице (рассказать также о любимой учительнице)
5. Что более всего поразило при первом знакомстве?
6. Что о ней говорили в школе учителя?
7. Что говорили о ней ученики?
8. Известно ли что-то было о домашней жизни этой женщины? Ее семье?
9. Одежда, внешность, прическа, манеры.
10. Почему выбрали эту профессию учителя? Кто повлиял? Как шла учеба? Почему не изменили решению статью учителем?
11. В какой Вуз вы поступили и закончили? Специальность? Годы поступления и окончания.
12. Много ли было юношей на курсе? Куда пошли работать они?
13. Поддерживали вы связи с коллегами-мужчинами (тоже работавшими в школе)?
14. Как происходило распределение? Почему выбрали этот район / город?
15. За что вы любите свою профессию? Мотивация – почему ей не изменили на протяжении жизни?
16. Коллеги, круг друзей, круг общения. Как они связаны с профессией?
17. Тяжело ли было связывать работу и личную жизнь? Как Вам удавалось совмещать такие трудные роли как жена, мать, а только потом учительница или наоборот? Случались ли из-за этого проблемы?
18. Расскажите как начиналась Ваша семейная жизнь, если Вас не затруднит, какие проблемы были наиболее трудно разрешимыми, что было положительного или отрицательного в сравнении с современностью, на Ваш взгляд?
19. Ваше семейное положение в момент окончания вуза? Когда вы создали семью и как повлияло это на вашу трудовую повседневность? Как рано Вы вышли замуж? Сколько у Вас детей?

20. На что тратилась основная часть дня (времени) – работа, домашняя работа (стояние в очередях, готовка, мытье, уборка), досуг, общение с коллегами, воспитание детей и т.п.?
21. Сколько Вы получали как молодой специалист? Хватало ли на жизнь? Существовала ли какая-нибудь материальная поддержка со стороны государства в то время? Что прежде всего вспоминается о бытовых трудностях того времени?
22. Сколько вы получали в разные года 1940, 1950, 1960, 1970, 1980-е года (если есть возможность назвать определенные цифры, например в 1980-х я получала зарплату 170 рублей, в сравнении с первой зарплатой в 1960-е – 80 рублей)?
23. Как часто получали премии, надбавки, имелись ли какие-то льготы? Если сравнивать с другими социальными группами было ли какое-то отличие в материальном смысле?
24. Получали ли молодые советские семьи какие-нибудь льготы, например на жилье? Стояли в очереди на квартиру 15–20 лет, например.
25. Хватало ли на жизнь Вашей зарплаты?
26. Где Вы жили (описать подробно помещение, удобства, был ли отдельный стол, кровать)? Что ежедневно ели? Что ели только на праздниках? Какая была у вас одежда (сколько пар обуви, сколько костюмов, могли ли позволить купить себе несколько)? Можете описать себя: прическа, одежда, обувь в разные года (например, в 1970-е года была мода на клеш, несмотря на запреты директора на вечера мы могли позволить одеть такие брюки. Или мне удалось купить сапоги-ботфорты, но в школе переобувалась в консервативные туфли)
27. Скажите: трудно ли приходилось с тем, чтобы достать одежду или какие-нибудь продукты?
28. Были ли доступны кино / театр др. досуг? Могли ли позволить себе поехать на экскурсию или на отдых (море)? Как вы проводили свой отпуск? Была ли у Вас дача в то время?
29. Вследствие работы появились ли у Вас заболевания, т.к. работа учителя является нервной и утомительной?
30. Каким был Ваш первый класс? Ваши чувства при знакомстве с ним? Как они соотносились с тем, что было «обещано» в педвузе? Совпали ли ожидания?

31. Опишите Ваше эмоциональное состояние до первого урока, вовремя и после? Трудно ли было с дисциплиной? Как можно описать ваше повседневное эмоциональное состояние в те годы?
32. Ваши условия труда в то время. Ваш первый классный кабинет (оборудование, доска и мел, чем писали, что еще было из инвентаря: карты, таблицы)?
33. Какие методические пособия использовали? Были ли специальные разработки в то время? Когда они появились в ходе вашей педагогической деятельности (года)? Насколько сильным было в них влияние педагогических идей того времени (Макаренко, партийная идеология и т.д.)
34. Часто ли были конфликты с учениками или с коллегами?
35. Состояли ли Вы в партии, комсомоле, союзе Просвещенцев? Посещали ли дом Учителя в Костроме?
36. Выполняли ли Вы дополнительные поручения/задания от партии/дирекции школы или других учреждений? Какие и как часто? Общественные обязанности (например каждый апрель выходили с ребятами на субботник, обязательный сбор макулатуры или др.) Организовывали праздники? Общественное дежурство?
37. Были ли какие-нибудь комиссии по проверке Вашей трудовой деятельности? Как они проходили? Что это были за комиссии, как часто устраивались проверки?
38. Вы верующий человек? А в то время? Совершали ли Вы религиозные обряды? Если да какие и каким образом?
39. Во время работы в школе приходилось ли Вам сталкиваться с неравноправием? Случались ли такие ситуации когда Вам отказывали, потому что Вы - женщина (не обязательно в школе)?
40. Занимательные истории из педагогической деятельности, не обязательно связанные со школой (курьезные случаи в жизни, например в поездке)
41. В чем более всего для вас заметны перемены в жизни учителей?
42. Когда было легче – тогда или сейчас. Почему? Что значит для вас «легче»? Так ли важно освобождение от идеологического диктата? Или от диктата экономического (когда не на что купить необходимое)?

Приложение № 8

Анкеты учителей

Анкета № 1

Волкова Наталья Аркадьевна, дата рождения 9 октября 1955 года.

Я родилась в небольшом украинском местечке Бердитеве, на Житомирщине.

В 1963 году я поступила в школу. В школе училась на «5» и «4». Очень любила уроки украинского языка и литературы, географии, биологии, химии, английского языка.

При первом знакомстве с моей первой учительницей меня поразило ее доброта, внимательность, в школе учителя о ней говорили, что она творческий, одаренный учитель, а ученики говорили что она любимая учительница, справедливая, грамотная. О дальнейшей жизни этой женщины известно, что у ней было полная семья: муж военный офицер, двое детей. Одевалась со вкусом, опрятно.

На мои познавательные интересы, нравственные качества характера оказали влияние заслуженный учитель Украины, завуч школы, ветеран Великой Отечественной войны, преподаватель Украинского языка и литературы – Мечислав Игнатьевич Гулинский, а также Любовь Ефимовна Юхинчук (учитель географии), Нина Николаевна Петричко (английский язык).

Не изменила решению стать учителем, потому что большое влияние оказали учителя школы, где я училась.

В 1973 году я поступила на естественно-географический факультет Псковского государственного педагогического института имени С. М. Кирова.

На курсе было четыре потока. В 1978 году получив диплом с отличием, полтора года проработала учителем географии в Краснодарской школе-интернате Псковской области. В Волгореченске живу я с 1981 года, выбрала этот город по рейтингу; по рекомендациям деканата.

С 1983–1985 годах преподавала в восьмилетней школе №16. С 1985 года перешла в школу № 40 (лицея № 1) учителям географии и экономики. Свою профессию я люблю, потому что люблю детей, есть желание донести знания подрастающему поколению, воспитанию учащихся.

У меня много друзей. Было тяжело связывать работу и личную жизнь, на 50% времни отдавала своей семье, и 50% – работе. Семья помогала в трудную минуту, моральная поддержка. Замуж вышла в 25 лет после окончания ВУЗа, у меня двое детей: дочка и сын.

Основная часть дня тратилась конечно же на семью, а работа педагога также важна! Получала я на то время 120 рублей в месяц, материальная поддержка со стороны государства не существовала. В 1980-е годы я получала от 110 до 150 рублей. Также имелась льгота по оплате жилья. Зарплаты на жизнь хватало. На то время жила я в скромной квартире, еда – скромная, одежда – скромная, лишнего не было, но на жизнь хватало. Было не трудно достать одежду или продукты. Кино и театр были доступны. Имеется дача с 1981 года по настоящее время. С 1983 года по 1991 год – отдыхала на море. Дефицита времени не было. Вследствие работы появились заболевания: головные боли и болят ноги.

В школе у меня был самый 1-й класс – это 7-й класс. На первых уроках было волнение, с дисциплиной не было проблем. На то время у меня был 1-й классный кабинет: с доской, мелком, картами, таблицами.

В ходе моей педагогической деятельности имелись три специальные разработки, методические пособия. В них было влияние педагогические идеи партийной идеологии. Конфликты с учениками и коллегами были, но редко. Я состояла в партии комсомола, дом учителя не посещала. Выполняла общественные обязанности: ходили с ребятами на субботник, колхоз, собирали макулатуры, организовывали разные праздники, общественные дежурства. Были комиссии по аттестации, как учителя географии. Они проходили в доброжелательной конструктивной обстановке один раз в 4-5 лет. Я верующий человек, а в то время не думаю, скорее меня можно отнести к атеистам. Сталкивалась с неравноправием в школе. В те времена учитель находился под защитой и вниманием государства. Это – обеспечение работой, стабильной заработной платой, обеспечение жильем, уважительное отношение социума к учителю.

Анкета №2

Груздева Мария Ивановна родилась 19 августа 1933 года в Ивановской области Юрьевецкого района д. Прозорово.

Мое поколение несчастливое: пошла в первый класс Завражной средней школы Юрьевецкого района Ивановской области, уже гремела война. Трудностей было много, особенно с книгами. Их покупали на базаре за продукты, которые выращивали дома или выдавали родителям на трудодни.

Папа, Калинин Иван Илларионович, был уже в армии, а брат Николай работал в колхозе на лошади. Все мужские дела делали мальчишки: пахали, сеяли, косили, жали, метали стога, кормили на конюшне своих лошадей.

Теперь, когда мне уже за 75 лет, я понимаю, почему Россия одолела фашистов: защищали страну все, и стар и млад, работали с раннего утра и до позднего вечера: жали серпами, вязали в снопы, которые потом сушили в овинах, а утром молотили на ладонях. Господи, какой тяжелый труд вынесли наши бабушки! И сразу вспоминаются стихи об этом периоде: «Ты сеяла и жала, и плавила металл, валила в шахтах уголь, а на фронт писала, что хорошо живешь»!

Да, тяжело, очень тяжело было в те сороковые годы! Хотя и было мне всего около 10 лет, но наше поколение взрослело быстро. Ежедневно перед занятиями учителя по очереди рассказывали о положении дел на фронте. В деревне появились первые раненые. Хочется вспомнить об одном солдате Александре Васильевиче Жильцове. Он вернулся тяжело раненым. До войны семья была уже большая, 12 человек (жена, муж, 9 девочек и 1 мальчик). Воевал он где-то под Ленинградом, немец зверел. Но Ленинград стоял. Они были окружены, порой прятались в болотах, дышали через трубку, выходили в деревни за едой только ночью. Русские женщины всегда старались накормить солдата.

Война закончилась 9 мая 1945 г. Подходим к школе – музыка гремит, все радуются, но были и слезы, слезы о тех, кто уже никогда не придет.

1948 г. Школа окончена. Хочу быть только учительницей начальных классов. Педучилище в Макарьеве, это 70–80 км от дома. Сообщения никакого, только пешком. Вдвоем с девочкой, Тоней Радионовской, мы пошли, дороги не знаем. Ее отец нам

сказал: «Идите девчонки и смотрите на телефонные столбы. Линия вас приведет в Макарьев». Так и случилось: примерно 70–75 км, шли два дня.

Итак, сданы вступительные экзамены. Впереди 4 года учебы. Это были очень трудные, самые труднейшие в моей жизни: дом далеко, давали только по 500 граммов хлеба на день, пока идешь из столовой по коридору до комнаты в общежитие все и съешь. Но никакой мысли о том, чтобы бросить учебу не было, потому что все так жили.

Профессия учителя меня интересовала с малых лет. Всегда смотрела на свою учительницу Александру Павловну Чистякову с уважением. Хотела быть только похожей на нее.

В 1952 г. окончила Макарьевское педучилище, одновременно закончив курсы по иностранному языку, и сразу же поступила в Костромской пединститут имени Некрасова на заочное отделение факультета русского языка и литературы.

По распределению я оказалась в Нерехтском районе Костромской области в селе Владычное. Итак, я учитель. А учительнице всего 18 лет. Ученики 7 класса (переростки) были старше меня на 1-2 года, но дисциплина была хорошая.

Школа – приспособленное здание белильной фабрике купца Скворцова. Окна огромные – можно въехать на тракторе. Всегда было холодно. Поэтому занимались только в пальто, дети одевали даже варежки, чтоб согреться. В классе были только доска, парты, мел и географические карты, все остальное пытались купить сами учителя. Разработок для проведения уроков никаких не было, планы писали сами.

Потом построили из двух щитовых домов восьмилетнею школу в деревне Алабухино, она была на горе, отопление водяное. Я стала директором этой школы.

В 1957 г. получила высшее образование по профессии учитель русского языка и литературы. Мальчишек на курсе было мало – 7 человек. Это были все выпускники Макарьевского педучилища, а старостой был Николай Осокин.

Замуж вышла в 1956 г. В семье жили моя мама и свекровь, всеми хозяйственными делами занимались они, поэтому мне легко было руководить коллективом учителей и учеников. Вся моя жизнь – работа. Теперь имею двух сыновей. Старший – Александр, закончил Академию Тимошенко, работает в Москве. Младший – Николай, закончил КГСХА.

С 1965 г. пришлось заниматься строительством новой школы. Строилась она 5 лет. Хорошо, что вырос около нас поселок Волгореченск, а начальником оказался мой земляк, Василий Иванович Амелин. Он и помог в строительстве нового здания, куда вошли дети двух восьмилетних школ и 7 начальных. Путь от школы до дома составлял около 10 километров, поэтому пришлось строить здание интерната на 120 человек. Всего детей было 287 человек. Рядом со школой стоит 12-квартирный дом для учителей. Проблем ни с жильем, ни с отоплением нет.

За строительство школы получила путевку на юг, в Геленджик.

Круг общения и друзей всегда был связан с профессией. Во время работы ездила на экскурсии в Ясную Поляну, в д. Крюково, где защищая, погибло 28 героев-панфиловцев, в Нарофоминске, на Малой Земле, где командовал Брежнев, в доме Короленко, в Пензе у Лермонтова.

Состояла в партии, была секретарем комсомольской организации сельсовета. Будучи членом партии, была в парткоме колхоза Имени Калинина, вела большую общественную работу в закрепленных населенных пунктах.

Комиссии по проверке трудовой деятельности были, но редко, потому что школа от районного центра находилась в 45 километрах, а сообщения не было. За зарплатой ходили пешком или давали лошадь в колхозе. Зарплата была небольшая, но на жизнь хватало.

Учитель на селе уважаемый человек. Приходим в магазин, нам всегда уступали очередь, даже пожилые люди со словами благодарности. Например, один старичок раздвинул очередь впереди себя и сказал: «Щите милые, вы устали с нашими детками». Приятно видеть такое внимание к учителю, а мне было тогда всего 20 лет.

Я всегда была верующим человеком, даже в Макарьеве на 4 курсе бегали на Пасху в церковь. За это нас могли исключить из училища, но вера была сильней.

Перемены в жизни учителей большие: все обеспечены квартирами со всеми удобствами, зарплату привозят прямо в школу, все учебные кабинеты хорошо оборудованы, есть библиотека, много методической литературы, но учеников с каждым годом все меньше и меньше.

Свою профессию я очень люблю, дети – это прелесть. Душу учителя многие видят: конфликтов не помню, будучи директо-

ром, приходилось часто разговаривать в кабинете с непослушными учениками, даже доводить до слез, но потом подойду, поглажу по головке, а иногда даже попрошу прошения. Дети мне отвечати этой же добротой.

Я проработала в школе 49 лет. Мне здесь все родное. Мечта моя осуществилась. Сейчас мне 76 лет. и я благодарна своей судьбе, что никакие трудности, которые были в работе, не пошатнули меня уйти из школы.

Анкета №3

Леонтьев Сергей Семенович родился 21 Октября 1924 года

Рос беззаботным и веселым ребенком, в благополучной семье. В школу пошел 1931 году.

Первого учителя звали Филипп Игнатьевич. Он был образцовым сельским жителем и простым, доброжелательным человеком. «В мои школьные годы на учителя смотрели как на Бога, потому что его считали образцом духовного и внешнего облика. В те времена учитель был на высоте! О нем не думали плохо, а тем более не обсуждали, так как он не был замечен в порочных деяниях...». После того как он женился и ушел с работы, ему на смену взяли молодую, энергичную, красивую девушку, только что закончившую Вохомское пед.училище, Александру Николаевну (это произошло в 7 классе). Работала она с большим удовольствием, и казалось, что она нам как старшая сестра!

После нашего выпуска ее призвали в армию в десантные войска в двадцатилетнем возрасте. По прошествии некоторого времени, я и мои друзья узнали, что она погибла. Этот момент для нас не прошел бесследно. Я задумал, что непременно добьюсь в жизни своей цели и не дам разрушиться будущему!

Я, окончив школу, сначала задумал стать фельдшером: собрал документы и отправил их в Кировский медицинский техникум. Но из-за Великой Отечественной войны не смог осуществить задуманное. Дальше работал в колхозе рядовым, потом помощником бригадира, затем призвали в армию. Там и окончил школу связи и был направлен радиотехником на радиостанцию, которая считалась военно-секретной, где прослужил до марта 1950 года.

Находясь в армии, он получил возможность поступить в пед. техникум им. Бабушкина в Вологде. Получил среднее образование и стал работать воспитателем в детском доме с. Соловецкое Октябрьского района. В 1951 году поступил в Костромской учительский институт, окончив его в 1955 году, поступил в Педагогический и его окончил в 1958 году.Учеба мне давала новые силы и знания, я с удовольствием постигал науку. Хочу заметить, что на факультете юношей было больше, чем девушек, все они устроились на работу по специальности. При распределении на рабочие места учитывались просьбы и пожелания самих студентов.

Я был определен на работу во Власовскую семилетнюю школу учителем труда и истории (1953 год), в 1957 году стал ее директором. Через некоторое время меня назначили зав.района, на этой должности я прослужил более пяти лет, после чего новое назначение – директор Боговаровской среднеобразовательной школы.

«Я полюбил свою профессию из-за чувства гордости за труд учителя, патриотизма по отношению к стране и любви к истории как к науке». Поэтому, после учебы, я вернулся в родные места. Еще А.С. Пушкин говорил: «два чувства близки нам, они дают для сердца пищу: Любовь к родному пепелищу и отеческим гробам»...

У Сергея Семеновича очень много друзей и знакомых. У него с юности очень насыщенная жизнь, связанная с укреплением уровня образования. После окончания нескольких институтов, он посещал курсы повышения квалификации, он постоянно совершенствовался. Вот почему у него такой огромный круг общения.

Как и у каждого человека не все в жизни было легко, проблемы всегда были и производственные, и личные, но на первом плане было решение проблем общественных: развитие педагогических направлений, воспитание и обучение. Прервав разговор, и немного помолчав, Сергей Семенович вспомнил свой первый рабочий день в школе:

«Мой первый класс... ах, до сих пор перед глазами эта картина. Было много сложного и у них, и у нас...»

На протяжении работы классы попадались разные. Всегда при встрече с новым коллективом детей мы старались не различать их, не разделять, на любимчиков и не любимчиков – все равны. По отношению к детям стоит учитывать их домашние условия жизни, отношения в семье. Но и школа это тоже своего рода семья, где все вместе решают проблемы, развлекаются, учатся, влюбляются, расстаются. Я тоже полюбил всех своих учеников, а они в свою очередь были благодарны мне за знания, данные им. Например, отрывок из стихотворения, которое мне читали выпускники:

С большой любовью ты работал.
Из года в год в день первый сентября
Встречал учеников своих с заботой

Если говорить о вере, то я считаю, что в каждом человеке есть духовное начало. Я не совсем атеист, но верю во все сверхъестественное, неопознанное и недоказанное наукой.

«Если сравнивать с современным миром педагогику моих лет работы, то существуют огромные перемены. Сейчас профессия учитель сведена к формуле: « Пед. и Мед.- хуже профессии нет!» Зарплата низкая, нет почета, уважения к профессии. Из учительской среды ушли мужчины, остались только женщины. В прошлом было желание учить, но не хватало знаний, а теперь все наоборот».

И в новый школьный путь их провожал.
В тот мир, где парты школьная доска,
Учебники, портфели, переменки.
Уроки от звонка и до звонка
И надписи веселые на стенке.
В мир первых правил, звуков, красок и движений,
В мир первых грез и первых неудач

Не все в школе было гладко. В отношении школьного оборудования можно сказать четко: многого не хватало. Учебный процесс основывался на крайне примитивных вещах, (не было даже электричества), наглядные пособия сделаны своими руками. Работали без методических пособий и специальных разработок. Главное воспитание считалось в труде. Учеба – главный труд.

Зарплата учителя была невелика. «Я при должности директора получал 115 рублей. Жить на эти деньги было можно... Вот роскоши не было».

Льгот никаких не получал. Жил в маленькой квартире, но не жаловался, в ней себя чувствовал уютно. В семье трудно приходилось с тем, чтобы достать одежду и продукты, но хлеб в доме всегда был и я был всегда одет.

В свободное время с классом ездил на экскурсии. Очень много интересного и познавательного узнал, хотя ездил очень редко, из-за нехватки времени, его отнимала работа.

Посетил дом Учителя в Костроме. Состоял в партии КПСС. Постоянно со стороны руководства ему давались поручения. Он с большой ответственностью подходил к выполнению задачи. Также не оставлял без внимания школьные дела. В школу при-

езжали комиссии по проверке системы качества знаний и преподавания, из финансовой службы и очень много других комиссий. Один случай мне запомнился надолго. В связи с ревизией была обнаружена недостача за дрова на сумму 1000 руб., хотя я сам помогал составлять отчет и был уверен в его сдаче через колхоз. Но оказалось, что бухгалтер отчет не провел и оставил в книге. И когда уже все бумаги были подняты, и мы отчаялись найти то, что с усердием ищем, откуда не возьмись на глаза нам попадается эта ценная бумага. Кто ищет, тот всегда найдет! Мы тем самым еще раз доказали свою ответственность по отношению к даваемым поручениям!

Приложение № 9

Ил. 1. Школьный класс 1930-е годы (Личный архив автора)

Ил. 2. Школьный класс 1930-е годы (Личный архив автора)

Ил. 3. Школьный класс 1944 год (Личный архив автора)

Ил. 4. Школьный класс 1946 год (Личный архив автора)

Ил. 5. Студенты исторического факультета МОПИ им. Н.К. Крупской. Москва, 1949 год (Личный архив автора)

Ил. 6. Студенты исторического факультета МОПИ им. Н.К. Крупской на майской демонстрации. Москва, 1950 год (Личный архив автора)

Ил. 7. Семья учителя. Завтрак 1949 год (Личный архив автора)

Ил. 8. Студенты исторического факультета МОПИ им. Н.К. Крупской (Личный архив автора)

Ил. 9. Школьный класс 1950 год (Личный архив автора)

Ил. 10. Школьный класс 1952 год (Личный архив автора)

Ил. 11. Школьный класс 1954 год (Личный архив автора)

Ил. 12. Майская демонстрация в Костроме, группа учителей (Личный архив автора)

Ил. 13. Группа учителей 1950-е годы (Личный архив автора)

Ил. 14. Группа учителей 1950-е годы (Личный архив автора)

Ил. 15. Учительница 1950-е годы (Личный архив автора)

Ил. 16. Учительница 1950-е годы (Личный архив автора)

Ил. 17. Студенты МОПИ им. Н.К. Крупской (Личный архив автора)

Ил. 18. Учительница 1950-е годы (Личный архив автора)

Ил. 19. Семья учительницы В.И. Платоновой, 1958 год (Личный архив автора)

Ил. 20. Школьный класс учительницы К.И. Морозовой, 1950-е годы (Личный архив автора)

Ил. 21. Урок в школе в 1960-е годы, д. Обломихино Костромского района (Личный архив автора)

Ил. 22. Школьный класс 1962 год (Личный архив автора)

Ил. 23. Заседание педагогического коллектива, 1960-е годы (Личный архив автора)

Ил. 22. Школьный класс 1964 год, д. Обломихино Костромского района (Личный архив автора)

Ил. 24. Семья учительницы К.И. Морозовой, 1960-е годы (Личный архив автора)

Ил. 22. Школьный класс учительницы К.И. Морозовой, 1974 год (Личный архив автора)

Ил. 23. Школьный класс учительницы К.И. Морозовой, 1975 год (Личный архив автора)

Ил. 24. Группа учителей на отдыхе в Прибалтике, 1970-е годы (Личный архив автора)

Ил. 25. Экскурсия Кострома-Москва-Рязань-Горький-Кострома на теплоходе Ф.М. Достоевский, 1972 г. (Личный архив автора)

Ил. 26. Пример подписи фотографии на память учителю К.И. Морозовой, 1970-е годы (Личный архив автора)

Ил. 27. Вручение комсомольского значка в школе, 1970-е годы (Личный архив автора)

Ил. 28. Практика студентов в колхозе, 1970-е годы (Личный архив автора)

Ил. 29. Вручение аттестатов в средней школе д. Обломихино Костромского района, 1970-е годы (Личный архив автора)

Ил. 30. Студенты педагогичекого института г. Костромы на летней практике в пионерском лагере, 1977 год (Личный архив автора)

Ил. 31. Студенты педагогичекого института г. Костромы на летней практике в пионерском лагере, 1977 год (Личный архив автора)

Ил. 32. Студенты педагогичекого института г. Костромы на летней практике в пионерском лагере, 1977 год (Личный архив автора)

Ил. 33. Поход класса на природу, 1970-е годы (Личный архив автора)

Ил. 40. Учительница Н.Т. Соболева в Костроме, 1977 год (Личный архив автора)

Ил. 38. В гостях у учительницы. Фото с выпускниками, 1977 год (Личный архив автора)

Ил. 34. Костромские студенты педагогического института на летней практике в пионерском лагере, 1979 год (Личный архив автора)

Ил. 39. Работа учителей в пионерских лагерях, 1979 год (Личный архив автора)

Ил. 35. Студенты педагогического института г. Костромы, исторический факультет, 1980 год (Личный архив автора)

Ил. 36. Свадьба учительницы Т.И. Правдолюбовой, 1981 год (Личный архив автора)

Ил. 37. Свадьба учительницы Т.А. Яковлевой, 1982 год (Личный архив автора)

Ил. 38. Свадьба учительницы Т.В. Беловой, 1983 год (Личный архив автора)

От автора

Большую признательность выражаю моему ответственному редактору Марине Юрьевне Мартыновой за помощь в подготовке монографии. Хотелось бы выразить благодарность за исправления и внимание к моей книге рецензентам Дмитрию Вячеславовичу Громову и Светлане Станиславовне Крюковой, а также моему научному руководителю Наталье Львовне Пушкаревой и всем советским учителям.

Научное издание

Н.А. Белова

Повседневная жизнь учителей

Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Компьютерная верстка *Н.А. Белова*
Редактор *Д.В. Громов*
Художественное оформление *Е.В. Орлова*

Подписано к печати 27.01.2015
Формат 70 х 108/16. Усл. печ. 13
Тираж 500 экз. Заказ № 54
Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А